

Барбара Хэмбли
Те, кто охотится в ночи

Джеймс Эшер – 1

«Те, кто охотится в ночи»: Эксмо, Домино; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-41018-7

Аннотация

Они — охотники ночного города, превратившие убийство в высочайшее, изысканнейшее из искусств. Но кто-то объявляет на них охоту, кто-то методично уничтожает вампиров среди бела дня, когда они совершенно беспомощны. Кто стоит за всем этим? Человек, решивший извести нечисть? Или вампир, обладающий сверхчеловеческой силой и могуществом, неистовой жаждой крови, причем крови самих вампиров? И у кого достанет сил и мужества протянуть руку помощи «полночному охотнику»? Роман «Те, кто охотится в ночи» в культовом переводе Е. Лукина — образец жанра вампирской литературы.

Барбара Хэмбли
Те, кто охотится в ночи

Джеймс Эшер — 1
Глава 1

— Лидия!

Имя жены отдалось эхом над съеденными темнотой ступенями, но еще за секунду до этого Джеймс Эшер понял: что-то случилось.

Дом был тих, но отнюдь не пуст.

Прислушиваясь, замер в темной прихожей. Наверху, за поворотом неосвещенной лестницы — ни звука. И толстуха Элен не спешит, выбравшись из дальней двери, принять черную оксфордскую мантию и квадратную шапочку хозяина. Судя по пронизывающему холоду осенней ночи, наполнявшему дом, огонь сегодня не разжигали. Обычно Эшер не

обращал внимания на приглушенный грохот посуды, доносящийся из кухни, где хозяйничала миссис Граймс; теперь же его отсутствие оглушило подобно колокольному звону.

Случись такое шесть лет назад, Эшер без колебаний отступил бы за порог, готовый к любой опасности, — поведение, несколько неожиданное для скромного преподавателя Нового колледжа. Однако Эшер в течение долгих лет тайно участвовал в том, что принято уклончиво называть Большой игрой, занимаясь вроде бы невинным делом — сбором филологического материала в оккупированной англичанами Претории, в вельде среди буров, при кайзеровском дворе в Берлине, а то и на заснеженных улицах Санкт-Петербурга. Но, даже выйдя из Игры, он отчетливо сознавал, что его-то самого Игра никогда не оставит.

Какую-то секунду он колебался. Вне всякого сомнения, Лидия была там, в доме.

Затем, бесшумно (если не считать шелковистого шороха его просторной мантии) он отступил за порог — в сырой туман, покрывавший даже ступени крыльца. В доме была опасность, но Эшер не чувствовал страха — им владело лишь холодное бешенство. Что бы там ни происходило, в эту историю были втянуты Лидия и слуги.

Если они посмеют к ней прикоснуться...

Кто «они»? Этого он пока еще не знал, но семнадцать лет секретной службы на благо королеве (ныне — королю) подарили ему пугающий избыток возможностей.

В скрадывающем звуке тумане он пересек мощенную булыжником Холиуэлл-стрит и возле темной стены колледжа выждал, прислушиваясь. Те, в доме, кем бы они там ни были, наверняка слышали его зов. Следовательно, тоже выжидали...

Лидия, догадываясь о многом, — давно, еще в те годы, когда она, шестнадцатилетняя школьница, играла в крокет с молодым коллегой своего дяди на обширных лугах, принадлежащих ее отцу, — однажды спросила, каким это образом Эшер избегает провала в своих заграничных вояжах.

— Я имею в виду, когда все вскрывается и обнаруживается, что похищены секретные документы, вы ведь находитесь там...

Он рассмеялся и сказал:

— Ну, во-первых, секретные документы не похищаются, они лишь аккуратно копируются. А что до остального, то лучшая защита — это казаться человеком, которому просто не пристало этим заниматься.

— Это здесь вы кажетесь таким. — Огромные светло-карие глаза изучали его сквозь очки в стальной оправе. Тоненькая агрессивная девчонка в ту пору еще только начинала превращаться в нежную хрупкую девушку. В присутствии молодых людей, которые уже обращали на нее внимание, Лидия очков не носила, умудряясь играть в крокет вслепую и угадывать содержание меню. А вот Эшера она вроде бы совершенно не стеснялась. В скромной хлопчатобумажной блузке, с красно-голубым школьным галстуком, с длинными рыжими волосами, спутанными изменчивым ветром, она напоминала голенастую болотную фею, безуспешно пытающуюся притвориться английской школьницей. — А трудно превращаться из одного человека в другого?

На секунду он задумался, затем покачал головой.

— Все равно что влезать в выходной костюм, — сказал он, уверенный, что Лидия его поймет.

Она засмеялась, и смех ее был светел, как апрельское солнце. Эшер запомнил этот смех, как запомнил он сырой туман, встающий над лугами Черуэлла, или неземную нежность голосов, плывущих майским утром с башни Модлин-колледжа, напоминая отдаленное пение ангелов. Он хранил эти воспоминания в тайном уголке сердца, как мальчишка хранит свои сокровища в коробке из-под ботинок с тем, чтобы вызвать их в памяти где-нибудь в Китае или посреди вельды, если дела пойдут совсем уже скверно. Лишь несколько лет спустя он понял, что смех Лидии и солнечный свет, играющий сердоликом в ее волосах, были драгоценны ему вовсе не как символ мирного времени преподавания и учебы, когда человек играет в крокет с юной племянницей своего декана, а просто потому,

что он уже тогда был отчаянно влюблен в эту девчонку. Когда же он это наконец понял, сердце его было разбито...

Теперь годы ученых трудов, покоя и счастья отлетали от него, как раздуваемая ветром университетская мантия. Эшер двинулся вниз по узкой улочке, минуя ряд кирпичных строений с плоскими фасадами, туда, где начинался лабиринт глухих переулков.

Если с ней хоть что-нибудь случится...

Из переулка позади домов Эшер мог видеть горящий в его кабинете газовый рожок, но туман и кружево портьер не давали возможности различить что-либо еще. По Холиуэлл-стрит прокатил экипаж; цокот копыт и звяканье упряжи огласили вымощенное булыжником кирпичное ущелье. В глубине влажного серого сада широкое окно кухни светилось, как подготовленная к действию сцена. Горел единственный рожок над плитой — большое стекло давало достаточно света вплоть до наступления сумерек. Следовательно, все произошло не позже семи...

Что — все? Несмотря на холод и предельную сосредоточенность, Эшер слегка усмехнулся, представив себя штурмующим свой собственный дом подобно Робертсу, освобождающему Мэйфкинг. И все с тем, чтобы найти записку: «Отец болен, ушла его навестить, слуг отпустила на ночь. Лидия».

Однако вся беда в том, что его жене (а Эшера до сих пор поражала мысль, что Лидия, несмотря ни на что, все-таки стала в итоге его женой) небрежность была свойственна в той же степени, как ему робость. Да она бы никогда не отпустила миссис Граймс и обеих служанок, не говоря уже о кучере Майке, не распорядившись предварительно об ужине для мужа. И уж обязательно бы известила его, послав кого-нибудь в колледж с запиской об изменившихся планах.

Но вся эта логическая цепь, в течение доли секунды выстроившаяся в мозгу Эшера, была ему в сущности не нужна. За годы скитаний он слишком хорошо научился распознавать запах опасности, а теперь дом буквально разил его.

Держась путаницы лоз, оплетающих садовую стену, и помня о зияющих чернотой окнах второго этажа, он добрался до кухонной двери.

Большинство молодых людей, которым Эшер преподавал филологию, этимологию и сравнительный фольклор в Новом колледже (хотя фактически не таким уж он был и новым — заведение основали примерно в середине четырнадцатого столетия), относились к своему ментору с преувеличенным уважением, с каким обычно относятся к чудаковатому дядюшке. Сам он не разрушал их иллюзий, подыгрывая питомцам в силу привычки; кроме того, этот образ не раз выручал его за границей. Эшер обладал расчетливо неброской внешностью и на первый взгляд казался ниже собственного роста. Лидия определяла его облик одним словом — «коричневый». Коричневые волосы, коричневые глаза, коричневые усы, коричневая одежда и коричневая физиономия. Сняв университетское одеяние, он был бы вылитый клерк, если бы не острый взгляд и бесшумность движений. Старшекурсники наверняка сочли бы совпадением, что их преподаватель оказался в наиболее тенистой части сырого сада, став почти невидимым в своей черной шапочке и древнем наряде оксфордского ученого, скрывающем твидовый костюм. Определенно им бы и в голову не пришло отнести его к разряду людей, способных вскрыть окно с помощью ножа, ни тем более к разряду людей, носящих подобное оружие спрятанным в ботинке.

В кухне было пусто, холодно, пахло сырыми каменными полами и давно остывшей золой. Ни струйки пара над резервуаром для горячей воды на плите — новомодной американской штуковине из черного железа, сделанной в стиле рококо и обошедшейся чуть ли не в двадцать пять долларов по каталогу. Мягкий газовый свет, мигающий на никелевых ручках плиты и на серебряной подставке для тостов, делал тишину кухни еще более зловещей, словно улыбка маньяка, прячущего за спиной топор.

Редкий преподаватель Оксфорда знает что-либо о кухне в своем собственном доме — многие из них ни разу не переступали порог, отделяющий людскую от той половины дома, где обитают хозяева. Эшер положил себе за правило не только изучить точное расположение

помещений (он мог бы пройти сквозь них с завязанными глазами, не задев при этом мебели, как, кстати, сквозь любую комнату в своем доме и сквозь любой кабинет в колледже), но он еще точно знал, где что лежало. Знание таких вещей давно вошло у него в привычку; за несколько лет он взял и не положил потом на место один-единственный предмет. Найдя ящик, в котором миссис Граймс держала ножи (тот, что он прятал в ботинке, был маленький — на крайний случай), Эшер двинулся к арочному проему мимо плиты, отделявшей кухню от кладовой. И все время его не оставляла уверенность, что кто-то в доме прислушивается сейчас к его тихим шагам.

Миссис Граймс, Элен и девушка Сильвия — все были в сборе. Они сидели вокруг стола — живая сцена, что-то вроде композиции из музея восковых фигур мадам Тюссо, — замерев в ровном, слабо мерцающем свете стального газового рожка над плитой. «Не хватает только бутылки с ядом на столе, — с кривой усмешкой подумал Эшер, — да плакатика: *«БЕЗУМНЫЙ ОТРАВИТЕЛЬ НАНОСИТ УДАР»*».

Однако бутылки не было, равно как и чайных чашек и вообще каких-либо свидетельств еды или питья. Единственной вещью, располагавшейся на столе, была чашка с наполовину перебранным рисом.

Изучая тощую фигуру кухарки, пышные формы горничной и сутулые плечи девушки, Эшер вновь почувствовал озноб при мысли, что кто-то знает о его присутствии и вслушивается в каждый его шаг. Все три женщины были живы, но что-то зловещее было в их странном сне. Они напоминали сломанные куклы, которым не грозит ни судорога, ни случайная потеря равновесия.

Стало быть, он был прав, почувствовав неладное.

Кроме кухни, свет горел только в его кабинете, и именно там, в ящике конторки, Эшер хранил свой револьвер — американский морской кольт. Понятно, что лектору-филологу было бы неловко носить его в кармане пальто. Это неминуемо вызвало бы ненужные толки среди преподавателей.

Из кухни он пробрался к лестнице черного хода. Сквозь неприметную дверцу в дальнем конце прихожей он убедился, что на парадной лестнице его никто не поджидает. Впрочем, это еще ни о чем не говорило. Дверь наверху встретила его зияющей черной пастью. Из кабинета на ковер падала полоса тусклого золотистого света, похожая на брошенный шарф.

Осторожно ступая, он двинулся вдоль стены. Наклонив голову, осторожно заглянул в кабинет. Диван был передвинут так, чтобы сразу попасть в поле зрения. На зеленых подушках лежала Лидия. Ее распущенные волосы свисали рыжими кольцами, почти касаясь пола; рука, лежащая на груди, сжимала очки. Все выглядело так, словно Лидия только что сбросила их, решив дать на секунду отдых глазам. Лицо спящей казалось особенно тонким и беззащитным. Лишь слабые движения маленькой груди под дымчатым кружевом вечернего платья говорили о том, что Лидия еще жива.

«Ловушка», — подумал Эшер. Кто-то ждал, что, увидев жену, он не раздумывая кинется к ней. И, видит бог, он был близок к этому...

— Входите, доктор Эшер, — послышался тихий голос из янтарно освещенной библиотеки. — Я один — фактически больше в доме никого нет. Молодой человек, что работает у вас на конюшне, спит. Слуги, как вы изволили заметить, тоже. Я сейчас сижу за вашей конторкой (она стоит на прежнем месте) и не собираюсь причинять вам сегодня вреда.

«Испанец, — машинально отметил Эшер. — Говорит бегло, без акцента, но все равно испанец...» Филолог и бывший полевой агент напрягал слух, вникая в это странное, чуть ли не деревенское произношение: то и дело следы изолированного «а», придыхательное «е» в конце некоторых слов...

Он открыл дверь до конца и шагнул в помещение. Молодой человек, сидящий за конторкой Эшера, поднял глаза от деталей разобранного револьвера и наклонил голову в знак приветствия.

— Добрый вечер, — вежливо сказал он. — По причинам, которые вскоре станут вам

понятны, давайте обойдемся без формальностей объяснения и для начала представимся.

Едва уловимое округление дифтонга «оу», смещенное ударение в слове «вскоре» — в каком-то дальнем уголке мозга били тревожные колокола чисто научного любопытства.

«Да перестань же ты быть филологом хоть сейчас!..»

— Мое имя, — продолжал молодой человек, — дон Симон Ксавьер Христиан Морадо де ла Кадена-Исидро, и я имею честь принадлежать к тем, кого вы называете вампирами.

Эшер молчал. Возникшая было мысль сгинула, не прояснившись, оставив после себя белую пустоту. — Вы мне верите?

Эшер понял, что стоит, набрав полную грудь воздуха, и выдохнул. Взгляд его устремился к Лидии. Фольклорные источники то и дело упоминали так называемых истинных вампиров, бродящих по ночам и продлевающих свою жизнь с помощью девичьей крови. Воротник платья был распахнут, и Эшер ясно видел белую нежную кожу на горле жены. На бежевом тонком кружеве — ни пятнышка. Тогда взгляд его снова обратился к Исидро, в голосе которого он чуть ли не с первых фраз уловил непоколебимую убежденность сумасшедшего. И все-таки, взглянув на изящного юношу, расположившегося за его конторкой, Эшер снова почувствовал, как от шеи по спине ползут мурашки, словно он наклонился над краем утеса...

Имя — испанское, но сам белокурый... Видимо, из северных провинций, куда мавры так и не добрались. Тонкие черты лица, благородный нос идалго; бесцветные волосы, нежные, как шелк, как паутина; и прическа скорее женская, нежели мужская. Глаза — тоже удивительно светлые — бледный янтарь, испещренный коричневыми и серыми крапинками. Такие глаза могли бы напомнить кошачьи, но вот почему-то не напомнили. Странное свечение было в них, некое неуловимое мерцание — даже сейчас, в газовом освещении, и это почему-то сильно беспокоило Эшера. На фоне черного бархатного воротника тонкое лицо прищельца поражало мертвенной бледностью и неподвижностью — жили одни лишь глаза.

По собственному опыту, почерпнутому в Германии и России, Эшер знал, что такая бледность обычно предшествует обмороку, особенно при включенном газе. Желтоватые мрачно мерцающие глаза вполне могли принадлежать сумасшедшему или наркоману. Но была еще одна жутковатая черта в доне Симоне Исидро — а именно полная его неподвижность, словно он сидел за этой конторкой вот уже несколько столетий, выжидая...

Не спуская глаз с испанца, Эшер опустил на колени, чтобы пощупать пульс Лидии. И тут он наконец понял, что именно тревожило его в этой странной, с необычными модуляциями речи. Понял и похолодел.

Произношение окончаний некоторых слов было свойственно для районов, лингвистически изолированных приблизительно с конца семнадцатого столетия.

Кроме того, дон Симон Исидро, казалось, набирал дыхание лишь перед тем, как произнести что-либо.

С ножом в левой руке Эшер поднялся на ноги.

— А ну-ка подойди, — сказал он.

Исидро не пошевелился. Его тонкие руки по-прежнему лежали неподвижно, мертвенно-белые на фоне синеватых стальных частей разобранного револьвера, но это была неподвижность паука, чувствующего малейшую вибрацию паутины.

— Видите ли, не так-то легко скрыть нашу сущность, особенно если некоторое время обходиться без питания, — мягко, негромко пояснил он. Тяжелые веки опустились как бы в дремоте, скрывая циничное насмешливое мерцание глаз. — Лет девяносто назад все было просто — при свечах кто угодно выглядел бы не хуже других. Но теперь дома начинают освещать с помощью электричества, так что даже и не знаю, как нам быть.

Должно быть, Исидро встал. И самое страшное было в том, что Эшер не видел, как это случилось. С ножом в руке Эшер шагнул вперед, чтобы оказаться между спящей Лидией и конторкой. Затем он почувствовал, как ледяные пальцы сомкнулись на запястье — и нож исчез.

Шок и потеря ориентации, словно его окунули вдруг в ледяную воду... Дон Симон

бросил нож на конторку, присоединив его к рассыпанным частям непригодившегося револьвера, и с иронической улыбкой повернулся к Эшеру, чтобы предъявить ему пустую руку.

Эшер потряс головой, во рту было сухо. Ему уже случалось однажды (в германской археологической экспедиции в Конго) имитировать собственную смерть с помощью жгута, хотя в Индии он видел факиров, умевших временно умирать и без приспособлений. Он попятился, бессмысленно прокручивая в мозгу пугающее множество похожих друг на друга легенд, собранных за время научных исследований, и двинулся к конторке жены.

Она располагалась напротив его собственной — секретер времен Регентства, служивший матери Лидии как хранилище пригласительных билетов с золотым обрезом и тонко продуманных списков, где кому сидеть за обедом. Теперь секретер был завален пугающей грудой книг, заметок и статей о гландах. С тех пор как Лидия получила ученую степень и занялась исследованиями в Рэдклиффском лазарете, Эшер не раз обещал заказать ей настоящий письменный стол.

В одном из малых отделений секретера лежал стетоскоп Лидии — свернувшись, как змея из резины и стали...

Руки Эшера слегка дрожали, когда он снова отправил стетоскоп в его гнездышко. Кровь толчками двигалась в венах.

Голос его, однако, остался ровным.

— И чего же вы хотите?

— Помощи, — сказал вампир.

— ЧТО? — Эшер уставился на вампира, и, судя по изумлению, мелькнувшему в глазах Исидро, выглядело это довольно глупо. Эшер все еще пытался осмыслить то, что он недавно услышал (а точнее сказать — не услышал) с помощью стетоскопа, но последняя фраза мрачного хищника из легенд, присущих каждой культуре, поразила его не меньше, чем сам факт существования вампиров.

Бледные глаза изучали его. Неподвижные, бесстрастные, невероятной глубины глаза. Несколько секунд Исидро молчал, как бы размышляя, сколь многое он имеет право сейчас рассказать. Затем сделал движение — невесомое, грациозное, бесшумное, как пролет тени, — и оказался присевшим на углу конторки. Длинные белые руки обхватили облитое серой материей колено (отличная портновская работа!), голова чуть склонена набок. Что-то гипнотическое было в этом молчании: ни нервных жестов, ни мимики, словно вся свойственная людям суетливость была вымыта из Исидро неспешным течением лет.

Затем дон Симон сказал:

— Вы — доктор Джеймс Клаудиус Эшер, автор «Языка и концепций в Восточной и Центральной Европе», преподаватель филологии в Новом колледже, специалист по языкам и их метатезам в фольклоре от Балкан до Порт-Артура и Претории...

Эшер не поверил ни на секунду, что Исидро по чистой случайности назвал три горячие точки, подробнейшие карты которых министерство иностранных дел требовало в свое время особенно настойчиво.

— Уверен, что уже в силу профессии вы должны быть знакомы с вампирами.

— Да, разумеется. — Эшер оперся рукой на диван, где, погруженная в противоестественный сон, лежала Лидия. Он ощущал нереальность происходящего, но, как ни странно, был почти спокоен. Что бы там ни происходило, умнее было принять предлагаемые правила игры, чем ударяться в бессмысленную панику. — И нечему тут удивляться, — продолжил он момент спустя. — Я изучил легенды о вампирах чуть ли не всех цивилизаций — от Китая до Мексики. Они существуют повсеместно — рассказы о призраках-кровопийцах, живущих, пока пьют кровь. О них сохранились упоминания и в античных источниках, хотя, помнится, классические древнеримские вампиры предпочитали откусывать своим жертвам носы. Они что, в самом деле так поступали?

— Я не знаю, — ответил Исидро. — Сам я стал вампиром лишь в 1555 году от Рождества Христова. Я прибыл в Англию в свите его величества короля Филиппа, когда он

собирался сочетаться браком с английской королевой, — и, сами понимаете, домой уже не вернулся. Лично я не вижу смысла в подобных действиях древних вампиров.

И хотя выражение лица его не изменилось, Эшер уловил некий проблеск улыбки в глубине этих странных глаз, напоминающих своим цветом шампанское.

— Что же касается легенд, — продолжал вампир, все еще пребывая в странном оцепенении, словно устав за несколько столетий от ненужных жестов, — рассказы о феях также существуют повсеместно, но ни вы, ни я не предполагаем встретить их, скажем, в саду.

Мочка уха, выглядывающая из-под длинной бледной пряди, была проколота, а на одном из белых длинных пальцев вампира Эшер заметил старинное золотое кольцо. Плотнo сомкнутые тонкие губы Исидро полностью скрывали его зубы, и лишь когда он говорил, свет газового рожка мерцал на острых клыках.

— Я приглашаю вас отправиться со мной, — сказал он после короткой паузы, которая показалась Эшеру секундой некой внутренней борьбы. — Сейчас полседьмого. Поезд до Лондона отправляется в восемь, а до станции несколько минут ходьбы. Мне необходимо поговорить с вами, и, возможно, будет лучше, если мы сделаем это в экипаже, удаляющемся от тех, чья судьба зависит теперь от вашей удачливости.

Эшер взглянул на Лидию. Ее волосы рассыпались завитками рыжего дыма по кремовому кружеву платья; пальцы, сжимающие легкую вещицу из проволоки и стекла, испачканы в чернилах. Эшер невольно улыбнулся. Очки и вечернее платье — сочетание в стиле Лидии, хотя на людях она предпочитала быть полуслепой. Так она и не забыла тех дней, когда была гадким утенком. Наверняка провела все утро в анатомичке, затем, торопливо нацарапав что-то о своих любимых glandax, поспешила домой, чтобы успеть переодеться к его приходу. Интересно, как бы она отреагировала на появление донa Симона Исидро? Не иначе — достала бы зеркальце дантиста и потребовала открыть рот — шире!

Эшер оглянулся на Исидро, странным образом взбодренный этой мысленной сценкой.

— Лучше — для кого?

— Для меня, — спокойно ответил вампир. — Для вас. И для вашей леди. Не обманывайтесь, Джеймс, вы в самом деле играете со смертью. Однако пожелай я убить вашу леди или вас, я бы уже это сделал. Вы не представляете, сколь многих мне приходилось убивать. Вы бы просто не смогли остановить меня.

Испытав уже однажды момент психологической слепоты, Эшер был готов к нему и все же так и не уловил движения Исидро. Рука была всего в двадцати дюймах от спрятанного в ботинке ножа, когда Эшера швырнуло на спинку дивана, причем попытка вывернуться успеха не принесла. Обе руки каким-то образом оказались у него за спиной, и нечто вроде кольца из льда или стали охватило его запястья. Свободная рука вампира, обжигая холодом, схватила его за волосы и отогнула голову вниз, к полу. Эшер чувствовал, насколько незначителен вес этого сухого костистого тела, но не мог найти точки опоры для сопротивления, да и поздно уже было бороться. Шелковистые ледяные губы скользнули по его выпяченному горлу вдоль распахнувшегося воротника (ни малейших признаков дыхания!), затем коснулись его кожи в насмешливом поцелуе, и в следующий миг Эшер был свободен.

Преодолевая боль в позвоночнике, не заботясь о собственной жизни и думая только о грозящей Лидии опасности, Эшер поднялся на ноги, но когда он выпрямился с ножом в руке, то обнаружил Исидро неподвижно сидящим за конторкой, как будто ничего и не случилось. Эшер моргнул и тряхнул головой, догадываясь, что опять имел дело с наведенным трансом, хотя до конца он в этом уверен не был.

Мягкие пряди волос Исидро коснулись бархатного воротника, когда он слегка склонил голову набок. Топазовые глаза испанца были серьезны.

— Я мог бы убить вас обоих, но вы же видите, у меня иные намерения, — мягко сказал он. — Я — мы — нуждаемся в вашей помощи, и будет лучше, если я объясню вам все по пути в Лондон, а не при вашей даме, ради которой вы готовы продолжить ваши

бессмысленные подвиги. Поверьте, Джеймс, я — наименьшая опасность, с которой вам — или ей — предстоит бороться. Поезд отходит в восемь, и сейчас уже не те времена, когда общественный транспорт дожидался высоких особ. Так вы идете?

Глава 2

До железнодорожной станции было от силы десять минут ходьбы. Пробираясь в одиночестве по размытой осенним туманом Холиуэлл-стрит, Эшер жалел об одном — что нельзя растянуть этот путь хотя бы втрое. Слишком уж мало времени было ему отпущено на то, чтобы осмыслить происходящее.

Исидро исчез, как только они переступили порог дома, — непринужденно растаял в тумане. Эшер пытался справиться с этим мгновенным затемнением сознания, позволяющим вампиру бесследно пропадать из виду, однако безуспешно. Немногие из бродячих сюжетов наделяли вампиров способностями растворяться в тумане, в лунном свете или, скажем, проникать в дом сквозь замочную скважину. Хотя чего-то в этом роде следовало ожидать.

Обычные приемы охотников. Или шпионов.

Ночь была холодная. Эшер шел, вдыхая сырой тяжелый туман — не черный убийственный туман Лондона, а особенный, слезящийся, чисто оксфордский туман, от которого зеленеют стены зданий и камни обрастают мхом. Скульптурные бюсты перед театром Шелдона на Брод-стрит, казалось, провожали Эшера взглядами — компания блеклых призраков. Купол театра был растворен туманом. Вполне возможно, что Исидро бесшумно передвигается сейчас среди статуй, не оставляя следов на влажном граните брусчатки.

Хотя он мог следовать за Эшером и сзади, наблюдая, не замышляет ли его подневольный помощник повернуть с полдороги домой.

Впрочем, добром бы это возвращение не кончилось. Здравый смысл до сих пор бунтовал против мысли, что каких-нибудь полчаса назад Эшер имел беседу с живым вампиром... Живой вампир. «Оксюморон есть сочетание противоречащих по смыслу слов», — напомнил себе Эшер с кривой усмешкой. Противоречие, однако, носило чисто академический характер. Вампир существовал, и деться от этого факта было некуда.

Без сомнения, Эшер рисковал сейчас жизнью.

А Лидия...

Внезапное исчезновение Исидро невольно наводило на подозрения. Конечно, Эшер мог бы обыскать весь дом, но это бы тоже не принесло пользы. В туманном ночном саду легко укрылся бы даже сообщник из смертных. Что уж там говорить о тех, кто способен обманывать людское зрение! Уходя, Эшер ограничился тем, что развел огонь в камине и в кухонной плите: иначе, как сказал Исидро, слуги проснутся от холода в течение получаса.

В любом случае Исидро знает, где живет Эшер. Если вампир сейчас следит за ним, то нет ни малейшего шанса вернуться домой и попытаться переправить Лидию в безопасное место.

И еще один чисто академический вопрос: какое место считать безопасным?

Эшер засунул руки в карманы мешковатого коричневого пальто и попытался припомнить все, что он знал о вампирах.

То, что это мертвецы, бесконечно продлевающие свое существование, выпивая кровь из живых людей, сомнению не подлежало (откусывание древнеримских носов можно опустить). Уже первая беседа Одиссея с тенями давала так мало отклонений от основной версии, что Эшер (мысленно, по крайней мере) удивился собственному неверию — вплоть до той секунды, когда он прижал стетоскоп к узкой и твердой грудной клетке, обтянутой черным шелком рубашки, и... не услышал ничего. Его фольклорные исследования, охватывавшие Китай, Мексику, Австралию, свидетельствовали, что фактически не было ни одного языка, в котором бы не присутствовал эквивалент слова «вампир».

Однако это основное положение тонуло в такой трясине легенд о том, как надлежит

поступать с вампирами, что Эшер почувствовал раздражение при мысли об ученых, не удосужившихся кодифицировать все эти сведения. Видимо, придется подзаняться самому, если, конечно, Исидро не пригласил его в Лондон ради ужина в тесной компании друзей. Лавки зеленщиков сейчас закрыты... Эшер усмехнулся, представив себя копающимся в ящиках с овощами в поисках чеснока... и в итоге опаздывающим на поезд. Кроме того, рецепты английской кухни Таковы, что чеснок можно искать в лавках бесконечно долго.

Его ироническая усмешка исчезла, когда он приостановился на мосту, глядя в гладкую сланцевую воду, испятнанную огнями рыбного ряда, чьи серые стены вставали прямо из потока. Чеснок по легенде служит защитой от вампиров, равно как зола, осина, а также волчья ягода и прочие травы, которые Эшер просто бы не распознал, встретить он их по дороге. Однако сказано еще, что вампиры не способны пересечь текущую воду... которую Исидро явно пересек... Хотя он мог прибыть из Лондона в Оксфорд и поездом.

Еще от укуса вампира предохраняет распятие; некоторые легенды уточняют — серебряное распятие... И склонный к практицизму ум Эшера тут же задал вопрос: а сколь велико должно быть содержание серебра? Да, но подобно сказкам о католическом Лимбе, эта теория оставляет беззащитными древних и современных китайцев, ацтеков, античных греков, австралийских бушменов, гавайских островитян — они-то распятием не пользуются. Хотя, может быть, древнегреческие вампиры боялись иных амулетов? И как в этом случае реагировали языческие вампиры первого столетия от Рождества Христова на христиан, отмахивающихся от них крестом? Откусывали они им носы или нет? Эшер иронически усмехнулся, обходя бессмысленную стеклянную громаду Лондонской станции и направляясь по Ботли-роуд к скромному закопченному кирпичному вокзалу Большой западной железной дороги, располагавшемуся в сотне ярдов отсюда.

Теперь он уже был не один на этой окутанной туманом мостовой среди безмянных кирпичных ям и навесов, что, кажется, размножаются сами собой вдоль железной дороги. Темные силуэты торопились от одной станции к другой, борясь с тяжелым багажом или праздно вышагивая впереди пыхтящих носильщиков с медными бляхами. Со стороны Лондонской станции угрюмо загудел паровоз, послышалось отдаленное шипение пара. Эшер оглянулся на огромную стеклянную теплицу вокзала и обнаружил, что рядом с ним странно невесомой походкой шествует дон Исидро.

В руке вампира, обтянутой черной перчаткой, был железнодорожный билет.

— Раз уж вы у меня на службе, — мягко сказал он, — то расходы я беру на себя.

Эшер заправил поплотнее концы шарфа — серого шерстяного кашне, связанного для него матерью одного из его буйных питомцев, — и сунул маленький кусок картона в карман жилета.

— Сюда, кажется...

Они взошли по пологому скату на платформу. В резком свете газовых фонарей лицо Исидро казалось белым и странным: тонкий очерк бровей резко выделялся на фоне бледных волос и еще более бледной кожи, глаза — цвета серы и меда. Сидящая на скамье женщина, возле которой пристроились две спящие девочки, встревожено вскинула глаза, как бы почувствовав что-то неладное. Дон Симон улыбнулся ей, и женщина поспешно отвернулась.

Улыбка вампира исчезла так же быстро, как и возникла; причем глаза его при этом нисколько не потеплели. Подобно любому его жесту или выражению лица улыбка Исидро была еле обозначена и скупа, как карандашный штрих. У Эшера складывалось впечатление, что все это — лишь слабый отзвук манер молодого испанского придворного. Секунду Исидро изучал профиль женщины и белокурые головки спящих девочек, затем снова повернулся к Эшеру.

— С тех пор, как Френсис Вальсингам разослал агентов в Женеву и Амстердам, дабы выведать планы вторжения короля Филиппа в Англию, ваши секретные службы традиционно связаны с ученым миром, — негромко сказал он.

— Наука, религия, философия — когда-то все это было оружием, да и я в ту пору еще во многом мыслил как человек и искренне интересовался возможным исходом вторжения.

Ученые тогда были воинами, а воины — учеными, не то что теперь...

В памяти возник директор Брейсноз-колледжа, давний коллега Эшера, досадующий относительно мелких стычек на Балканах, в то время как сам Эшер, чуть было не лишившийся в этих стычках жизни, с аппетитом поедая ячменные лепешки, уютно сидя по ту сторону камина и согласно кивая: да, Англии незачем лезть в европейскую политику, да, конечно, неблагодарное занятие... Он подавил улыбку и, не отвечая, прислонился плечом к закопченной кирпичной стене, скрестив руки на груди.

Выждав секунду, Исидро продолжал:

— Мой адвокат — молодой человек, согласный встретиться с клиентом даже в самый поздний час, — упомянул однажды, что, когда он работал в министерстве иностранных дел, зашел разговор о некоем оксфордском и нескольких кембриджских преподавателях, которые в свое время «хорошо поработали» — так он выразился. Это было несколько лет назад, но я запомнил — по привычке да и просто из любопытства. Теперь же, когда мне потребовался... агент... найти вас не составило особого труда; достаточно было сопоставить географию ваших изысканий и районы наибольшей политической напряженности. Был, правда, еще один кандидат — чуть моложе вас, — но при ближайшем знакомстве он оказался тучным и близоруким. Словом, явное не то...

— Королевский секретарь, — вздохнул Эшер. — Да, он работал в Претории в те же годы, что и я. Пытался доказать дегенерацию мозга негроидов путем сравнительной анатомии. Сопляк, он так и не понял, насколько был близок к смерти.

Ироническая складка залегла на миг в уголках тонких губ Исидро и тут же пропала. Пыхтя, подползал поезд; клубящийся пар смешивался с туманом, на платформе замелькали смутные силуэты. Девушка с лицом, как из теста, прыгнула с подножки вагона третьего класса прямо в объятия низенького и толстого юноши (с виду — клерка), и они обнялись с восторгом, достойным рыцаря и принцессы. Толпа старшекурсников высыпала из зала ожидания, чтобы шумно попрощаться с ужасно смущенным стареньким преподавателем, в котором Эшер узнал лектора классической филологии из Сент-Джонс-колледжа. Взявшись за руки, озорники исполнили рождественскую песенку «Пока мы не встретимся снова», затем прижали к сердцу свои канотье. Эшеру не понравилось, с каким видом его спутник разглядывал их розовые лица. Слишком уж он в этот миг походил на повара, наблюдающего за играми ягнят на весенней ярмарке.

— Да, война была моей последней работой, — продолжил он, чтобы отвлечь на себя взгляд Исидро, пока они пересекали платформу. — Я... сдружился с некоторыми людьми в Претории, в том числе и с парнем, которого мне потом пришлось убить. Это называется Большой Игрой, но, как выяснилось, это далеко не игра. Я вернулся сюда, женился, написал работу о лингвистических заимствованиях из языков аборигенов. — Он пожал плечами, лицо его было теперь такое же бесстрастное, как у вампира. — Жалованье преподавателя невелико, но во всяком случае я могу пить с друзьями, не ломая при этом голову, насколько правдиво то, что они говорят.

— Вам повезло, — мягко сказал вампир. И добавил после паузы: — У нас купе первого класса, и мы поедем в нем одни. Я присоединюсь к вам, когда поезд покинет станцию.

«В самом деле?» — подумал Эшер, с тревогой следя из-под вздернутой брови за тем, как вампир удаляется от него по платформе легким бесшумным шагом и темный шотландский плащ с капюшоном плещется у него за спиной.

В задумчивости Эшер отыскал свое купе, снял котелок, освободился от шарфа и принялся с большим интересом наблюдать за толпящимися на платформе, пока поезд не тронулся.

Светящееся облако над станцией осталось позади, поплыли в смутной мгле кирпичные строения и огни семафоров. Мелькнули подобно насмешливо-грозному предзнаменованию отблески на древних воротах старого кладбища, затем — коричневый шелк реки. Поезд миновал мост и был поглощен деревенской тьмой.

Эшер откинулся на потертый плющ дивана, когда дверь в купе скользнула в сторону и

появился Исидро — странно изящный, как псы с кошачьими головами на древнеегипетских фресках; его белокурые паутинчато нежные волосы мерцали от влаги в прыгающем свете газового рожка над головой. Изящным движением он сбросил свой темно-серый плащ, и все же Эшер хотел бы знать, как это дон Симона Исидро, пусть даже и в костюме, явно купленном на Бонд-стрит, принимают за человека.

Обхватив руками колено, Эшер поинтересовался небрежно:

— Так кого мы боимся?

Узкие руки в перчатках замерли на секунду, прерывая движение; шафренные глаза сузились; затем вампир отвернулся.

— Я был бы удивлен услышать в наше время, — продолжал Эшер, — что-нибудь о толпах с факелами и распятием, но если кто-то прыгает в вагон в последний момент, то, значит, либо он следит за кем-то, либо за ним следят.

Секунду Исидро разглядывал его, тихий как прежде, но чувствовалось, что тело его готово прийти в движение. Затем он, кажется, успокоился окончательно и, отложив плащ, опустился на сиденье.

— Нет, — промолвил он спустя некоторое время. — В этом как раз наша сила, что никто не верит в наше существование. Суеверия в этой стране не в почете. За долгие годы мы научились скрывать следы — прятать тела убитых или придавать происшествию черты несчастного случая. Попадают обычно только жадные и беспечные, да и то не всегда. По меньшей мере, так было когда-то.

— То есть вас теперь больше?

— Конечно, — отвечал вампир. Он сидел выпрямившись, словно на нем все еще был испанский придворный камзол, похожий на корсет. Привыкший судить о людях по мельчайшим подробностям их облика, Эшер успел определить, что серый костюм должен был обойтись Исидро в пятьдесят гиней, если не больше, что туфли сделаны на заказ, да и перчатки тоже. «Впрочем, — сухо подумал он, — за несколько сот лет даже минимальный вклад должен принести огромные проценты...»

— Два или три вампира (хозяйка с выводком) обитали когда-то в Эдинбурге, но Эдинбург — город маленький... Словом, где-то в конце семнадцатого столетия охотники за ведьмами обнаружили, где они прячут свои гробы. Кое-кто обитает сейчас в Ливерпуле, в этом тесном, грубом, зловонном рассаднике фабрик и трущоб, что разрастается на севере подобно раковой опухоли. — Исидро покачал головой. — Впрочем, это молодой город, и в нем не найти таких укрытий, как в Лондоне.

— Кто за вами охотится? — спросил Эшер. Глаза цвета шампанского были устремлены мимо него.

— Мы не знаем.

— Я полагал, что с вашей властью...

— Мы тоже так полагали. — Вампир наконец повернулся к нему, голос его был холоден и ровен. — Что, впрочем, тоже ничего не решает. Кто-то убивает вампиров Лондона.

Эшер приподнял густую бровь.

— И что же в этом удивительного?

— То, что мы не понимаем, кто это делает.

— А люди, которых вы убивали, не знали, кто вы такие? — уточнил Эшер.

— Не обязательно, — отозвался вампир. — Но если бы за нами охотились друзья, или любовники, или члены семей убитых, заподозрившие истинные причины их смерти, они бы повели себя как всегда. Посещали бы места, где их любимый имел обыкновение встречаться со своим убийцей (ибо среди вампиров распространена практика нежной дружбы с будущей жертвой), проводили бы дни на его могиле. Большинство из нас обладает хорошей памятью на лица, имена, детали — у нас было достаточно свободного времени, чтобы хорошо изучить людей. Обычно проходит несколько недель, прежде чем эти охотники на вампиров утвердятся в своем подозрении и исполнятся решимости.

— И тогда вы отделяетесь от них, как отделились от их друзей?

— Dios, нет! — Мгновенная улыбка снова тронула его губы, но в этот раз Эшер заметил насмешливые искорки — в прозрачных глазах. — Дело в том, что время всегда работает на нас. Достаточно скрыться из виду, сменить места, где мы появляемся или спим — на пять лет, на десять, на двадцать... Вы не поверите, насколько коротка людская память! Но теперь... — Он покачал головой. — Умерщвлены уже пятеро. Гробы их вскрыты, и солнечный свет превратил их тела в золу. Убийца действовал днем — иными словами, ни один вампир не смог оказать сопротивления или схватить убийцу. Собственно, это и побудило меня нанять вас.

— Нанять помощника, — медленно проговорил Эшер. — Почему именно меня?

— Сейчас объясню, — сказал Исидро. — Только, пожалуйста, не делайте такой вид, будто впервые слышите, что были в свое время наемным убийцей, — когда получали жалованье от королевы. Чем, собственно, мы хуже вашей империи...

Это вполне могло быть риторическим вопросом, однако голос вампира остался ровным, и кроме того Исидро сделал паузу, ожидая ответа.

— Наверное, в том, что империя не вербовала меня и не шантажировала.

— В самом деле? — Последовало легкое движение брови — слабое эхо оживленной людской мимики. — Разве вы служили не из особой вашей английской сентиментальности, лелеющей влажные луга, оксфордские горизонты и даже протяжные диалекты ваших пейзажей? Разве вы не рисковали собственной жизнью и не отбирали чужие жизни ради того, чтобы «Англия оставалась Англией», как будто без пулеметов Максима и субмарин она бы превратилась в провинцию Германии или Испании? И, наконец, — когда это перестало быть для вас существенным, — разве не отвернулись вы с отвращением от вашего прежнего занятия подобно охладевшему любовнику?... Нам нужен помощник, действующий одинаково успешно и ночью, и днем, знакомый с мельчайшими нюансами легенд и в то же время владеющий искусством убийцы и шпиона. Что касается выбора людей, то мы полностью доверяем вкусу вашей бывшей королевы.

Эшер долго разглядывал собеседника в прыгающем свете газового рожка. Лицо Исидро было гладким, твердым, без морщин; изящный, прекрасно одетый юноша сидел в непринужденной позе перед Эшером, и только глаза, хранящие знание о бесчисленных людских глупостях и грехах, совершенных за три с половиной столетия, не были глазами человека. — Вы не все мне сообщили, — сказал Эшер. — А министерство иностранных дел сообщало вам все? — возразил Исидро. — Вот что я вам скажу, Джеймс. Мы наняли вас и хорошо вам заплатим, но если вы нас предадите — словом или делом, — вы не найдете такого уголка на земле, где бы вы и ваша супруга Лидия смогли бы от нас скрыться. Надеюсь, вы верите мне. Это в ваших интересах.

Эшер скрестил руки на груди и откинулся на потертый плюш спинки дивана.

— В ваших тоже. Ночью вы могущественны, но днем вас до смешного легко убить.

— Да, — шепнул вампир. На секунду его нежный рот отвердел. Затем это выражение (если это вообще было выражением) исчезло и бледные глаза затуманились, словно древняя душа Исидро погрузилась в сон. Вагон потряхивало на стыках, молчание было пугающим.

Внезапно Эшер услышал нетвердые шаги в коридоре, хотя хождение по узкому проходу давно уже прекратилось. Дверь купе скользнула сама собой в сторону. В проеме темного дуба, освещенная газовым рожком, стояла та самая женщина, что сидела на платформе с двумя спящими девочками. Невидящие глаза ее были широко раскрыты.

Исидро молчал, но женщина, словно ее пригласили войти, закрыла за собой дверь и, осторожно ступая по качающемуся полу, приблизилась к вампиру и села рядом с ним.

— Я... я пришла, — запинаясь проговорила она; глаза ее стекленели под тонкими прямыми ресницами. — Кто... почему?...

— Тебе незачем знать об этом, bellissima, — шепнул Исидро, касаясь узкой рукой в черной перчатке ее лица. — Совершенно незачем.

— Совершенно... незачем... — запинаясь, повторила она. Старенькое красное платье,

чистое, но явно несколько раз перелицованное. Плоская черная шляпа из соломки, шея обмотана фиолетовым шарфом. На вид женщине было не больше двадцати пяти лет (возраст Лидии), и если бы не морщинки у глаз и в уголках рта, Эшер рискнул бы назвать ее хорошенькой.

— Все ясно, — отрывисто сказал он. — Вы пытаетесь продемонстрировать мне...

— Пытаюсь? — Изящные черные пальцы вынули деревянную шпильку, с помощью которой шляпка была прикреплена к узлу белокурых волос, и далее любовно принялись вынимать заколки. — Все эти дурацкие легенды совершенно умалчивают о нашем главном оружии. Что-то вроде месмеризма, как это теперь принято называть. А проще говоря — искусство овладевать сознанием людей и, в какой-то степени, животных. Хотя я не уверен, к какой категории следовало бы отнести это существо...

— Прикажете ей уйти! — Эшер обнаружил вдруг, что голос его вязок и невнятен. Он сделал над собой усилие, как если бы пытался проснуться ранним туманным утром, когда смертельно не хочется покидать постель. Исидро внимательно наблюдал за ним из-под длинных, почти бесцветных ресниц.

— Она ехала в вагоне третьего класса вместе со своими дочерьми. — Вампир неторопливо размотал фиолетовый шарф и, позволив ему соскользнуть на пол купе, начал расстегивать дешевые целлулоидные пуговицы на блузке. — Но я бы мог вызвать ее откуда угодно, а не окажись ее в поезде, приказал бы явиться, скажем, на платформу Паддингтона, и, поверьте мне, Джеймс, она бы заняла денег и приехала. Вы мне верите?

Руки вампира, как черные пауки, разбежались в стороны, раскрывая воротник мягкой дешевой блузки. Обнажились молочно-белая шея и грудь.

— Помните, как ваша жена и слуги уснули, стоило мне им приказать? Мы умеем это делать — я и мои друзья. Ваши домочадцы мне теперь известны. Поверьте, что все они явились бы на мой зов — эта ваша ломовая лошадь горничная, тощая миссис Граймс и тот лодырь, что исполняет у вас обязанности то ли садовника, то ли конюха. И они сознавали бы, что происходит, не больше, чем эта женщина. — Облитые в черную кожу пальцы легонько стукнули по беззащитной коже.

В одолеваемом дремотой мозгу Эшера стоял беззвучный вопль: «Проснись! Проснись!» Но сознание его было странным образом как бы удалено от тела на огромное расстояние. Лязг колес становился все глуше, вагон покачивало убаюкивающе, и казалось, что купе, полураздетая женщина и вообще все, случившееся сегодня после полудня, когда он растолковывал санскритские корни латыни старшекурснику, которого звали Пэттифер, было не более чем дурным сном.

— Бедное создание, но мы в основном питаемся именно бедными — с богатыми больше хлопот. — Свет газового рожка замерцал на обнажившихся клыках. — Так вы верите, что я могу проделать это с кем угодно? С вами и с любым, кто встретится со мной взглядом.

«Нет, — вяло подумал Эшер, пытаясь вынырнуть на поверхность из мутных темных глубин. — Нет».

— Нет! — Он заставил себя подняться и покачнулся, словно и впрямь только что проснувшись. Несколько секунд он чувствовал стальную мысленную хватку вампира и боролся с ней изо всех сил. Но за время работы в министерстве иностранных дел Эшер научился в критические моменты как бы отстраняться от собственных поступков. В ту ночь, когда он застрелил беднягу Жана ван дер Плаца, он не почувствовал ничего. Как теперь. Может быть, именно это и заставило его выйти из Большой Игры.

Расчетливо, как тогда, когда он нажимал на курок, Эшер шагнул к женщине и, схватив за плечи, заставил ее встать. Прозрачные глаза Исидро следили за ним. Стараясь не встречаться с вампиром взглядом, Эшер вытолкнул женщину в коридор. Она двигалась легко, как лунатик. На маленькой площадке между вагонами их встретил сырой холодный ветер, и сознание стало проясняться. Эшер прислонился к косяку и, чувствуя странную дрожь во всем теле, подставил лицо обжигающим ледяным порывам.

Женщина вздрогнула. Ее руки — красные, потрескавшиеся, мозолистые, столь не соответствующие молочной белизне шеи, — нащупали расстегнутый воротник; глаза наполнились тревогой. Она была испугана, потрясена, растеряна.

— Кто?... Что?... — Она отшатнулась от него к самым поручням, словно собираясь выброситься в летящую мимо ночь.

Эшер мгновенно принял облик безвредного, чудаковатого, чрезмерно предупредительного преподавателя колледжа, столь часто выручавший его за границей.

— Я увидел вас стоящей в коридоре, мадам, — сказал он. — Прошу извинить мою бесцеремонность, но моя жена имеет обыкновение ходить по ночам, и что-то в вашем поведении навело меня на мысль, что с вами происходит нечто подобное. Я заговорил с вами, и, когда вы не ответили, я понял, что мои предположения правильны.

— Я... — Она сгребла в горсть расстегнутый воротник; в кроличьих глазах — смущение, недоверие, страх.

Эшер продолжал тоном оксфордского ученого, филолога, ни разу в жизни не слышавшего про пулеметы и уж тем более не выкрадывавшего их чертежи из Берлина в вырезанной изнутри книге:

— Свежий воздух обычно приводил ее в чувство — мою жену, я имею в виду. Может быть, мне проводить вас в ваше купе?

Она потрясла головой и пробормотала:

— Нет... Благодарю вас, сэр... Я... Вы очень добры...

Судя по выговору (машинально отметил Эшер), женщина была родом из Корнуолла. Торопливо миновала узкий проход и скрылась в соседнем вагоне, ежась от холода и неловкости.

Эшер еще несколько минут стоял на площадке, и холодный ветер трепал его волосы.

Когда он вернулся в купе, Исидро там не было. Единственным свидетельством, что случившееся не приснилось, был валяющийся между сидений фиолетовый шарф. Эшер ощутил приступ гнева при мысли о том, где сейчас может обретаться вампир и с какой целью. Можно было, конечно, пробежать по всему поезду, крича, чтобы береглись вампиров. Но Эшер уже видел Исидро в деле и сознавал, как мало шансов у жертвы хотя бы увидеть своего убийцу. В третьем ли классе или в спальном вагоне мертвое тело спокойно доедет до самого Лондона незамеченным. А если его сбросить под колеса, то ни у кого даже не возникнет вопроса о причинах происшествия, равно как и о причинах отсутствия крови в жилах.

Впрочем, предупреди он пассажиров, особого проку это бы не принесло, если, конечно, не считать отправки самого Эшера в сумасшедший дом.

В бессильной ярости он рухнул на красное плюшевое сиденье и стал ждать возвращения дона Симона Исидро, прекрасно сознавая, что выполнит все, о чем попросит его вампир.

Глава 3

— Ее звали Лотта. — Мягкий голос дона Симона отдался под сырыми сводами подвала. — Она была одной из... — Вампир замялся, затем исправился: — Шляпницей, пока была жива.

Эшер не отказался бы узнать, что его спутник думает об этой Лотте на самом деле.

— Типичная представительница неимущих классов — вульгарная женщина, воровка, вдобавок проститутка. — Исидро помедлил, и у Эшера вновь сложилось впечатление, что вампир тщательно выбирает из своей огромной коллекции фактов те немногие, которыми он мог бы поделиться. — Но она была хорошим вампиром.

Эшер вздернул бровь и осветил потайным фонарем Исидро низкие каменные своды. Затененные ниши таили в себе гробы, арки проходов были украшены резьбой. Хайгэйтское кладбище было не столько древним, сколько модным: место в нише стоило не менее сотни

гиней, а в отдельные склепы с узкими ведущими вниз лесенками по сторонам тройного ряда псевдоегипетских мавзолеев попасть было не легче, чем в усыпальницы некоторых городских церквей.

— А что это означает — быть хорошим вампиром?

Казалось, Исидро не услышал вопроса. Секунду испанец стоял неподвижно в тени ниши; лицо его, обрамленное длинными бесцветными волосами, было непроницаемо. Затем он проговорил медленно:

— Склад ума, как мне кажется. Вы должны понимать, Джеймс, что суть бытия вампиров — это жажда жизни, нежелание умирать. Тот, в ком нет этой обжигающей жажды, этой воли, просто не выдержит... процесса... в течение которого живущий становится неумершим. А если даже и выдержит, то надолго его не хватит. Быть хорошим вампиром — значит быть осторожным, быть все время начеку, применять все физические и психические возможности вампиров, словом, поддерживать то пламя, что питается радостью бытия... Лотта при всей ее вульгарности (а она доходила в этом до смешного) привлекала именно жаждой жизни. Даже я это чувствовал. Наше существование было для нее пиршеством.

Желтый свет фонаря скользнул по гранитным ступеням, ведущим наверх, в мрачную аллею, где и днем-то всегда царил зеленоватый сумрак, блеснул на металлической облицовке двери. Еще входя сюда, Эшер обратил внимание, что пыль и коричневая палая листва лежат на пороге не так густо, как везде; обратил он внимание и на неприметную тропинку, ведущую вправо от склепа, — путь, которым по ночам уходила и возвращалась Лотта и по которому ее, надо полагать, в итоге выследили.

— Я так понимаю, что вы знали ее еще в те времена, когда она была живой?

— Нет. — Вампир скрестил руки на груди, почти что не смяв при этом складки своего шотландского плаща.

Когда они покидали вагон на Паддингтонской платформе, Эшер заметил в свете газового фонаря, что меловое лицо Исидро порозовело, стало почти человеческим. «Видимо, — с оттенком черного юмора подумал Эшер, — поужинал в поезде». О себе он так сказать не мог. Поэтому, пока Исидро нанимал кэб, он купил у старичка лоточника пирог с мясом и, вновь испытав острое чувство нереальности происходящего, закусил прямо в экипаже в компании сидящего рядом вампира. Исидро предложил сразу возместить стоимость покупки, но Эшер попросил просто внести эту сумму в счет.

— Так, стало быть, это не вы сделали ее вампиром? Либо он уже привык к скупой мимике Исидро, либо испанец все-таки относился к убиенной вампирше с некоторым презрением.

— Нет.

— Тогда кто?

— Один из лондонских вампиров.

— Помнится, вы собирались снабдить меня некоторой информацией, — заметил Эшер, поворачиваясь к Исидро.

— Вам совершенно незачем знать, ни кто мы такие, ни где нас искать. Чем меньше вы знаете, тем меньшей опасности будем подвергаться все мы, включая вас.

«Они убьют меня, когда все кончится», — подумал Эшер, взглянув в это холодное — без возраста — лицо, освещенное лучом керосинового фонаря. Что ж, вполне логично. Недаром Исидро говорил, что главное оружие вампиров — это неверие людей в их существование. То ли они считают Эшера дураком, то ли полагают, что могут следить за каждым его шагом. Гнев шевельнулся, как свернувшаяся кольцами змея.

Однако сильнее гнева было некое смутное ощущение, что ему предложена головоломка, обе части которой явно не могут совпасть, как ты ее ни крути.

Он вернулся к нише, откуда явственно тянуло свежей гарью, и поднял фонарь повыше.

Стоящий на невысоком постаменте гроб, несомненно, был изготовлен недавно, хотя и потерял уже девственный лоск. Крышка была снята и прислонена к стене рядом с нишей. Многочисленные царапины на каменном полу, вполне различимые в свете фонаря, говорили о

том, как именно гроб волокли к выходу, а затем обратно.

Он переместил фонарь пониже, осветив саму нишу; жар раскаленного металла проникал сквозь рукав и перчатку, запах горящего керосина щекотал ноздри. Первой мыслью Эшера было: какой же температуры должно достичь пламя, чтобы вот так выжечь скелет дотла, оставив отчасти лишь череп и таз! Длинные кости ног и рук сплавились в утолщенные на концах прутики, позвонки напоминали гальку, ребра обратились в обгорелые хрупкие палочки. Среди пепла поблескивал металл: детали корсета, пуговицы, стальной гребень, ожерелье.

— Это то, что с вампиром делает солнце?

— Да. — Лицо Исидро было словно изваяно из алебастра.

Эшер посветил вокруг постамента. Плесень, грязь, сырость.

— Даже не сделала попытки выбраться из гроба...

— Я не уверен, что она могла проснуться от ожогов. — Вампир скользнул к Эшеру и стал рядом, глядя через его плечо в полный золы гроб. — Перед рассветом нас одолевает изнеможение. Мы засыпаем и пробуждаемся лишь после того, как наступит ночь.

Эшер поднял из общей мешанины спекшуюся деформированную кость, обдул с нее пепел и поднес поближе к свету.

— Взрывом так тоже не оплавить...

— Это не взрыв, — негромким ровным голосом поправил Исидро. — Это горение, распад, выжигание плоти...

Эшер бросил кость обратно и выудил другую. Если учесть все убийства, совершенные Лоттой, ее останки не заслуживали особого уважения.

— За какое время это происходит?

— Не имею ни малейшего понятия, поскольку, сами понимаете, никогда при этом не присутствовал. Но, исходя из собственного опыта, могу засвидетельствовать, что действие солнечного света происходит мгновенно.

Вскинув голову, Эшер на секунду взглянул в завораживающе глубокие, светлые, как хрусталь, глаза Исидро.

— Мне, как видите, посчастливилось найти укрытие в течение какой-нибудь секунды, поэтому я не знаю, за какое время солнце убило бы меня. Но от ожогов я страдал несколько месяцев, шрамы же не сходили несколько лет. — Помолчав секунду, вампир добавил: — А боли такой я и живым не испытывал.

Некоторое время Эшер изучал стройного юношу, танцевавшего когда-то с дочерьми Генриха VIII.

— Когда это было?

Тяжелые веки слегка опустились.

— Давно.

Наступило молчание, нарушаемое слабым шипением жестяного фонаря и одиноким дыханием Эшера. Затем Эшер снова повернулся к раскрытому гробу и принялся копать в обугленных костяных обломках.

— Итак, она не почувствовала, что крышка снята, несмотря на все возможности вампиров. Я немного удивлен: обивка не повреждена, то есть Лотта даже не пыталась сесть...

Рука Исидро в черной перчатке легла на угол гроба рядом с лицом Эшера.

— Сон вампира отличается от человеческого, — мягко заметил он. — Мои друзья думают, что наши ментальные способности утомляют мозг. Сам я полагаю, дело в том, что, в отличие от людей, мы существуем исключительно благодаря силе воли. Но так или иначе, а Лотта не проснулась.

— Или, может быть, — сказал Эшер, поднимая из обугленной груды маленький осколок кости, — она была уже мертва, когда плоть ее воспламенилась.

Вампир улыбнулся иронически.

— Когда ее плоть воспламенилась, — заметил он, — Лотта была мертва уже сто

шестьдесят лет.

Эшер рассматривал обломок в луче фонаря.

— Осталось немного, но царапины видны отчетливо. Это один из шейных позвонков, ее голова была отрублена. А рот мог быть набит чесноком...

— Обычное дело...

— Но не в 1907 году! — Эшер установил фонарь на угол гроба и достал из кармана платок — обтереть обугленный позвонок. — Это означает, помимо всего прочего, что убийца проник в склеп, открыл гроб, отделил голову и лишь после этого открыл дверь, дабы дневной свет уничтожил плоть. Иными словами, он знал, что делает. Я полагаю, Лотта не первая жертва?

— Нет, — сказал Исидро, бесстрастно глядя поверх плеча Эшера, в то время как тот вновь принялся просеивать золу, украшения и деформированные кости. Шафренный свет играл на гранях драгоценных камней и краях закопченного металла. Пальцы Эшера раскапывали, отбрасывали, ища некую вещь, которой здесь просто не могло не быть.

— Другие жертвы тоже были найдены обезглавленными? Или с пронзенным сердцем?

— Не имею понятия. Найденные тела были сожжены солнцем точно так же. Это существенно?

— Это могло бы открыть нам — особенно состояние первого найденного вами тела — знал ли убийца изначально, что ему надлежит делать с вампирами. С настоящими вампирами, а не просто с лунатиками, которые спят в гробах.

— Я вижу.

Эшер не отказался бы узнать: может быть, он и в самом деле видит с закрытыми глазами? Что-то несомненно видит...

— А у вас у самого есть какая-либо версия?

— За версии я плачу вам.

Эшер раздраженно скривил рот.

— Есть вещи, которые вы мне не сообщили.

— Множество вещей, — спокойно согласился вампир, и Эшер, вздохнув, решил не настаивать.

— Она играла со своими жертвами?

— Да. — В голосе вампира скользнуло отвращение.

(«Вульгарная кокни, — подумал позабавленный Эшер, — едва ли была по вкусу благородному идалго и придворному Филиппа II».) — Она любила богатых молодых людей. Она могла играть с ними неделями, встречаясь с ними, позволяя им приглашать себя на ужин (есть она там, конечно, не ела — достаточно было иллюзии), в театр, в оперу — и вовсе не потому, что понимала хоть что-нибудь в музыке, как вы сами догадываетесь. Она не могла питаться ими постоянно и, подобно нам всем, существовала за счет неимущих классов. Но ее радовала мысль, что эти глупые юнцы развлекают свою убийцу, а то и влюбляются в нее. Ей это доставляло удовольствие. Она смаковала ужас, возникавший в их глазах, когда они наконец видели клыки. Многие вампиры так поступают.

— И вы тоже?

Дон Симон отвернулся; искорка неудовольствия мелькнула в его глазах.

— Когда-то и я тоже. Вы уже закончили осмотр?

— На сегодня — да. — Эшер выпрямился. — Я могу вернуться сюда днем; тогда будет больше возможностей осмотреть все как следует. Где были ее апартаменты?

Исидро колебался, но Эшер настаивал:

— Она бы не могла нанизывать поклонников, как бусы, в течение ста лет, не меняя при этом наряда.

И он предъявил вампиру ключ, найденный им в золе.

— Да. — Исидро бесшумно скользнул к выходу и поднялся по ступеням, пока Эшер закрывал окованную железом дверь подземелья.

Земля за порогом была сплошь покрыта палой листвой; тридцать лет прошло с тех пор,

как семейство Бранхэймов благополучно вымерло, предоставив фамильную усыпальницу к услугам ныне покойной Лотты. Ночной воздух был тих и влажен. Плащ облекал стройную фигуру вампира, напоминая совершенством складок мраморные одеяния статуй. Капюшон плаща был откинут, но глаз Исидро видно не было — глазные впадины заливала густая тень.

— Лотта принадлежала к тому сорту женщин, которым понятие вечности представляется в виде бесконечного гардероба... Я побывал у нее вчера, когда обнаружил... это. — Исидро указал на усыпальницу.

Эшер тем временем задвинул заслонку фонаря и в полной темноте двинулся по влажной, закутанной в туман аллее между двумя рядами гробниц. Стальные пальцы вампира взяли его за локоть, направляя беспомощного спутника в непроглядный мрак. Эшер понимал, что, пока он нужен Исидро, опасность ему не грозит, но все же решил на будущее пореже попадать в подобное положение.

— Как случилось, что вы это обнаружили? — спросил он, когда они, миновав аллею, направились к массивным воротам кладбища. — Вы же утверждаете, что не поддерживали отношений с Лоттой. Зачем вам понадобилось приходить в ее склеп?

— Чувствую, что я успел попасть под подозрение. — Взгляд дона Симона был откровенно насмешлив. — Я невиновен, милорд, — я, как это принято говорить в романах, в момент преступления был у себя дома и крепко спал.

Эшер невольно усмехнулся.

— А свидетели у вас есть?

— Увы, нет. По правде говоря, — продолжал Исидро, — я был встревожен уже тогда. Вампир по имени Валентин Кальвар, француз, не показывался две-три недели подряд. Я подумал, что его поразил какой-то недуг, — Кальвар недавно появился в Лондоне (по нашим, разумеется, понятиям), плохо знал расположение возможных укрытий и вообще условия городской жизни. От этого легко впасть в депрессию, почему, собственно, вампиры и не любят путешествий. — Складывалось впечатление, что Исидро собирался сообщить еще кое-что о вампире Валентине Кальваре, но потом передумал и просто продолжил: — Я думаю теперь, что он-то и был первой жертвой, хотя ни тела, ни выгоревшего гроба мы так и не нашли. Впрочем, никто из нас не знал, где он спит... Но восемнадцать дней назад одна... из моих друзей... пришла сказать мне, что убит еще один вампир — наш общий друг. Она была испугана, хотя такое могло произойти и случайно — к примеру, многие наши укрытия, располагавшиеся в древних подвалах, были взломаны, когда строили метрополитен. Кстати, тот вампир (его звали Дэнни Кинг) спал как раз в таком подвале. Кто-то вскрыл окна и снял крышку с гроба.

В лунном свете, просеивающемся сквозь туман, лицо Исидро было тихим и отстраненным, как лица выступающих из кладбищенского мрака статуй. Тесная, как каньон, сжатая стеками склепов аллея окончилась обсаженной деревьями лестницей. Вампир на минуту умолк, стальные пальцы, придерживавшие Эшера за локоть, разжались.

— А спустя дней десять Лотта и ее друзья сказали мне, что посетили жилище вампира Эдварда Хаммерсмита, что обитал на Хаф-Мун-стрит в особняке, принадлежавшем еще его отцу (когда тот был жив), и обнаружили, что ставни открыты, а гроб наполнен золой и костями. Так об этом узнал я.

— И ни Кинг, ни Хаммерсмит даже не сделали попытки выбраться из гроба?

— Нет, — сказал Исидро. — Но с момента смерти Кальвара убийца понимал, за кем он охотится.

— Вопрос в том. — заметил Эшер, — знал ли он это раньше.

— Мы уже думали над этим. Вряд ли кто-то выслеживал нас по-людски — медленно, никак не решаясь поверить, что его близкие стали добычей вампира. Это ведь только благодаря совпадению муж героини любопытного романа мистера Стокера замечает вампиров, охотящихся за женой и ее другом, да еще и делает правильное умозаключение. Большинство людей до этого не додумываются. Даже когда вампир беспечен и факты говорят сами за себя, человек предпочитает «логическое объяснение»... Я нахожу

типичным, — добавил он, когда они вступили в гулкий мрак крытой террасы с кирпичными склепами и мраморными досками из скромных памятниках, — что вампиризм изображается как зло, пришедшее в Англию откуда-то извне и совсем недавно, словно коренной британец вампиром стать не может. Мистеру Стокеру, видимо, и в голову не приходило, что вампиры могут обитать и в Лондоне.

Кладбище они покинули, одолев стену неподалеку от церкви Сент-Майкл, причем Исидро подсадил Эшера, а потом уже легко вскарабкался сам. Туман сгустился еще больше, когда они двинулись вдоль кладбищенской стены вниз по Хайгэйтскому холму. Смутный желтый свет фонаря (свидетелей можно было уже не опасаться) мерцал на влажных сорняках и паутине в придорожных канавах, как мерцал недавно на драгоценностях в наполненном пеплом гробу. Дыхание Эшера клубилось, смешиваясь с туманом. Он покосился на Исидро. Ни клочка пара не исходило из тонких губ вампира, даже когда он говорил.

— Давно ли вампиры обитают в Лондоне? — спросил он, и дон Симон бросил на него быстрый взгляд искоса.

— Давно, — ответил он, как хлопнул дверью, и остаток пути они провели в молчании. Позади них в тумане на колокольне Сент-Майкла ударил колокол. Без пятнадцати двенадцать. Склон Хайгэйтского холма и окраинные улицы внизу были пустынные. Лавки и дома смутно проступали из медленно клубящегося тумана среди тусклых желтых пузырей газового света.

— Я уж думал, вы, парни, не вернетесь, — непочтительно начал было кэбмен, выбираясь из-под груды запасной одежды, и Исидро, изящно наклонив голову, вручил ему десятишиллинговую бумажку.

— Примите мои извинения. Я надеюсь, это не причинило вам неудобств?

Кэбмен уставился на деньги, затем быстро коснулся краешка шляпы.

— Что вы, сэр! Вовсе нет!

Дыхание его отдавало джином, как, впрочем, и воздух в кэбе. «Холодная ночь», — философски отметил Эшер, забираясь в экипаж.

— Албемарл Креснт, Кенсингтон, — сказал Исидро в окошечко, и кэб затрясся по мостовой. — Наглец, — добавил он мягко. — Но ссориться со слугами — последнее дело. К сожалению, прошли те времена, когда я мог приказать его высечь.

Он повернулся к Эшеру в профиль и устремил взгляд во тьму.

Албемарл Креснт оказался рядом домов, выдавших когда-то лучшие дни, хотя некоторые из них и сейчас очаровывали поблекшей красотой подобно изношенному наряду герцогини в лавке старьевщика. В это время суток здесь было очень тихо. Стоя на мостовой среди тумана, становившегося все гуще по мере приближения к реке, Эшер не слышал ни звука. В Оксфорде в этот час преподаватели бы еще бодрствовали, споря о метафизике или текстуальном критицизме, студенты устраивали бы вечеринки или сновали по улицам в развевающихся университетских мантиях, а жители других районов Лондона, как имущие, так и неимущие, традиционно беседовали бы с бутылкой. Здесь же клерки, юные приказчики и благонамеренная часть рабочего класса держались замкнуто, много работали, рано вставали и почти не интересовались тем, что происходит вокруг.

Исидро стоял рядом, глядя сквозь туман на смутно видимый ряд террас.

— Сейчас мы можем войти, — шепнул он. — Я усыпил их так, что моих шагов они не услышат, но за вас я поручиться не могу. Поэтому ступайте тише.

Комната Лотты располагалась на втором этаже. Первый этаж весь пропах застарелым кухонным чадом и пивом. Чтобы не привлекать внимания, фонарь они погасили у порога. Темнота была крошечная, и Исидро вновь пришлось исполнить роль поводыря. Старомодный, с длинным стволom ключ, найденный среди золы, действительно подходил к двери. Заперев ее изнутри, Эшер достал из кармана потайной фонарик и зажег его.

Яркие цвета, усиленные сиянием газового пламени, ожгли глаза. Комната была завалена платьями, туфельками, пеньюарами, безделушками, шальями, кружевами, оперными программками и карточками; все громоздилось как попало, скрывая дешевенькую

обстановку комнаты, напоминающей грим-уборную актрисы. Здесь были вечерние туалеты: алые, оливковые, золотистых оттенков, идущих только определенному типу блондинок; замшевые оперные перчатки, запятнанные старой кровью, и веера — из лебединых перьев или разрисованного шелка. Украшенные сапфирами двойные браслеты, ожерелье, серьги и гребень, беспечно брошенные в скомканный черный шелк на столике красного дерева, брызнули искрами света, когда тень, отбрасываемая Эшером, их миновала.

В спальне царил еще более ужасающий беспорядок. Три гигантских гардероба неясно вырисовывались над огромной кроватью, на которой, казалось, никто никогда не спал; их полуоткрытые двери отвисали под тяжестью наброшенных сверху одеяний. Прочая одежда была свалена прямо на кровати: мерцающая мешанина оборок, в которой, как личинки в тухлом мясе, мерцали жемчуга; узкие, с высокими талиями шелковые платья, какие носили чуть ли не полвека назад, и еще более древние одеяния, густо расшитые бусами, рвущиеся под собственной тяжестью, стоило Эшеру приподнять их с пола. Косметика, парики (большей частью светлые) на столике с зеркалом в раме, под которую были засунуты многочисленные карточки, записки, счета. Рядом с кроватью Эшер высмотрел старые туфли, широконосые, с квадратными каблуками — на массивной пряжке сверкнул драгоценный камень; ленты — когда-то синие — выцвели до блеклой серости. Золотые соверены, рассыпанные в углу стола, были покрыты пылью. Подобрал монету, Эшер увидел на ней профиль неудачливого короля Георга.

— А деньгами ее снабжали поклонники? — спросил он негромко. — Или она имела обыкновение грабить их сразу после убийства?

— И то, и другое, я полагаю, — отозвался Исидро. — Да ей много денег и не требовалось. Только платить за жилье, где бы она могла хранить свои вещи. Но, конечно, она бы никогда не рискнула спать здесь — у квартирной хозяйки обязательно бы возникли вопросы. И первый, естественно: почему днем ставни наглухо закрываются.

— Поэтому кладбище Хайгэйт, — пробормотал Эшер, беря со стола счет от портного и разглядывая его сначала с одной, потом с другой стороны.

— Пристрастие вампиров спать среди мертвых, — сказал Исидро, который стоял у двери, скрестив руки на груди, — происходит вовсе не от любви к трупам (хотя я слышал, что многие вампиры так называемых готических времен почитали это чуть ли не своей обязанностью), а просто потому, что в склепы нет доступа солнечному свету. А какие-либо ночные встречи опасности не представляют.

— Я думаю, — заметил Эшер. — Особенно если кто-нибудь затеет ограбление могилы. — Он сосредоточенно сортировал карточки, записки и приглашения, которые вынимал из-за зеркала, складывая их в старомодный, шитый бисером ридикюль с тем, чтобы ознакомиться с ними подробнее на досуге.

— А вы, как я понимаю, живете на проценты с банковских вкладов?

— Это не должно вас интересовать.

Эшер выдвинул ящик столика. Запах древней пыли и истлевшей бумаги защекотал ноздри. Ящик был заполнен желтыми хрупкими счетами, письмами, набитыми в распухшие конверты с неразборчивыми рукописными пометками взамен марок или штампов и бумагами давно лопнувших банков.

— Меня интересует, как я получу деньги для предстоящих розысков.

Исидро разглядывал его несколько секунд из-под приспущенных ресниц, словно размышляя, в самом ли деле Эшера интересует именно это. Затем повернулся и принялся вытряхивать на столик содержимое ридикюлей различных эпох, стилей и степени сохранности. Он высыпал пачки банкнот или выплескивал струйки золота или серебра так, словно само прикосновение к деньгам было ему отвратительно.

«Истинный идальго времен Реконкисты, — подумал Эшер, позабавленный зрелищем. — Провести три с половиной столетия среди торгашей и промышленников — и нисколько не измениться!»

— Этого достаточно?

Эшер порылся в деньгах, выбирая банкноты не более чем двадцатилетней давности, а из золота взял только монету с профилем Георга III — как сувенир.

— Теперь следующее, — сказал он. — Поскольку Лотта была четвертой по счету, то вряд ли убийца начал свои исследования с нее, хотя, может быть, что-нибудь обнаружится в этих бумагах — имя последней жертвы, адрес, что-либо еще. Я бы хотел осмотреть комнаты других — Кальвара, Кинга и Хаммерсмита, — а также побеседовать с друзьями Кинга, о которых вы упоминали...

— Нет.

— Как хотите, — сухо сказал Эшер, выпрямляясь и задвигая ящик. — Только не ждите в этом случае, что я найду убийцу.

— Вы найдете убийцу, — отрезал Исидро, и голос его был смертельно тих. — И найдете вы его быстро, до того как он убьет еще кого-нибудь. В противном случае вы подвергнете себя и вашу леди серьезной опасности. То, что вы хотите знать, не имеет никакого отношения к вашим поискам.

— Ни вы, ни я не знаем пока, что имеет отношение к моим поискам! — Эшер почувствовал приступ бешенства, как в те дни, когда чины из министерства иностранных дел, понятия не имевшие об условиях, в которых приходилось работать, требовали от него немедленных результатов. На секунду ему захотелось взять Исидро за худое горло и встряхнуть — не только из страха за Лидию, но и за приказ делать кирпичи без соломы. — Если уж я согласился выполнить то, о чем вы просите, то будьте добры сообщить мне...

— Я сообщу вам то, что сочту нужным. — Вампир не шевелился, но Эшер чувствовал, что тот готов ударить и что удар этот будет неотразим и скорее всего смертелен. Ничего не изменилось в голосе Исидро, холодном и вялом, как яд. — Я предупреждаю вас снова: вы играете сейчас со смертью. Установленные мною ограничения служат как вашей, так и моей безопасности. Постарайтесь не нарушать их... Поймите меня, Джеймс, ибо я вас понимаю. Я понимаю, что вы намерены работать на меня до тех пор, пока не найдете способа безнаказанно меня уничтожить. Меня и всех мне подобных. Далее. Я мог бы подыскать человека, достаточно тупого и достаточно продажного, который бы даже не поинтересовался, кто я такой. Я бы просто приказывал ему: найди мне то, найди мне это, а результаты представь сегодня. И он бы не задавал никаких вопросов. Но это, к сожалению, не выход. Щит не делают из мягкой древесины, для этого выбирают самые твердые породы. Хотя, конечно, с ними больше хлопот.

Они молча глядели в глаза друг другу посреди комнаты, заваленной скомканными шелками и напоенной древними благовониями.

— Я бы не хотел, чтобы вы появлялись в Оксфорде.

— Я бы тоже не хотел этого, — сказал Исидро. — Кем бы ни оказался убийца, я не выведу его на вашу леди. Снимите в этом городе комнату, и я вас найду. Для тех, кто охотится в ночи, это не проблема. Хорошенько запомните это — хотя бы на тот случай, если, найдя убийцу, вы решите заключить с ним союз.

— Я запомню, — тихо заверил его Эшер. — Но и вы запомните: если вы или ваши друзья-вампиры меня убьют, то проблемы у вас так или иначе возникнут. А если вы будете играть нечестно, скажем, попытаетесь взять заложников — у вас возникнут проблемы куда более серьезные. Если вы меня убьете, вам придется искать кого-нибудь другого. А если нет, то вы в руках у меня, а я у вас. Я-то теперь знаю о вашем существовании...

— А кто вам поверит?

— Это несущественно, — сказал Эшер. — Главное, что знаю я.

Глава 4

— Как бы ты исследовала частную жизнь женщины, живущей убийствами последние сто пятьдесят лет?

Лидия Эшер помедлила, держа в руках завернутые в носовой платок фрагменты костей,

затем понимающе кивнула. Длинные рыжие волосы падали на ткань ночной сорочки, туманный серый день отражался в стеклах очков. Все-таки Лидия скорее напоминала нескладную тоненькую школьницу, нежели доктора. Эшер вытянул ноги в домашних шлепанцах и пристроил их на спинку кровати.

— Она должна была приобрести сотни потенциальных врагов.

— Я бы сказала, тысячи, — поправила Лидия после недолгих мысленных подсчетов. — Около пятидесяти тысяч, если она убивала каждую ночь. Триста шестьдесят пять на сто пятьдесят...

— Вычти периоды, когда она сидела на диете. — Усы Эшера вздернулись в улыбке, но Лидия заметила, что глаза его при этом не повеселели.

Внизу раздавались еле слышные шаги — Элен обходила комнаты, гася газовые рожки. Краем уха Лидия улавливала приглушенный грохот посуды, свидетельствующий о том, что завтрак уже готовится.

Когда все они очнулись от таинственного сна холодной ночью, Элен пыталась настаивать на ужине, но Лидия отправила всех в постель. Меньше всего ей хотелось бы иметь дело с разыгравшимся воображением горничной, истерикой кухарки и чудовищной восприимчивостью девчушки, не говоря уже о том, что и сама она была растеряна. Что Джеймс заходил домой, Лидия установила, исходя из того факта, что огонь был разожжен. Однако зачем он разобрал свой револьвер и оставил на конторке нож, который он прятал в ботинке, полагая, что Лидия об этом не знает, — этого она постичь не могла. Остаток ночи Лидия провела, копаясь в медицинских журналах (в ящике под кроватью их у нее была целая кипа, поскольку в книжные шкафы они не вмещались), выискивая описания подобных случаев и отмечая статьи, подводящие научную основу под легенду о спящей красавице. Под утро вздремнула среди раскрытых номеров «Ланцета», но сновидения ее были тревожны, и она то и дело просыпалась, ожидая увидеть посреди комнаты стройного молчаливого незнакомца...

— Я так не думаю, — сказала она мужу и, отбросив облако нарукавных кружев сорочки, поправила очки. — Как это вампир может сесть на диету? Кровь не содержит жиров.

Скрывая улыбку, Эшер склонил лицо над чашкой кофе. Лидия пребывала в сосредоточенной задумчивости. Затем развернула носовой платок и принялась изучать у светлеющего окна два найденных Джеймсом позвонка. Третий и четвертый шейные, сильно обожженные и странно деформированные, но, как и предупреждал Джеймс, царапина на кости была хорошо различима.

— Видимо, ткани восстанавливаются у них по-другому, — продолжила она, смачивая палец, чтобы стереть сажу с позвонка, — если ожоги дона Симона не заживали в течение нескольких лет. Хотелось бы знать, чем вызвана такая реакция. Хотя существуют описания спонтанного сгорания обычных людей, если это, конечно, были люди. Ты осматрел обивку гроба? Она тоже выгорела?

Эшер сдвинул густые брови и прищурился, пытаясь вызвать в памяти все детали. Он не имел специального медицинского образования, но Лидия знала, что муж ее весьма внимателен к мелким подробностям, которых другие просто не видят. В конце концов, эта способность не раз спасала ему жизнь.

— Во всяком случае, не вся, — сказал он, чуть помедлив. — Обивка днища испятнана и проедена, а с боков обуглилась лишь там, где непосредственно соприкасалась с телом. А вот одежда, плоть, волосы — все сгорело полностью.

— Цвет пятен?

Он покачал головой.

— Трудно сказать, я осматривал при свете фонаря.

— Х-м-м... — Она задумалась, потом встряхнула и сдвинула поудобнее подушки, взбив вокруг себя пену кружев, затем принялась искать лупу, с помощью которой собиралась внимательно перечитать собственные записи, сделанные в анатомичке.

Х — На ночном столике? — с надеждой предположил Эшер.

Лидия схватила увеличительное стекло и тщательнейшим образом осмотрела третий шейный позвонок.

— Это было сделано одним ударом. — Она протянула ему лупу, и он в свою очередь изучил обломок кости. — С помощью чего-то очень острого, например хирургического ножа. Чего-то такого, что может рассечь кость. Применивший подобное орудие знал, как с ним обращаться.

— И был достаточно хладнокровен, чтобы отсечь голову женщине, — задумчиво добавил Эшер, откладывая кость в сторону. — Хотя он уже убил перед этим трех вампиров. Каким бы образом он ни открыл сам факт их существования, но потрясение от открытия он пережил успешно, после чего, видимо, решил, что вампиры должны быть уничтожены. — Он развязал выцветшие ленты и раскрыл ридикюль, ответивший сухим трещащим шорохом старого шелка.

— Его могла убедить в этом только смерть близкого человека. — Не услышав ответа, Лидия оторвалась от изучаемой кости и подняла голову. То, что она увидела в глазах мужа, словно выжженных воспоминаниями этой ночи, заставило ее сердце сжаться — точь-в-точь как в детстве, когда, проснувшись однажды среди ночи, четырехлетняя Лидия увидела в своей комнате большую крысу, замершую как раз между кроватью и дверью.

— Да, конечно, — медленно проговорил Эшер. — Если причина убийств была только в этом. По я думаю, здесь кроется что-то еще — не знаю что. Если верить Исидро, вампирам ничего не стоит предупредить замыслы человека.

— Если верить Исидро! Возможно, он просто морочит тебе голову, чтобы ты не совался куда не надо. — Лидия погрозила изящным пальчиком и прошепелявила с детской гримаской: — Не троз меня, а то полутис — я все вижу!..

— Ты не видела его в деле. — Глаза Джеймса смягчились, когда он усмехнулся своим словам. — Тем более что увидеть Исидро в деле довольно трудно... Нет. Я ему верю. Острота ощущений у него — сверхъестественная: по звуку дыхания он может определить количество пассажиров в поезде, может видеть в темноте... И тем не менее нервничает, все время к чему-то прислушивается. Так обычно ведут себя люди, подозревающие, что за ними слежка. Он явно испуган, хотя и старается скрыть это.

— Может быть, правильно делает, — заметила Лидия. Она помедлила, уставившись на оплавленный позвонок, и наконец спросила по возможности небрежно: — А какая опасность грозит мне?

— Думаю, что большая. — Джеймс приподнялся и сел на подушках. Крепкая мускулистая рука его по-прежнему обнимала Лидию за плечи. Лидию когда-то сильно раздражала мелочная опека матери, а чрезмерная предупредительность поклонников просто выводила из себя — все они считали ее ребенком, хрупким и беспомощным. Но с Джеймсом было почему-то приятно почувствовать себя беззащитной и прижаться к его плечу, чувствуя тепло его крепких мышц под скромным твидовым жилетом, пропахшим чернилами, книжной пылью и бриолином. Даже сейчас, хотя Лидия и понимала прекрасно, что перед нынешней опасностью Джеймс так же беспомощен, как и она сама, ей показалось на секунду, что он сумеет ее защитить.

Его губы коснулись ее волос.

— Я собираюсь снова отправиться в Лондон, — спустя несколько минут сказал он. — Буду искать убийцу и заодно собирать информацию о лондонских вампирах. Если я выясню, где они спят, где хранят свои вещи и где охотятся, это может обернуться неплохим оружием против них. Думаю, тебе лучше остаться в Оксфорде...

— Да уж конечно! — Она резко вывернулась из его рук. — Я поеду в Лондон с тобой. Нет, поедem мы, конечно, по отдельности, — торопливо добавила она, пользуясь тем, что Эшер утратил на секунду дар речи. — Иначе они могут заметить нас вместе, а это опасно. Но я могу снять комнату неподалеку от твоей и помогать тебе, если понадобится...

— Лидия!..

Их глаза встретились. Из последних сил она удерживалась, чтобы не взмолиться: «Не оставляй меня!», из последних сил старалась не выказать страха.

— А это понадобится, — заверила она, упрямо вздернув маленький подбородок. — Если ты собираешься искать убийцу вампиров, у тебя просто не окажется времени, чтобы изучить все данные и выяснить места их обитания. Тем более что дон Симон требует быстрого расследования. А встречаться мы могли бы днем, когда они не смогут нас увидеть. Если все, что ты рассказывал о них, правда, то Лондон не более опасен, чем Оксфорд или какое-либо другое место. Кроме того, в Лондоне ты будешь рядом на случай... — Она запнулась.

— Просто на всякий случай.

Он отвел глаза и, не отвечая, медленно пропустил сухие ленты ридикюля вампирши сквозь пальцы свободной руки.

— Возможно, — проговорил он, помолчав. — Мне ведь в самом деле понадобится помощник, который верит... А ты веришь, что они действительно вампиры, не так ли? — Он снова вскинул глаза.

Лидия нахмурилась, поворачивая в пальцах этот странный деформированный кусочек кости. Джеймс был одним из немногих, кому она могла сказать все, что думает, не боясь при этом нервного, неуверенного смеха или — хуже того — непонимающего взгляда, каким обычно отвечали молодые люди на ее агрессивные шутки.

— Видимо, в той же степени, что и ты, — ответила она наконец. — Конечно, легче всего было бы сказать: «Глупости, так не бывает». Но год-два назад никто, как ты знаешь, не верил в существование вирусов. Мы и сейчас толком не знаем, что это такое, но знаем хотя бы, что они есть, и каждый день приносит все новые и новые открытия... Сотню лет назад глупостью назвали бы мысль, что болезни распространяются крохотными организмами, а вовсе не проистекают из дисбаланса жизненных соков (что, кстати, выглядит куда более очевидно). И что-то определенно не так с этой костью.

Она вздохнула, освобождаясь от главного страха — остаться одной, в то время как судьба ее будет решаться другими. Что до Джеймса, то он, кажется, примирился со своей судьбой и, сняв руку с плеча жены, принялся с аккуратностью истинного ученого выгружать на покрытый кружевной салфеткой подоконник содержимое ридикюля — желтые счета, старые театральные программки, приглашения.

— Ты в самом деле попытаешься договориться с убийцей?

— Конечно, попытаюсь. — Он поднес выцветший пригласительный билет к свету. — Но делать это нужно весьма осторожно. Вампиры прекрасно понимают, что это мой потенциальный союзник... В чем дело?

Сидя к Лидии спиной, он все же почувствовал, как она вздрогнула.

Выронив карточку, которую она, надо понимать, только что прочла, Лидия смотрела на мужа со страхом и растерянностью и явно не знала, что сказать.

Он поднял кусочек картона и осмотрел сначала его оборотную сторону. Затем повернул лицом, где витиеватым золотым тиснением обозначено было имя почтенного Альберта Уэстморленда.

— Я знала его, — с легкой дрожью в голосе объяснила Лидия. — Не слишком близко... Он был одним из студентов дяди Амброуза, когда я еще в школу ходила. Его отец был папиным другом в городе.

— Один из твоих поклонников? — Насмешливая нотка, обычно сопровождавшая любое упоминание о поклонниках Лидии, на этот раз отсутствовала. Когда-то они ходили за ней толпами — отчасти привлеченные удачливостью старого Уиллоби, купившего для нее дом вместе с обстановкой, отчасти очарованные дерзким сорванцом в юбке. С самого детства слыша, что она безобразна, Лидия с радостью принимала теперь их ухаживания (хотя, конечно, куда большую радость доставлял ей серьезный анализ нервных повреждений), и очаровывать людей стало для нее второй натурой. Впрочем, отдельным пылким юношам, наводившим на нее смертельную тоску, она давала отставку, каждый раз

приводя в замешательство своего отца, так и не уяснившего, в чем они провинились перед его дочерью. С почти религиозной верой в то, что мужчина способен исправить характер женщины, он одобрял всех ее поклонников, хотя и надеялся втайне увидеть свою своенравную дочь замужем за пэром.

Лидия улыбнулась, вспомнив лицо отца, когда она объявила ему, что выходит замуж за преподавателя филологии, и даже без приставки «почтенный». Улыбнулась, но тут же встряхнула головой.

— Он был уже помолвлен с дочерью лорда Кэррингфорда. И тем не менее ухаживал за мной, так что виделись мы довольно часто. Я знала... ну, никто, конечно, об этом не говорил, и Нанна убила бы любого, кто осмелился бы об этом заикнуться, но я предполагаю, что, когда они резвились в городе, их сопровождали девушки несколько иного типа... Я хорошо помню, как Деннис Блейдон пришел сказать мне о том, что Берти мертв.

Она содрогнулась, и Джеймс снова обнял ее. Странно, но в свое время это печальное известие не слишком поразило ее, хотя, конечно, она чувствовала тогда и скорбь, и потрясение — ведь Берти был ее ровесник, да еще и поклонник. Ей потом не раз приходилось иметь дело со смертью (старый Хорис Блейдон, патологоанатом Рэдклиффа, говаривал, что совершенно неприлично смотреть, как она пластает трупы), но это было совсем другое, это не касалось близких людей. Деннис, помнится, пытался сообщить ей о смерти Альберта как можно тактичнее, но в общем-то зря старался.

— Он не сказал, как это произошло?

Она покачала головой.

— Во всяком случае, умер он внезапно. Я помню, всего за неделю до этого вся их компания отправилась болеть за Денниса в матче против Королевского колледжа. Бедный Берти. — Лицо Лидии было печально. — Почтенный Берти... Во время матча он терроризировал всю скамью, проливал лимонад на брюки и отрывал на себе пуговицы. Его брат, столь же почтенный Эвелин, чуть не сгорел от стыда.

«Странные вещи я вспоминаю, — подумала она. — Интересно, понимал Берти, что с ним происходит, или же эта вампирша просто усыпила его, как Исидро усыпил всех нас?»

Помолчав, она спросила:

— Мы сможем видеться хотя бы днем?

— Я не знаю, — тихо сказал он. — Боюсь, что это будет небезопасно. Вампиры нас не выследят, но может выследить убийца. А мне бы не хотелось, чтобы он обнаружил твое присутствие, пока я не встречу с ним и не выясню, как и почему он все это делает. — Его пальцы бережно сжали руку Лидии — каждая хрупкая косточка была для него драгоценна. Почувствовав, что мышцы его напряжены, Лидия вскинула глаза. — И еще одно, — сказал он. — Исидро о чем-то умолчал, о чем-то очень важном. Он сделал явную глупость, наняв человека, но в том-то все и дело, что дон Симон Исидро не дурак. Значит, у него есть какие-то тайные соображения. И это первое, что мне необходимо выяснить, — иначе, боюсь, в живых из нас не останется никто.

В Лондон Эшер вернулся после полудня. За завтраком он сообщил Элен и миссис Граймс, что ночная история настолько потрясла Лидию, что ей необходимо показаться специалисту в Лондоне. Байка эта привела Лидию в негодование; Элен была поражена.

— Да она в порядке, мистер Эшер, сэр, в самом деле! Это ведь она разбудила меня и повариху! Да и никогда она не была нервной.

— Я провел с ней целое утро, и, поверьте мне, она нуждается в специалисте, — твердо сказал Эшер. Двадцать четыре часа без сна и полное истощение сил лишили его обычной изобретательности.

Элен недоверчиво присмотрелась к его бледному лицу с черными тенями под глазами.

— Не стоит мне так говорить, сэр, но, по-моему, если кто-то здесь и нуждается в нервном докторе...

— Да, вам не стоит так говорить, — отрезал Эшер и залпом выпил свой кофе. — Помогите миссис Эшер собрать все необходимое, а я вернусь за ней к вечеру.

«Как раз к вечеру они и управятся, — отметил он про себя, — если будут собирать все, что Лидия сочтет необходимым».

Одна только мысль, что до заката придется дважды съездить в Лондон, сделала Эшера совершенно больным. Однако заботливый муж, роль которого он сейчас разыгрывал, должен сам сопровождать жену, не доверяя эту миссию служанке. Кроме того, в Лондоне было бы весьма трудно отделаться от Элен, которая мало того что была гораздо умнее, чем казалась, но еще и отличалась неизлечимым любопытством.

«Странно, — спустя малое время думал Эшер, пересекая мост Магдалины.

— Вполне похвальные качества мгновенно становятся недостатками, стоит их приложить к слугам».

Поверх каменной балюстрады моста он видел вершины ив и отдаленные пятна коричнево-серой воды. Вспомнил слова Исидро относительно мягкой и твердой древесины — и невольно усмехнулся. Перейдя мост, свернул на Сент-Клемент-стрит, уводящую с окраины в холмистую местность, расчерченную заросшими, редко используемыми дорогами.

Чем трястись еще два часа в поезде, он решил взять с собой в Лондон свой мотоцикл — американскую машину в пять лошадиных сил, вечное яблоко раздора между ним и остальными преподавателями. Были, конечно, и другие лекторы даже и друзья христовой церкви, владевшие моторами, но считалось, что это больше свойственно ученым из Кембриджа. Щадя чувства коллег и не желая подрывать свою репутацию безобидного книжного червя (не говоря уже о достоинстве профессорской мантии), Эшер редко садился на мотоцикл в черте города.

Однако в данный момент время было слишком дорого. Слишком многое предстояло сделать, пока солнце не опустилось за горизонт и Исидро со своими друзьями еще спят в гробах.

Кратчайший путь до Лондона лежит через Уиком. Дорога оказалась прескверная, ухабистая, местами невымощенная и покрытая желтоватой грязью, быстро залепившей ботинки, кожаную куртку, очки и волосы. Но главное — наконец-то он был один среди огромного молчания медленно проплывающих мимо меловых холмов и торфяных равнин, один — чтобы наконец придумать хоть какой-нибудь план.

На вершине высокого холма Эшер остановил мотоцикл и оглянулся на зеленую равнину, мерцающую дюжиной заболоченных речушек среди ползущего тумана и темных масс деревьев. Он мог разглядеть отсюда башни колледжей — не сияющие поросли шпилей, как бывает на рассвете и закате, но зеленовато-серые, замшелые, знакомые: купола Фомы и Магдалины, всплывающие над кронами деревьев, шпиль Мертон и квадратные очертания башни Нового колледжа — словно лица друзей, стоящих на краю платформы и провожающих тебя в дальний путь.

За границей ему постоянно грозила опасность забыть эти места; были времена, когда приходилось убивать человека не раздумывая. И все-таки память об этих мягких серых небесах возвращалась рано или поздно. Он думал: «Если я только вернусь когда-нибудь в Оксфорд...» А позже пришло понимание, что Оксфорд — это еще и Лидия.

С мысленной усмешкой Эшер подумал о том что почти все знакомые ему женщины попросту отмахнулись бы от его сегодняшнего рассказа или бы приняли лихорадочно соображать, что желает скрыть Эшер столь дурацким образом. Под легкомысленной очаровательной внешностью Лидия таила холодную практичность врача и умение работать с фактами, какими бы причудливыми они ни казались. Хотя он и сам ухитрился в минуту смертельной опасности безошибочно проанализировать архаичное произношение вампира.

Возможно, это была одна из причин, почему из всех поклонников, капитулировавших перед этой девчонкой (а многие были и моложе его, и состоятельнее), мужем ее удалось стать именно ему.

«Исидро еще пожалеет, что втянул в это дело Лидию», — мрачно подумал он.

Он нажал на стартер, спугнув дюжину жаворонков, развернул мотоцикл и покатил вниз по склону в направлении Биконсфилда и Уикома — к отдаленному куполу желтовато-серого

дыма, под которым скрывался Лондон.

Путешествия Эшера по задворкам Европы в поисках латинских корней и иных, куда более странных сведений научили его подыскивать укрытие быстро. Фасады облюбованных им двух домов (в Блумсбери недалеко от музея) смотрели на разные улицы, зато черный ход и в том, и в другом случае выводил в один и тот же переулок. Из окошка квартиры на Брутон-Плейс, 109, где должна была поселиться Лидия, хорошо просматривалось окно одинокой комнаты самого Эшера, располагавшейся по адресу Колоннада Принца Уэльского, 6. Расстояние, правда, было великовато, и в случае необходимости пришлось бы перепрыгивать через дренажные трубы и всякие там заборчики, но лучшего варианта не нашлось. Солнце уже клонилось к закату, когда Эшер снова побрел к поезду на Оксфорд.

Весь путь домой он проспал. Сновидения, как он и опасался, были недобрые: полный золы гроб на Хайгэйтском кладбище и боязнь вслушаться и различить ясный шепот, идущий из этой золы.

Лидия ждала его. Одета она была просто, но изящно; однако сквозь вуаль было заметно, что лицо у нее такое же бледное и измученное, как у самого Джеймса. В поезде, подкрепив силы несколькими чашками кофе, он объяснил ей, как пользоваться почтовым ящиком, устроенным им в читальной комнате музея, и условился о сигнальной связи между Брутон-Плейс и Колоннадой Принца Уэльского: одна занавеска задернута, другая откинута — значит, необходимо встретиться; лампа в окне — знак опасности.

— Полагаю, тебе лучше всего начать с Сомерсет-Хауса, — сказал он, когда окно залили свинцовые сумерки. Дневная гонка на мотоцикле через холмы была приятной, но ближе к вечеру заметно похолодало, так что душный вагон гораздо больше подходил для этого путешествия. — Ты могла бы собрать информацию у нотариусов и в Государственном архиве — у меня есть предположение, что, по меньшей мере, некоторые из вампиров имеют собственность. Трудно поверить, что Исидро доверил бы свой костюм, не говоря уже о гробе, заботам квартирной хозяйки. Составь список домов, не менявших хозяев в течение... ну, скажем, семидесяти лет и больше. Все записи о необычных владельцах поместий также могут оказаться весьма интересными. Любопытны и свидетельства о смерти в случае, если тело так и не было найдено. Газетные сенсации насчет вампиров — сомнительны, потому что должны были их насторожить. Один бог знает, сколько случаев голодной смерти или смерти от тифа следует отнести на счет Исидро и его друзей. Я подозреваю, что во время эпидемий в Ньюгэйте и Флите вампиры охотились за своими жертвами, не опасаясь последствий. Бедняги... — добавил он и принялся изучать в молчании тонко вырезанный профиль жены, белеющий во мраке купе. — Ты собираешься выяснять что-либо относительно смерти Альберта Уэстморленда?

— спросил он, понизив голос. — Если не возражаешь, я бы занялся этим сам.

Она покачала головой, прекрасно понимая, что Джеймс заботится не столько о ее нервах, в крепости которых уверен, сколько о ее безопасности. Без очков карие глаза Лидии казались мечтательными и немного сонными.

— Нет. У тебя и так мало времени. Кроме того, я знала его самого и его друзей. Не думаю, чтобы мне удалось повидаться с Деннисом Блейдоном, избежав при этом упреков, что я вышла замуж за тебя, а не за него, но с Фрэнком Эллисом (он сейчас виконт Хаверфорд) я бы могла поговорить. Или со столь же почтенным Эвелином — братом Берти. Он только поступил в тот год, когда Берти... умер.

— Мне все это не нравится, — медленно проговорил Эшер. — Одно дело, если ты занимаешься в Лондоне какими-то исследованиями... Когда я пошлю письмо моему сослуживцу по министерству иностранных дел в «Дейли мейл», твое имя упомянуто не будет. Исидро говорил, что вампиры легко узнают, когда на их след напали друзья или родственники убитого: такие люди начинают расспрашивать очевидцев, обшаривать кладбища. Мне бы очень не хотелось, чтобы тебя заметили. Это могло бы обернуться смертью для нас обоих.

Она выпрямилась.

— Не понимаю, каким образом...

— Я тоже, — отрубил он. — Но в данный момент я принимаю его слова на веру. У них есть возможности, которых нет у нас, и пока мы не узнаем о них побольше, шанса я им не предоставляю.

— Может быть, — сказала она. — Но у них есть и слабости, и чем больше мы о них узнаем от людей, имевших с ними дело, тем скорее мы сможем что-либо предпринять, если... если дела пойдут совсем плохо. Берти умер давно, и подозрений это не вызовет.

— Мне это очень не нравится, — снова сказал он, сознавая, что Лидия, возможно, права. — Я бы предпочел, чтобы ты не занималась этим, но если уж займешься, то по крайней мере будь осторожна. Что же касается того, что ты можешь выяснить... Тебе никогда не приходилось опрашивать случайных свидетелей, пусть даже всего через десять минут после происшествия? А Берти умер... когда?

— В девятисотом. — Губы ее дрогнули в невеселой усмешке. — Меж двух веков.

— То есть семь лет назад...

Семь лет назад он был в Африке, путешествуя верхом через коричневатые бархатные равнины при свете вздувшейся медовой луны. Иногда ему казалось, что было это совсем недавно — не более семи недель назад. Эшер наклонился к Лидии и поцеловал ее; откинутая вуаль щекотала переносицу; и вновь странно было сознавать, что в конце концов они все-таки стали мужем и женой.

— Будь даже Лотта первой жертвой, а не четвертой, все равно семь лет — это очень много. Но нам сейчас важна любая зацепка-. Ты сможешь все это выяснить?

— Конечно, профессор Эшер! — С видом примерной ученицы она положила руки в перчатках на колени и нежно раскрыла глаза. — А что именно мне предстоит выяснить к полудню?

Он грустно усмехнулся.

— Список клиентов газовой компании, неумеренно жгущих газ. Их было бы проще найти, подняв банковские счета, но для этого нужно разрешение либо министерства, либо Скотланд-Ярда, а это может привлечь внимание Исидро. Список оставишь в условном месте в музее — пожалуй, на ночь я его буду прятать в сейф в Юстоне. Пока Исидро и его друзья понятия не имеют о направлении моих поисков. И, Лидия, дай мне знать, если как-нибудь случайно обнаружишь, что кто-то идет по тому же самому следу.

— Короче говоря, убийца. — Судя по ее голосу, Лидия и сама думала об этом. Он кивнул. — А потом начнешь их уничтожать?

Что-то в ее тоне заставило Эшера вскинуть глаза, и он был слегка удивлен несколько опечаленным лицом жены. Та встряхнула головой, как бы беря свои слова назад.

— Просто хотелось бы исследовать их с медицинской точки зрения.

Это было настолько в ее духе, что Эшер чуть не расхохотался.

— Да, начну, — сказал он, и веселость его исчезла. — На то есть много причин, и самая незначительная из них заключается в том, что если я не схвачу убийцу, то рано или поздно заподозрят, что это я убиваю их. Они должны быть уничтожены, Лидия, — тихо продолжал он. — Но если... когда до этого дойдет, уничтожить придется всех, потому что бог знает, что будет с нами, если хотя бы один из них уцелеет.

Эшер добрался рэдингским поездом до Элинга и далее пересел на подземку — долгим кружным путем через Викторию и Сити, а затем назад, к Юстонской станции, оставляя в стороне окрестности Паддингтона, где высадилась Лидия. Было уже совсем темно. Глядя на летящие за окнами кирпичные стены и мгновенные промельки газового света там, где состав выскакивал из тоннеля, Эшер размышлял, охотятся ли вампиры в вагонах подземки третьего класса. Могут ли они в крайних случаях использовать тоннели как укрытие от солнца? Вообще, как много требуется солнечного света, чтобы испепелить их белую хрупкую плоть?

«Наверное, немного», — подумал он, пересекая платформу и поднимаясь по лестнице к квадрату ночного неба. Даже если распахнуть дверь, много ли света проникнет в усыпальницу Хайгэйтского кладбища с тенистой сумрачной аллеи!

Когда уже шел по мостовой, кольнуло беспокойство за Лидию, оставшуюся на паддингтонском перроне. Конечно, она бы не пропала в вокзальной толпе — шестеро, а то и семеро молодых джентльменов оспаривали бы право нести ее багаж. Эшер боялся только Исидро.

Каким образом вампиры могут узнать, что кто-то собирает о них данные днем? Может быть, Лидия права и его попросту пытались запугать. Их ведь, наверное, было очень мало — родственников и друзей, оказавшихся настолько проникательными, что предпочли откровенное суеверие удобству «логических объяснений», как это назвал Исидро. И тем не менее...

Двигаясь в тесной толпе по Юстон-роуд, Эшер успокаивал себя тем, что Исидро никоим образом не мог узнать о его двойном возвращении в Оксфорд. «Да, но он может это предположить...»

Эшер встряхнул головой. Кажется, усталость начала сказываться и на его способностях оценивать ситуацию. Не спать в течение тридцати шести часов — невольно начнешь шарахаться от собственной тени. Конечно, он нервничал не потому, что за ним следили, но потому, что за ним могли следить.

Эшер замедлил шаги, рассеянно оглядывая спешащие экипажи и уличную толчею в тусклом свете газовых фонарей. Служащие, продавщицы торопились в направлении подземки, чтобы успеть на следующий поезд, который доставит их домой — в огромные трущобы окраин. Рабочие, жаждущие дешевого ужина и нескольких кружек пива, проталкивались к дверям трактира. В этом обманчивом освещении их лица казались бледнее обычного, но мертвенной белизны неподвижных черт нигде видно не было.

Почему же тогда нарастает это странное чувство тревоги и такое ощущение, что перед глазами маячит слепое пятно?

На перекрестке он перешел на другую сторону Гувер-стрит и двинулся по тротуару, все так же рассеянно озирая, грузовики, омнибусы, моторные кэбы, вагончики конки с яркими рекламными плакатами. Однако большей частью улица была запружена конными повозками всех видов. Здесь были фургоны, влекомые мохноногими клячами, открытые викторианские экипажи, закрытые коляски, в каких предпочитают ездить доктора, и высокие двухколесные кэбы. Бессонница давала себя знать, острота зрения притупилась, вдобавок мешало это мельтешение теней. И все же рискнуть стоило. Транспорт шел густо, но не быстро — иногда лишь какой-нибудь кэбмен, хлестнув лошадь, направлял ее в открывшийся на минуту просвет. Что ж, можно попробовать...

Достигнув поворота, ведущего к Колоннаде Принца Уэльского, Эшер внезапно сошел с тротуара и кинулся в самую, гущу транспорта. Чудом не был сбит пронзительно заржавшей лошадью, вслед полетели проклятья на экзотическом диалекте. «Как это йоркширца занесло в лондонские кэбмены?» — поразился он, оскальзываясь на покрытой пометом влажной мостовой и ныряя среди движущихся масс плоти, дерева и железа. Оказавшись на той стороне, обернулся.

В самой середине потока экипажей шарахнулась, заржав, извозчикья лошадь, с визгом затормозил моторный кэб, и Эшеру показалось на секунду, что какая-то тень метнулась в электрическом свете фар.

«Понятно... — подумал он и, отдышавшись, двинулся дальше. — Рискуй и дальше своим бессмертием, мой кровососущий друг...»

Войдя в комнату, он зажег газовый рожок, оставив окно незадернутым. Сбросил пальто, котелок, шарф и открыл саквояж, привезенный еще днем на мотоцикле, ныне надежно укрытом в сарае неподалеку. Полдюжины чистых рубашек, смена белья, бритвенные принадлежности и книги — что еще может потребоваться в Лондоне охотнику за вампирами? Эшер представил на секунду маленький магазинчик на темной улице, специализирующийся на серебряных пулях, осиновых кольях, чесноке, — и усмехнулся. Так, чтобы его было видно через окно с улицы, Эшер подошел к платяному шкафу, нахмурился, как бы ища и не находя чего-то, затем повернулся и вышел из комнаты.

Бесшумно сбежав по лестнице, проскочил кухню (хозяйка успела лишь вздрогнуть и вскинуть глаза на странного жильца), и оказался в узком, каменном испятнанном мхом колодце с ведущими наверх ступенями. Осторожно выпрямившись, взглянул поверх мостовой.

Темная фигура на ночной улице все еще всматривалась в освещенное окно, явно поверив обманному маневру Эшера. Соглядатай стоял неподвижно, почти невидимый в густом мраке между двумя рядами высоких домов. Но даже в смутном падающем из окон свете лицо его поражало мертвенной белизной. Всматриваясь, Эшер затаил дыхание, помня, насколько чуток слух вампиров. Затем моргнул — и темная фигура исчезла.

Полчаса у него ушло на то, чтобы неторопливо распаковать багаж, переодеться и побриться. Это слегка освежило, но все равно спать хотелось смертельно. Возникло даже легкое искушение: взять да и лечь в постель, оставив Исидро стоять в сыром переулке. Однако в этом случае встреча состоялась бы прямо в комнате — вряд ли дон Симон был знаком с легендой, согласно которой вампир может войти в новое жилье лишь с позволения хозяина.

«Хотя с другой стороны, — подумал Эшер, открывая дверь и поднимаясь по каменным ступенькам на улицу, — есть ли вообще в Лондоне жилье, которое можно было бы назвать новым?» Колоннада Шестого Принца Уэльса начала застраиваться в последние дни правления Георга IV, а собственный дом Эшера в Оксфорде — во времена королевы Анны. Правда, дон Симон Исидро убивал втихомолку на улицах Лондона задолго до возникновения многих пригородов.

На секунду в воображении Эшера возник древний Лондон — тесное скопище бревенчатых домов, крохотные церкви, жмущиеся к реке каменные монастыри, дюжина враждующих отрядов блюстителей порядка, чьи офицеры не имели права перейти на другую сторону улицы, чтобы схватить преступника; дешевый театрик, где некий Шекспир обучался ремеслу актера и сочинителя пьес; таверны, где плававшие с Френсисом Дрейком пили за здоровье рыжеволосой королевы...

— Мы не будем больше встречаться таким образом, — промурлыкал рядом тихий знакомый голос. — Могут пойти нежелательные слухи.

Эшер резко обернулся, мысленно проклиная свою минутную рассеянность. Даже будучи смертельно утомленным, бдительность утрачивать не стоило.

Исидро где-то уже насытился — лицо его хотя и оставалось бледным, но уже не отдавало той мертвенной белизной, как тогда, в переулке. Из-под распахнутого плаща виднелся черный вечерний костюм, белый шелк рубашки несколько скрадывал бледность лица. Как всегда, Исидро был с непокрытой головой; свет газового фонаря положил смутные блики на его высокий лоб. Рука в жемчужно-серой перчатке сжимала тонкую трость черного дерева.

— У меня была мысль оставить вас ждать в том переулке, — ответил Эшер. — Все равно я не могу доложить вам ничего сверх того, что вы уже видели сами: я снял здесь комнату. — Он кивнул в сторону дома номер шесть, уже неразличимого среди других домов; смутный свет из окон ложился на ветви деревьев. — После того как мы переговорим, я намерен вернуться и лечь спать.

— В переулке? — Вампир слегка склонил голову к Плечу.

— Вы что, не ходили за мной по пятам сразу после наступления темноты? Не следили, как я распаковываю багаж?

Исидро помолчал, просеивая возможные ответы и оставляя лишь необходимое. Эшер в раздражении остановился и повернулся к нему лицом.

— Послушайте. Вы не доверяете мне, и я был бы дураком, доверясь я вам. Но это вы, а не я попали в беду. И если вы не предоставите мне необходимой информации, если мы будем продолжать эту бесконечную детскую игру в загадки и отгадки, я просто не смогу вам помочь.

— Вы искренне хотите помочь нам? — В голосе вампира не было сарказма, он в самом

деле хотел услышать ответ.

— Нет, — резко сказал Эшер. — Но и убивать вас я тоже не собираюсь. Слишком дорого за это пришлось бы заплатить. Как вы сами должны были догадаться, я принял кое-какие меры, чтобы Лидия была в безопасности, и, поверьте, было весьма нелегко объяснить ей, почему она должна покинуть Оксфорд. Но я не смогу ни к чему приступить, пока вы не соизволите дать ответ на некоторые мои вопросы.

— Хорошо. — Вампир изучал его в течение нескольких секунд, причем с таким видом, будто тихая площадь Блумсбери, где они сейчас находились, была его частной квартирой. — Я встречусь с вами завтра в это же время, и мы отправимся, как вы выражаетесь, на место преступления. Что же касается того, кто следил за вами из переулка... — Снова короткая пауза, которую можно было бы назвать колебанием, если бы не спокойствие черт дона Исидро. — Это был не я.

Глава 5

— О боже, конечно! — Судя по вывеске, хозяйка мастерской была француженка и звали ее Минетта, хотя некоторые особенности произношения подсказывали, что изначально женщина носила простое английское имя Минни. — Волосы изумительные! Блондинки такого типа не любят золотых тонов — они их делают желтыми, как сыр. Но тут другое дело — у нее же зеленые глаза, да еще и с темным ободком вокруг зрачка! Моя бабка говорила, что у кого есть такой ободок — тот ясновидец.

Она устала на Эшера огромные нежно-голубые глаза без каких бы то ни было признаков ясновидения, зато исполненные деловой сметки. Хотя он плотно прикрыл за собой входную дверь, шум Грейт-Мальборо-стрит (цоканье копыт, грохот железных ободьев по гранитным блокам мостовой и крики уличных торговцев на углу) свободно проникал в помещение, подчас заглушая приглушенный стрекот швейных машинок.

Эшер поправил сидящие на кончике носа очки с простыми стеклами вместо линз, которые надевал, чтобы казаться еще более безобидным, и взглянул поверх оправы на хозяйку. — Вы слышали от нее самой, что она актриса? Минетта (она сидела на табурете за выкрашенным белой краской прилавком) кивнула, рассыпав черные грозди кудряшек по бежевому кружеву воротника.

— А она, стало быть, не актриса? — Сказано это было без удивления — скорее хозяйку даже позабавило, что ее подозрения подтвердились.

Эшер скорбно поджал губы и вздохнул. Не дождавшись словесного ответа, владелица мастерской вынуждена была продолжить:

— Знаете, мне и самой как-то не очень верилось. Актрисы, конечно, спят по утрам долго, но не до самого же вечера! И они все время зубрят роли. Я подозреваю, что дни она проводила с этими молодыми модниками, потому и являлась на примерку так поздно — между спектаклями, как она уверяла.

— С модниками, — повторил Эшер, вновь вздохнул и, достав блокнот, сделал в нем пометку. Голубые глаза устали на посетителя. — Вы шпик?

— Нет, что вы! — сказал Эшер. — Я, фактически, адвокат мистера Гоби, чей сын был... э-э-э... другом мисс Харшоу — или мисс Бранхэйм, как она вам представилась. Скажите, мистер Гоби — мистер Томас Гоби — покупал у вас что-либо для мисс Лотты Харшоу? Или, скажем, оплачивал ее счета?

Имя Томаса Гоби то и дело попадалось среди относительно свежих приглашений, найденных в ридикюле Лотты. Если он уже мертв, вряд ли это известно владелице мастерской.

Выяснилось, что мистер Гоби действительно два года назад заплатил Минетте ля Тур семьдесят пять фунтов за костюм коричневого шелка и отделанный мехом жакет, сшитый на заказ, как и все, что приобреталось Лоттой.

Осмотрительно заглядывая через плечо мадемуазель Минетты, склонившейся над

гроссбухом, Эшер заметил еще несколько знакомых фамилий. Бедняга Берти Уэстморленд потратил по самым скромным подсчетам несколько сотен фунтов, чтобы купить своей убийце платье и оперный плащ из янтарного бархата, расшитый агатом.

Шесть месяцев назад, и это следовало отметить особо, Лотта приобрела голубую «морскую шляпу» — у Лидии тоже была такая, хотя ничего подобного Эшер на морях в жизни не видел. Покупка была оплачена Валентином Кальваром, проживающим по Бэйсуотер-роуд. Эшер захлопнул блокнот.

— Проблема, дорогая моя мадемуазель ля Тур, вот в чем. Молодой мистер Гоби исчез неделю назад. Его семейство пустилось в розыски, и выяснилось, что мисс Харшоу, выдающая себя за актрису, тоже пропала. В данный момент мы просто выясняем, куда они могли скрыться. Приходила ли когда-либо мисс Харшоу сюда с подругами?

— О господи, сэр, да конечно же, как же иначе! Какая же примерка без подруг? Раз два с ней приходила миссис Рэн — это леди, которая меня с ней и познакомила. Честно говоря, в моих интересах, если примерку приходится делать вечером при газовом освещении. За это причитается добавочная плата...

— Вы можете сообщить мне адрес миссис Рэн? — спросил Эшер, снова открывая блокнот.

Хозяйка покачала черными кудряшками. Она была еще молода — лет тридцать, не старше, и еще только подбирала клиентов. Магазины, довольно тесный и удаленный от фешенебельных улиц, был выкрашен изнутри в белый и лимонный цвета, чтобы хоть как-то компенсировать недостаток света из единственного окна. Нужно быть действительно состоятельной модисткой, чтобы платить жалованье швеям и вышивальщицам в межсезонье, когда клиенты уезжают в Брайтон или в загородные имения. В августе Минетта, надо полагать, согласилась бы проводить примерки и в полночь.

— И я сомневаюсь, что они и вправду были подруги. Бог знает, как они вообще сошлись. Даже слепой увидел бы, что миссис Рэн — женщина не ее круга. Готова держать пари, что Рэн — не настоящая ее фамилия. Муж — пьяница, не выпускал ее из дому, чтобы купить новую юбку, ей приходилось уходить тайком, когда он отправлялся в свой клуб. Я думаю, вас больше заинтересует другая ее подруга — мисс Селестина дю Бо, хотя, сказать по правде... — Модистка дерзко подмигнула. — Мисс дю Бо — такая же француженка, как и я.

Весьма позабавленный этим признанием, Эшер все же счел нужным выразить неодобрение такого рода уловкам и вскоре покинул заведение мадемуазель ля Тур.

По адресу, оставленному Селестиной дю Бо на тот случай, если счета будут пересылаться ей, а не какому-либо ее поклоннику, располагалась табачная лавка, кстати, в двух шагах от станции подземки, то есть добраться сюда можно было из любого конца Лондона. Валентин Кальвар оставил модистке адрес пивной на Бэйсуотер-роуд — оба вампира предпочитали получать корреспонденцию лично.

— Получала ли мисс дю Бо письма для кого-нибудь еще? — спросил Эшер, выкладывая полкроны на прилавок красного дерева. Юный клерк бросил нервный взгляд в глубь лавки, где хозяин смешивал высшие сорта табака — для джентльменов.

— Для мисс Хлои Уотермид и мисс Хлои Уинтердон, — понизив голос, ответил юноша и вытер остренький нос. — Она заходила... иногда два раза в неделю и всегда перед самым закрытием.

— Хорошенькая? — рискнул Эшер.

— Что-то сногшибательное. Ростик маленький — этакая карманная Венера. Светлая, как шведка, а глаза, по-моему, карие, и одета всегда как куколка. Но никто к ней никогда не приставал, хотя она часто приходила с таким кавалером... Суровый малый и всегда в накрахмаленной рубашке.

— Имя? — Эшер выложил на прилавок еще полкроны.

Юноша снова бросил быстрый взгляд на громоздкую фигуру хозяина.

— Никогда не слышал, — шепнул он, отодвигая монету Эшеру.

— Возьмите себе, — шепнул Эшер, беря с прилавка пачку русских сигарет,

приобретение которой, собственно, и было поводом для разговора, и покинул табачную лавку под аккомпанемент дверного колокольчика.

Дальнейшее изучение могилы Лотты мало что дало. Проникнуть днем на территорию кладбища оказалось обескураживающе легко. Узкая аллея между рядами гробниц была абсолютно пуста и тонула во влажном мраке. Кто угодно мог войти и беспрепятственно расчленив любой труп, не говоря уже о таких мелочах, как пронзить сердце или отрезать голову.

Сквозь открытую дверь в усыпальницу просеивался зеленоватый полусвет, но Эшер счел нужным осмотреть каждый квадратный дюйм гроба и ниши с помощью электрической лампы на сухой батарее — неуклюжего устройства, пронесенного им под широким пальто. Ему удалось отыскать то, что вполне могло оказаться остатками осинового колышка, и, завернув находку в ткань, он спрятал ее в карман для более подробного изучения. В дальнем углу усыпальницы Эшер обнаружил мерзкую грудку костей, волос и деталей корсета в остатках истлевшей пурпурной материи — надо полагать, бывшую хозяйку гроба, перешедшего затем во владение Лотты.

Остаток первой половины дня он провел в приемной «Дейли мейл», изучая некрологи, полицейские сообщения и светскую хронику, сравнивая встречающиеся имена с теми, что были извлечены из бумажного хлама в комнате Лотты и из грессбуха мадемуазель ля Тур. Как выяснилось, бедный Томас Гоби был «унесен болезнью» всего два месяца спустя после того, как оплатил шелковый коричневый костюм. Эшер записал адрес — Олбани, а также имена братьев, сестры, родителей и невесты покойного. Поражало совпадение имен — во всяком случае, за последние семь-восемь лет. Бедный Берти Уэстморленд был не единственным из беспутной компании дружков Лотты, посылавших приглашения и покупавших ей безделушки, хотя расплатиться в полной мере, кажется, пришлось только ему.

Другие оказались удачливее. Альберт Уэстморленд умер в 1900 году, а почтенный Фрэнк Эллис (еще один поклонник Лидии, так ни разу и не встреченный Эшером) приобрел для Лотты зеленый вечерний костюм в 1904-м. Кто знает, сколько еще молодых людей поддерживали связь с вампиршей!

Он содрогнулся при мысли о том, как близко была Лидия к этой невидимой чуме, и мысленно поблагодарил чопорных дам высшего света за четкую границу, проведенную ими между девушками из хороших семей и женщинами, с которыми юноши из тех же хороших семей развлекались в промежутках между галантными ухаживаниями за будущими невестами.

Лидии было тогда восемнадцать. В ту пору она жила в оксфордском доме отца и слушала лекции вместе с маленькой группой самервильских студентов, интересующихся медициной. Другие девушки, болезненно реагировали на вечные комментарии и шуточки старшекурсников и деканов. Лидию в этом смысле всегда выручали ее незлобивость и рассеянность. Она была искренне удивлена яростью отца, когда предпочла обучение поездке в Лондон на ярмарку благородных невест. Имей она брата или сестру, отец бы, наверное, лишил ее наследства. Даже ее дядя, декан Нового колледжа, обычно ее поддерживавший, был скандализован выбором специальности. Женское образование — это, конечно, хорошо, но он-то имел в виду словесность, классическую литературу, но уж никак не вскрытие трупов и изучение работы органов размножения.

Эшер слегка усмехнулся, вспомнив, как старый женоненавистник Хорис Блейдон встал в конце концов на ее сторону. «Даже распроклятая девчонка способна понять, что я сейчас делаю!» — обрушивался он на смущенных студентов на лекции по патологии крови... Хотя нет, распроклятой девчонкой он называл Лидию где угодно, только не на лекциях. И старик бы все равно относился к ней именно так, даже если бы его собственный сын не был безумно влюблен в Лидию.

Эшер изучал некрологи, развернутые на мрачном, испятнанном чернилами столе, сверял их со списком знакомых Лотты и думал о Деннисе Блейдоне.

Кто бы мог предположить, что Лидия вызовет интерес в молодом Блейдоне, не говоря уже о таком чувстве, как любовь! Грубоватый, золотоволосый, сложенный как бог, Деннис придерживался мысли, что любая женщина должна сомлеть от счастья, услышав его предложение, — качество, особенно раздражавшее Лидию. Увидев ее впервые без очков и сообразив, что она обладает хрупким изяществом и неплохим состоянием, молодой Блейдон обрушил на нее весь свой шарм и галантность — к тихому отчаянию Эшера. Все в Оксфорде — от деканов до последнего клерка — считали свадьбу свершившимся фактом. Отец Лидии, полагая, что одного умного человека в семье вполне достаточно, также отнесся к предстоящему браку благосклонно. На вопрос Хориса Блейдона, что его сын намерен делать с женщиной, которая половину своего времени проводит в анатомичке, Деннис ответил со свойственной ему блистательной серьезностью: «О, это ей совсем не нравится, отец». Предположительно он знал лучше, чем она сама, что ей нравится, а что нет. А втоптаный в прах неприметный и немолодой коллега ее отца с тоской наблюдал за будущей четой и гадал, сколько еще пройдет времени, прежде чем его надежда развеется окончательно.

Однажды Эшер упомянул о своем изумлении при вести, что она отказала такому блестящему искателю ее руки. Услышав это, Лидия была оскорблена до глубины души: как ему вообще пришло в голову, что она может выйти замуж за этого самодовольного дурака в лейб-гвардейском мундире!

Эшер усмехнулся и отогнал воспоминание прочь. Как выяснялось, Деннис и его друзья — Фрэнк Эллис, печальный Найджел Таверсток и братец почтенного Берти столь же почтенный Эвелин — выкрутились чудом. Лотта знала их всех. Все они принадлежали к ее излюбленному типу молодых людей — богатые, симпатичные и чувствительные. Кого бы из них она выбрала в качестве новой жертвы, когда гибель бедного Берти изгладилась окончательно из их памяти?

«Что за старые счета сводила Лотта с состоятельными юношами?» — размышлял Эшер, складывая в несколько раз свой краткий список. Накинул шарф, нахлобучил котелок и двинулся вниз по узкой лестнице мимо дверей, за которыми слышался обычный редакционный гам. Заглянул в одну из них и поблагодарил друга репортера, многозначительно помянув при этом «короля и страну».

Спускаясь по длинному пологому скату Флит-стрит вдоль бесконечного потока кэбов, трамваев, омнибусов, кажущихся крохотными рядом с огромным куполом собора Святого Павла, он размышлял, с чего все началось. Что было причиной: насилие или сердечная рана? Или просто бешеная обида норовистой девчонки, ненавидящей нищету, в которой выросла, и еще сильнее ненавидящей всех этих разодетых в шелка мужчин, чьи слуги толкали ее на мостовой, а экипажи обдавали грязью?

Судя по записям мадемуазель ля Тур, Селестина — или Хлоя — оплачивала свои счета сама гораздо чаще, и мужчины, делавшие ей подарки, не входили в круг знакомых Лотты. Имена были все разные; видимо, немногие из поклонников жили достаточно долго, чтобы купить ей две шляпы. Либо Хлоя была более практичной, либо менее терпеливой.

Интересно, была ли она тоже «хорошим вампиром»? Играла ли она со своими жертвами? Занималась ли с ними любовью?

Вообще — способны ли вампиры заниматься любовью физически?

«Женщины, во всяком случае, могут притвориться», — предположил Эшер. Когда он спускался в подземку, на лестнице с ним заговорила женщина. Платье на ней было темно-красное, как запекшаяся кровь, и, судя по произнесению гласных, родом она была из Уайтчепела. Эшер приподнял шляпу и, вежливо кивнув, двинулся дальше, размышляя. «И они должны предварительно напиться крови, прежде чем лечь с кем-нибудь в постель, — это хоть немного поднимет температуру тела».

Вернувшись к себе, Эшер вновь взялся изучать расходы Лотты. Сидя по-портновски на кровати, он раскладывал письма и счета в хронологическом порядке. Мадемуазель ля Тур обслуживала вампиршу лишь последние несколько лет — знакомство через миссис Антею Рэн состоялось в 1899-м. Разумеется, женщина не может шить платья у одной и той же

модистки в течение семидесяти пяти лет, даже если сама она бессмертна.

Только четыре мужских имени на пригласительных карточках и счетах ни разу не встретились Эшеру ни в некрологах, ни в хронике светской жизни.

Это были Людвиг фон Эссель, покупавший Лотте вещи между апрелем и декабрем 1905 года, после чего о нем ничего уже не было слышно; Валентин Кальвар, купивший Лотте платье с корсажем цвета спелой пшеницы — не далее как в марте этого года; затем Кретъен Санглот, приславший приглашение на балет и не только бравший почту в той же пивной, что и Кальвар, но и обладавший тем же самым, причем явно французским, почерком. И наконец некто, чье имя красовалось и на самых старых счетах эпохи наполеоновских войн, и на карточке, присланной два года назад; некто, неизменно вырисовывавший свою подпись «Гриппен» четкими зазубренными письменами, не виданными со времен Джеймса I.

Соорудив весьма абстрактный ужин из хлеба и холодного говяжьего языка, он углубился в изучение своих записей; когда света поубавилось, чисто механически зажег газовый рожок. Эшер сильно сомневался в том, что вампиров убивает кто-то из поклонников Лотты. Однако если Лотта и Кальвар охотились вместе, то друзья ее жертв могли начать и с него. Лидия должна знать, как можно выйти на почтенного Эвелина и невесту Уэстморленда, но опять-таки здесь нужна осторожность. Вампиры наверняка следят за каждым его шагом, во-первых, опасаясь убийцы, а во-вторых, того, о чем Исидро не считал нужным ему сообщить.

Опыт работы в министерстве иностранных дел подсказывал добавить к имеющимся спискам еще один, совсем короткий: Антея Рэн, Хлоя-Селестина Уотермид-Уинтердон дю Бо, Валентин Кальвар (он же Кретъен Санглот), Гриппен... Подняв голову, Эшер обнаружил с удивлением, что за окнами уже совсем темно.

Ему не пришлось долго бродить по мостовым Гувер-стрит, дожидаясь появления Исидро. На этот раз Эшер, еще не повернув головы, знал уже, что вампир идет рядом. Эшер надеялся заметить его на подходе, но что-то опять отвлекло его — он так и смог вспомнить, что именно.

— Неужели вам так трудно хоть однажды появиться по-людски? — раздраженно спросил он.

Секунду Исидро размышлял, затем тихо ответил:

— Неужели вам так трудно хоть однажды не проверить все возможные выходы из дома, прежде чем войти в него? Нас ждет кэб.

Дома на Хаф-Мун-стрит (георгианские строения из красного кирпича) за долгие годы успели обветшать, потемнеть, покрыться потеками сажи, но все же это были солидные жилища людей среднего достатка. Кое-где в окнах уже горел свет. Блики газовых рожков высвечивали крохотные садики — как правило, всего несколько кустиков перед высоким крыльцом, ухоженных и едва ли не вычесанных. Дом номер десять, правда, был несколько запущен: садовник явно пренебрегал обязанностями, да и крылечко не мылось, наверное, уже чуть ли не месяц — для Лондона это катастрофа.

— Я смотрю, у вампиров тоже проблемы с прислугой, — тихо заметил Эшер, когда они поднялись по ступенькам к входной двери. — Либо вы нанимаете кого-то, либо вам приходится скрестить порог самим. Все лестницы моются ежедневно, кроме этой. Да и окна уже грязноваты.

— Есть способы этого избежать. — Исидро повернул ключ; лицо его, обращенное к Эшеру в профиль, осталось безразличным.

— Я не сомневаюсь, что есть. Но даже самому глупому слуге рано или поздно покажется странным, что никто не заказывает ужина и не требует ночной посуды.

Вампир приостановился, взявшись рукой в перчатке за тусклую дверную ручку. Загадочно взглянул на Эшера, кажется, даже с уважением. Затем черный плащ прошелестел по косяку — и Исидро исчез в доме. Эшер последовал за ним.

— Эдвард Хаммерсмит был младшим сыном набоба, разбогатевшего на торговле с Индией около ста лет назад, — сообщил из гулкой темноты мягкий негромкий голос. — Это

один из трех домов, принадлежавших семейству. Хаммерсмит получил его от отца еще до того, как стал вампиром. В семье он считался чудачком, среди вампиров — тоже. Он выходил из дому редко и только для охоты.

Послышалось чирканье спички, запах серы перебил на миг «ароматы» сырости и тления, наполнявшие этот — судя по эху — обширный пустой холл. Крохотная вспышка подтвердила это ощущение, отразившись в тусклой позолоте потемневших полусгнивших панелей и тронув розетку на высоком сводчатом потолке. Неподвижное лицо Исидро, казалось, было изваяно из нежнейшего гипса. Он зажег фитиль одной из керосиновых ламп, стоящих на старинном буфете; дрожащий свет лизнул пыльные квадратные зеркала и окутанные паутиной канделябры.

— Он охотился вместе с Лоттой?

— Иногда. — Косые тени сопровождали их вверх по лестнице, проплывая по резным, покособившимся от сырости панелям. — Они были оба... — Вновь пауза, вновь некая мысленная поправка. — Эдвард всегда любил что-нибудь новенькое. Обычно он охотился один.

— Он был «хорошим вампиром»?

— Не очень. — Дойдя до конца первого пролета, Исидро повернул вправо и толкнул двустворчатую дверь, ведущую в обширную гостиную. Поднял лампу повыше, и желтоватый свет разлился среди книг, которых здесь были тысячи — основная масса их теснились на самодельных стеллажах, вздымающихся до плавного перехода стены в потолок, а остальное было составлено на полу кипами чуть ли не до пояса высотой. Проходы между грудami томов напоминали звериные тропки. Башни книг пьяно кренились на двух буфетах, и еще большее нагромождение виднелось сквозь полуоткрытую дверь: там книги оккупировали даже сиденья кресел. Разрозненные листы бумаги валялись как попало на этих грудax подобно осенним листьям. Эшер подобрал страничку — ломкую и коричневатую, как ридикюль Лотты. Это оказались ноты какой-то неизвестной арии Сальери.

Словно маленький островок, в центре комнаты виднелось грязное серое пятно ковра, на котором стояли стул, столик с керосиновой лампой, фортепьяно красного дерева и облезлый клавесин. Ноты валялись кипами и под тем, и под другим инструментом.

Сзади тихий голос Исидро продолжал:

— Прискорбная черта, если вампир становится похож на одинокую мышь, стаскивающую все в свою нору.

— Если страсть к жизни есть основа вашего существования, — заметил Эшер, — то это вполне объяснимо, хотя жить в такой обстановке, мне кажется, весьма затруднительно. И что, такая черта свойственна всем вампирам?

Он оглянулся и обнаружил, что Исидро смотрит на него вроде бы с интересом. Наконец вампир отвернулся.

— Нет. — Он двинулся к двери, и Эшер пошел вслед за ним. — Но те, кому она не свойственна, меня утомляют.

Эшера так и подмывало спросить: а каково хобби самого Исидро, чем заполняет он бесконечные часы бодрствования между охотами. Но спросил только:

— Кальвар охотился вместе с Лоттой?

— Да. Они стали хорошими друзьями.

— Любовниками?

Исидро помедлил, остановившись наверху второго пролета; свет керосиновой лампы падал снизу на его худое лицо, мерцал в паутинчатых волосах.

— В том смысле, как это понимают вампиры, — да, — осторожно ответил он. — Но к сексу это никакого отношения не имеет. Вампиры бесполо; органы размножения у нас сохранились, но не функционируют. И ни Лотта, ни Кальвар не помышляли о счастье партнера, как это принято у смертных.

— Что же тогда между ними было?

— Совместный экстаз во время убийства. — Он открыл неприметную дверцу, затем

обернулся. — Понимаете, экстаз, волна чего-то такого... Это трудно объяснить. И дело не только во вкусе крови, который, кстати, некоторые из нас находят весьма Неприятным, хотя я в их число не вхожу. Видите ли, наши ощущения сильно отличаются от человеческих. Мы ощущаем ткань чужих мыслей и особенно остро чувствуем тот момент, когда человеческий разум испускает предсмертный вопль. Агония питает нашу психику точно так же, как кровь питает наше тело.

Свет лампы придал золотистый оттенок его нежным волосам, смягчил черты лица, и Эшер вдруг осознал, как тихо и пусто в этом огромном темном доме.

Исидро продолжал без видимого интереса:

— Будучи вампиром, я все время ощущаю ауру, аромат человеческой психики, а не только запах крови. Некоторые находят его невыносимо возбуждающим — поэтому они и играют со своими жертвами, оттягивая удовольствие, дразня себя вопросом: сейчас или потом? Это все равно что балансировать на волосок от оргазма...

Спустя некоторое время Эшер проговорил тихо:

— Понимаю.

— Вы не понимаете, — сказал Исидро, и тихий голос его отозвался эхом в гулком доме. — Вы просто не сможете понять. Но вы бы, наверное, поняли, если бы встретились не со мной, а с другими вампирами.

Многочисленные ниши в стенах комнаты, где Эдвард Хаммерсмит держал свой гроб, были уставлены свечами. Исидро взял одну из них и затеплил от керосиновой лампы. Затем обошел помещение, зажигая остальные. Комната наполнилась дрожащим сиянием. Эшер увидел коробки со свечами, беспорядочно сваленные в углу, и лужи воска на турецком ковре, вздымающиеся причудливыми сталагмитами высотой в четыре, а то и в пять дюймов. В центре ковра был ясно виден след от гроба — чистый темный прямоугольник. Сам гроб отсутствовал. Нигде никаких следов пепла — только лысая тропинка, протоптанная Хаммерсмитом от гроба к двери, да грязные следы, ведущие к паре высоких окон. Тяжелые ставни были сорваны с петель.

Обойдя следы, Эшер подошел к окнам, при свете лампы осмотрел сначала деревянные рамы, затем — сами ставни.

— Вес приблизительно мой или чуть тяжелее, — заметил он. — Здоров как бык — взгляните, как он глубоко вонзал ломик! — Отступив, достал из кармана рулетку и замерил длину следов и ширину шага.

— Гроб был снабжен внутренними щеколдами, — сказал Исидро. — И весьма надежными — их делал Денни, — так что крышку просто сняли ломом, вырвав шурупы из дерева.

— Где теперь останки? — Эшер поднял лампу и запрокинул голову, изучая штукатурку высокого потолка.

— Мы похоронили их. В усыпальнице Святого Альберта на Пикадилли, если быть точным. — Кто это — мы?

— Я и мои друзья, — вежливо отозвался Исидро. Потом он прикрыл глаза, и свечи в комнате начали гаснуть.

Эшер знал об удивительных способностях вампиров, кроме того, был знаком и с западными медиумами, и с индийскими факирами, проделывавшими нечто подобное. Тем не менее он поспешно подобрал лампу и проследовал за Исидро, не дожидаясь, пока свечи погаснут полностью и оставят его в темноте, наполненной запахами дыма и воска.

— Расскажите мне о Дэнни Кинге, — попросил он, когда они снова спустились в гостиную. — Ясно, что он был другом Недди, если доверил ему оборудовать свой гроб. А с Лоттой или с Кальваром этот Дэнни тоже дружил?

— Он со всеми дружил, — сказал Исидро. — Дэнни обладал удивительно ровным и общительным для вампира характером. Человек он был необразованный, служил кучером... во времена Регентства отца Георга IV.

Эшер нашел свечи и принялся зажигать их от лампы, как это только что проделал

Исидро в комнате наверху. При свете нагромождения книг выглядели еще более устрашающе: холмы книг попеременно со связками журналов и валяющиеся как попало предметы роскоши — в основном табакерки, большинство из которых были покрыты пылью и содержали коричневый порошок с щекощущим ноздри запахом.

— Где он держал свои личные вещи? — Эшер подошел к стоящей в углу конторке, заваленной измусоленными трудами Булвер-Литтона. Должно быть, печальны были одинокие вечера вампира. — У него их было немного.

— Не мог же он носить их с собой в саквояже. — Эшер выдвинул ящик. Он был пуст.

Эшер опустил лампу пониже, исследуя дно ящика. Пыль покрывала только первые несколько дюймов, свидетельствуя, что ящик был полувыдвинут в течение нескольких лет, но в глубине пыли не было. Эшер нагнулся, чтобы открыть следующий ящик.

Он также был пуст. Как и все прочие ящики конторки.

— Когда вы и ваши друзья обнаружили тело Хаммерсмита, все было именно так?

Исидро скользнул к конторке, заглянул в пустой ящик, затем осмотрел без любопытства окружающий их беспорядок. Наклонился и извлек из нижнего ящика клочок бумаги, оказавшийся счетом агентства по найму слуг, оплаченным в 1837 году.

— Я не знаю.

Эшер постоял секунду, потом снова взял лампу и пробрался меж бумажными холмами к камину. Судя по всему, в камине тоже когда-то были сложены книги — теперь они валялись, выброшенные небрежно и как попало. Эшер опустился на колени и провел пальцами по некоторым обложкам. Слой пыли был тонок, а иногда и вовсе отсутствовал. В камине был пепел — свежий.

Эшер оглянулся на вампира, стоявшего у него за плечом.

— Сожгли, — тихо сказал он, вглядываясь в узкое надменное лицо. — Не забрали с собой, не отобрали нужных бумаг, чтобы выйти на других вампиров. Сожгли.

Он поднялся на ноги, вновь ощущая раздражение и злость на Исидро и его невидимых дружков. На секунду ему показалось, что вампир в замешательстве, но лишь на секунду.

— В жилище Кинга было то же самое?

— Нет.

— Откуда вы знаете?

— Потому что Кинг не хранил у себя подобных вещей.

«Тогда у кого он их хранил?» — чуть было не спросил Эшер, но сдержался. Потемневшие глаза разглядывали его, словно читая все предположения, возникавшие сейчас в мозгу Эшера.

— Это вновь возвращает нас к Кальвару, — смягчив голос, проговорил он. — Он был первой жертвой и, видимо, первым выслеженным вампиром. Мне нужно осмотреть его жилище.

— Нет. — И, видя, что Эшер собирается возразить, Исидро добавил: — Я забочусь о вашей безопасности, Джеймс, так же, как о своей. Кроме того, мы не знаем, где он обитал; тело не было найдено.

— Однако его выследили, нашли место, где он спит, — и убили.

Глаза Исидро вспыхнули гневом, но голос остался ровным:

— Вампира невозможно выследить.

— Тогда почему вы все время вздрагиваете и оглядываетесь? — С отвращением Эшер взял лампу и двинулся в лабиринте книг к двери, а затем — вниз по лестнице, к выходу из дома, в холодную лондонскую ночь.

Глава 6

Отпустив кэб возле Британского музея, Эшер постоял перед чугунной решеткой, слушая грохот колес, удаляющихся по темной Грейт-Рассел-стрит. Он знал этот район Блумсбери, как кролик знает свою нору: переулки, каретные дворы, тихие площади и пивные

с их неприметными дверьми, выводящими на задворки; знал он и владельцев, не слишком интересующихся, кому и зачем понадобились их услуги. Так что район этот был выбран Эшером не случайно.

Улицы были относительно пустынные, лишь случайный кэб прогрохотал в направлении Юстона, скорее всего, нанятый у черного хода одного из театров, что на Шафтсбери-авеню. Извилистым путем Эшер прошел квартал насквозь: миновав старые конюшни позади Бэдфорд-Плейс, проскользнул темным переулком вдоль ряда ям, сливавшихся в подобие крепостного рва между тротуаром и стенами из розового кирпича. Пересек Брутон-Плейс и очутился в заднем дворе, откуда просматривалось и окно Лидии, и его собственное. Там, в сырой и гулкой темноте, насыщенной мерзкими запахами из сотен мусорных баков, он остановился, всматриваясь в глубину переулочка.

Вампир следил за его окном.

Эшер не сразу различил темную угловатую фигуру на фоне мрачной стены. Будь это Исидро с его зловещей способностью часами пребывать в неподвижности, Эшер бы просто не заметил соглядата. Но вампир пошевелился, и то, что казалось бледным пятном на кирпичной стене, оказалось белым угловатым лицом и большими руками, неловко вцепившимися в воротник черного потрепанного пальто. В памяти всплыли слова Исидро: «Я все время ощущаю ауру, аромат человеческой психики, а не только запах крови... Вы бы поняли, если бы встретились не со мной, а с другими вампирами...»

«К черту! — злобно подумал Эшер, взбешенный тем, что они преследуют его, следят за ним. — Я никого не найду с таким информатором, как Исидро! Они меня не убьют, пока я на них работаю... Хотя...» — мысленно добавил он, направляясь в глубь переулочка.

Услышав шаги, вампир обернулся. На секунду глаза его отразили тусклый свет фонаря и вспыхнули по-кошачьи. Эшер заметил мерцание клыков.

— Иди сюда, — сказал он, чувствуя, что вампир сейчас кинется. На прусских крестьян такой надменный повелительный тон обычно оказывал магическое действие. Вампир замер в растерянности и наконец понял, что к нему обращается тот, за кем он следил.

Двигался он неуклюже, без смертельной грации Исидро — и Эшер облегченно выдохнул.

— Это ты?... — Вампир остановился в нескольких футах от него, уставив из-под узких, но массивных надбровных дуг мерцающие глаза. — Меня зовут Забияка Джо Дэвис.

Произношение выдавало в нем уроженца Нью-Ламбет-Кат. Он нервно облизал губы, обнажив при этом клыки. После уравновешенного, изящного Исидро выглядело это весьма неэстетично. Потом добавил свирепо-испуганно:

— Попробуй только пикни! Высосу досуха — как кошка ухо не вылизывает!

Секунду Эшер изучал его с нарочитым презрением. Это был мужчина лет двадцати, длиннорукий, грубого сложения, выглядевший неуклюже в черном, плохо сидящем пальто. Куда больше подошла бы ему куртка мельника или докера. Черные волосы свисали из-под пятишиллинговой шляпы, под ногтями чернела невычищенная засохшая кровь.

— Ты мог бы сделать это и раньше, — отрезал Эшер. — Несколько дней назад. Почему ты следишь за мной?

Дэвис приблизился еще на шаг. Запах старой крови от его одежды был отвратителен. Когда он говорил, изо рта, казалось, тянуло моргом.

— Этот... Исидро... Он ушел?

Эшер остро чувствовал, насколько хрупок под ногой ледок.

— Понятия не имею, — холодно ответил он. — Сначала он шел за мной, потом исчез. Я, во всяком случае, его не слышал. Да и никто бы не услышал.

Забияка Джо нервно огляделся, и Эшер ясно видел страх в его голубых налитых кровью глазах. Вампир подступил вплотную, когтистые пальцы вцепились в рукав, голос упал до хриплого шепота: — Ты ему говорил обо мне? Он узнал про меня? Эшеру стоило большого труда скрыть удивление.

— Ты хочешь сказать, что раньше он о тебе не знал?

Пальцы, сомкнувшиеся на его руке, напомнили Эшеру еще одно фольклорное предание: что у вампира хватит силы на десять человек. У Исидро, во всяком случае, хватило бы.

— Если ты про меня скажешь, если ты скажешь хоть что-нибудь обо мне, я тебя убью, — прошелестел Дэвис. — Они убьют меня — Гриппен и этот папистский ублюдок Исидро, если что-нибудь про меня узнают, если узнают, что Кальвар сделал меня. Они уже убили Недди Хаммерсмита и Лотти. Боже, ведь эти-то были из выводка самого Гриппена! Последний подонок — и тот не станет убивать своих! А теперь за мной следят, меня высматривают...

— Кто? — резко спросил Эшер. — Как ты об этом догадался?

— Проклятье, ты что же, думаешь, я бы стал спрашивать у живого человека, если бы мог узнать сам? — Забияка Джо повернулся, согнув руки в локтях; лицо его искажилось ненавистью и страхом, и Эшер с трудом удержался, чтобы не отшатнуться и не показать, насколько он сам испуган. — Мой черед, я тебе говорю! Я слышу, как они сговариваются! Они говорят: пусть остальные умрут! Я стою в тени на улице и слышу каждое их слово! Они говорят: кто-то убивает колом в сердце, как в старых книжках, и вытаскивает потом на солнце! Защити меня, ты же тех, других, защищаешь!..

Его пальцы вновь сгребли рукав Эшера. Размышлять времени не было.

— Я буду тебя защищать, — сказал он, — если ты поможешь мне и ответишь на мои вопросы. Кто ты? Почему другие хотят убить тебя?

Его властный негромкий голос немного успокоил Дэвиса, но ответ вампира все же был резок:

— Говорю тебе, я из выводка Кальвара. А Гриппен — хозяин Лондона. Никто не осмеливается заводить своих птенцов без его соизволения. Гриппен хочет, чтобы в Лондоне был только он сам и его выводок, его рабы...

— Да, но Кальвар — не из выводка Гриппена.

Дэвис затряс головой — раздраженный, усталый, сбитый с толку.

— Нет. Он говорил, что сам из Парижа, хотя по-английски болтает, как нормальный человек. Он сделал меня, сказал, что я буду жить вечно, буду иметь что захочу и никогда не умру! Он не говорил, что все может так обернуться! — Отчаяние зазвучало в его голосе. — Я уже месяц брожу от столба к столбу, боюсь спать дважды в одном и том же месте! Прячусь от Гриппена, прячусь от Исидро... Кальвар сказал, что позаботится обо мне, научит всему! Все не так! Каждый звук меня оглушает, а запах живой крови...

Он запнулся, облизнул губы и лихорадочно уставился на горло Эшера, словно пьяница, забывший о зароках. Медленно он прошептал:

— Прошлой ночью я убил девчонку — около Лаймхауса — и с тех пор еще не выходил на охоту! У меня как будто мозг высасывают от голода! Я не желаю знать, как убивают другие, как это у них положено...

Эшер почувствовал, как рука, ухватившая его за рукав, начинает сгибаться, подтягивая его к искривленному клыкастому рту. С деланным спокойствием он спросил:

— Так ты говоришь, за тобой следят?

Дэвис вздрогнул, словно внезапно очнувшись от сна, и снова лихорадочно облизал губы.

— Я не знаю, — прошептал он. — Иногда мне кажется, кто-то смотрит мне в спину. Оборачиваюсь — никого! А иногда... Я не знаю. — Он потряс головой, верхняя губа вытянулась, скрывая клыки. — Я не хочу умирать! Я уже умирал однажды. Я прошел через это с Кальваром! Я бы не позволил ему сделать это со мной, просто я не хотел умирать! Иисусе Христе, я же не знал, что все так обернется!

В дальнем конце переулочка послышался легкий шум. Дэвис обернулся, пальцы его с нечеловеческой силой сдавили локоть Эшера. Эшер, облившись потом от боли, все же нашел в себе силы посмотреть в ту сторону, куда был нацелен белый профиль вампира. В узком проеме между домами показались мужчина и мальчик лет двенадцати; мужчина шел с

опущенной головой, мальчик смотрел в сторону. Затем, словно уловив неслышимый стон Эшера, оба приостановились, тревожно вглядываясь в темноту. Затем торопливо пошли прочь.

Дэвис отпустил руку и в который раз облизал губы.

— Мне надо идти, — хрипло сказал он и повернулся.

Но тут уже Эшер ухватил его за рукав.

— Ты можешь провести меня в жилище Кальвара?

— Не сегодня. — Вампир нервно огляделся. — Я еще не убивал сегодня... И не пытайся стать мне поперек дороги. Я не могу без этого. Как мой отец не мог без джина. — Он бросил быстрый взгляд на Эшера, словно надеясь, что тот станет возражать или выкажет страх.

Эшеру приходилось иметь дело с пьяницами, и он прекрасно знал, что Забияка Джо может сейчас запросто убить его из оскорбленного самолюбия.

— Стало быть, завтра ночью в то же время?

— Позже, — сказал Дэвис. Взгляд его снова был устремлен в конец переулка. — Сначала убью, потом приду... Пока я голоден, я просто не могу соображать... Главное, держаться подальше от полицейских... Боже, я вчера видел мою сестру — Мадж, младшенькую, ей всего шестнадцать. Она еще будет приходить ко мне, ожидать меня — она не знает ни что со мной случилось, ни почему я покинул мое старое укрытие — ничего! Я тогда еще не убивал, и слава богу — только поэтому я и удержался, чтобы не... Ты видел других, — продолжил он с отчаянием. — Ты говорил с другими упырями, ты должен был говорить! Они что, все такие? Убивают тех, кого любят, потому что сами они лучше всех? Кальвар обещал научить меня, помочь, а теперь его нет! И тот, кто убил его, теперь охотится за мной...

Услышав что-то, он резко обернулся, но это была всего лишь девушка лет семнадцати. Простоволосая, в старых башмаках, она вышла со свечой в руке из задней двери лавки. Эшер услышал хлопок выбиваемого коврика, треск сухих комочков глины, рассыпавшихся по цементу, и свистящий шепот вампира за плечом: «А-ах...» В слабом отсвете газового фонаря Эшер увидел, как голубые глаза юноши вспыхнули странным нечеловеческим огнем. — Я должен идти, — пробормотал Забияка Джо. Эшер схватил его за руку, пытаясь удержать. Вампир обернулся в бешенстве; свободная рука его взметнулась, готовая нанести удар, и секунду они глядели в глаза друг другу. Наконец рука Забияки Джо медленно опустилась. За его угловатым плечом огонек свечи порхнул через порог, и дверь дома закрылась.

Клыкастый рот был искривлен злобой.

— Ладно, договорились, — шепнул Дэвис. — Я должен делать то, что ты говоришь. Кальвар тоже играл со мной в такие игры. Я расскажу тебе, что закажешь... Тьфу! — Он освободил руку с такой легкостью, будто силы у Эшера было не больше, чем у младенца. Они смотрели друг другу в глаза, но на этот раз Эшер не ощущал давящей мысленной хватки вампира, хотя Забияка Джо явно старался проделать что-то в этом роде. Наконец сдался и раздраженно вытер рот ладонью.

— С Кальваром у тебя не было ни малейшего шанса, — негромко сказал Эшер, — а сейчас, возможно, у тебя шанс будет. При условии, что я найду убийцу до того, как он — или она — найдет тебя. Приходи сюда завтра после полуночи. Я расскажу тебе все, что узнаю.

— Ладно, — пробормотал Дэвис, отступая на несколько шагов — темный нескладный силуэт в просвете между домами. — Я приду. Но ты смотри, профессор: если хоть слово скажешь обо мне Исидро или еще кому из них — шею сверну!

С этими словами он хотел удалиться, но Эшер испортил весь эффект, сказав холодно:

— Ты вампир. Забияка Джо. Ты что же, думаешь, что я, смертный человек, могу запретить Исидро следить за мной, если это придет ему в голову? Не будь смешным.

Вампир оскалился, пытаясь найти достойный ответ. Постоял, затем повернулся и двинулся прочь по переулку, к освещенной фонарями Брутон-Плейс. Странное ощущение овладело на минуту Эшером — ему показалось, что вампир спешит удалиться отсюда как

можно скорее, внезапно почувствовав опасность. Эшер с трудом удержался, чтобы не оглядеться, пока Забияка Джо не скроется из виду.

Дождавшись, когда вампир исчезнет, Эшер осмотрел ночной переулок. Никого... Впрочем, вполне вероятно, что чувство опасности было неуклюже наведено самим Дэвисом. Эшер поплотнее запахнул свое широкополое пальто и двинулся назад, к тусклым огням и запаху отбросов на заднем дворе Колоннады Принца Уэльского.

Из дверей дома номер 109 Лидия видела появление вампира на Брутон-Плейс. Она видела, как Эшер пересек улицу пятнадцатью минутами раньше, когда поднялась к хозяйке купить почтовую марку. До этого Лидия работала и поэтому была в очках, которые просто забыла снять. Когда она заметила высокую фигуру в коричневом широком пальто, рассеянно направляющуюся в проулок, который кружным путем вел к ее дому, она списала это на старые шпионские замашки Джеймса, от которых он временами не мог отделаться и в Оксфорде. «Веду себя, как девчонка, — подумала она, сбегаю по скруглению лестницы на первый этаж, где располагалась ее маленькая спальня, выходящая окнами на задворки Брутон-Плейс. — Ну да что делать...» Прожив с Джеймсом в законном браке вот уже шесть лет, она и сама была удивлена столь сильным желанием увидеться с ним хоть на секунду.

А затем она заметила вампира. Переулок был освещен лишь отсветами из окон, но из темной комнаты (еще одна премудрость, которой научил Лидию Джеймс) она видела все довольно ясно. Двое как раз вступили в разговор, когда она, отведя кружево шторы, приникла к стеклу. Джеймс стоял к ней спиной, так что Лидия отчетливо видела нечеловечески бледное лицо его собеседника. А увидев, почувствовала озноб при мысли о том, какая опасность грозит сейчас Джеймсу. Вампир. Бессмертный. Значит, правда...

Нет, она не сомневалась в том, что рассказал ей Джеймс, во всяком случае не на уровне мышления. Но забившееся вдруг сердце, похолодевшие руки — все говорило о том, что в глубине души она все-таки не совсем верила в реальность случившегося. До этого самого мгновения.

Даже на расстоянии ее тренированный глаз отметил трупный оттенок кожи и непривычную, нечеловеческую пластику движений. Незнакомец не подходил под описание дона Симона Исидро — следовательно, другой вампир. Опомившись от первого потрясения, Лидия почувствовала вдруг острое желание взглянуть на это существо поближе — осмотреть язык, глазное дно, корни волос, ногти, которые растут и после смерти, зубы, наконец. Последние тридцать шесть часов она потратила на чтение, чередуя увесистые тома из Государственного архива со статьями из медицинских журналов об анемии и различных нервных расстройствах, являвшихся частью «логических объяснений», столь дорогих сердцу современного человека. И, честно говоря, ей бы очень хотелось, чтобы все так и было на самом деле. Теперь же...

Не отрывая глаз от окна, она взяла с кровати свою медицинскую сумку. На ощупь, в темноте, нашарила два самых больших ампутационных ножа в чехлах и положила в карман пальто, которое успела надеть к тому времени. Ножи были из полированной стали, а не из рекомендованного легендами серебра; эта мысль заставила Лидию вернуться к сумке и достать из нее пузырек с нитратом серебра, также отправленный в карман пальто. В крайнем случае его можно будет кинуть в вампира — в надежде, что легенды не врут.

Времени уже ни на что не оставалось. Двое внизу явно собирались разойтись восвояси — вампир освободился от хватки Джеймса и отступил. Лидия видела, как злобно сверкнули в тени его глаза. И хотя она знала, что Джеймс нанят ими и, следовательно, вряд ли ему сейчас грозит реальная опасность, все же она почувствовала страх за него — каждая линия темного угловатого силуэта дышала смертью.

Лидия бесшумно сбежала по лестнице, на ходу свертывая волосы в узел и прикалывая к ним шляпку. Знакомые, знающие об ее манере собираться по три часа на званый ужин, просто бы не поверили своим глазам. Остановившись в темной передней, она выждала, пока страшный силуэт минует переулок. У Лидии не было ни малейшего желания оказаться слишком близко к нему; на расстоянии, не превышающем полквартиры, за ним можно было

бы наблюдать, оставаясь при этом вне его ауры. Ничего лучшего она просто не могла придумать.

Они шли в направлении Шафтсбери-авеню. Высокие каблуки Лидии цокали по мостовой, как олени копытца. Тротуары были еще запружены гуляющими. Женщины в ярких одеждах выступали под руку с джентльменами, смеясь и наклоняя локоны к плечу кавалера. Кэбмены, кутающиеся в шарфы и запахивающие поплотнее пальто по случаю холодной октябрьской ночи, восседали на высоких козлах; их лошади выдыхали пар, как драконы. Компании молодых щеголей, безденежных студентов и направляющихся домой клерков толклись на мостовой. Лидии приходилось прилагать силы, чтобы не выпустить вампира из поля зрения.

А у того были свои проблемы. Одна из них заключалась в том, чтобы люди на него не смотрели, а если и смотрели, то не видели. Поэтому вампиру приходилось все время лавировать, чтобы избежать столкновения. Ситуация показалась забавной Лидии, которая следовала за ним, засунув руки в карманы — перчатки куда-то запропастились во время стремительных сборов. Потерять его из виду она не боялась — вампир был высокого роста. Черная дешевая шляпа ползла над головами, как таракан.

Они свернули в боковую улочку, потом — в другую. Народу здесь было поменьше, и Лидия снова поотстала, благодаря Богу, что пальто на ней в этот раз против обыкновения неприметное, чего, к сожалению, нельзя было сказать о рыжих локонах, выбивающихся из-под широкополой шляпы. Вампир продвигался все медленнее, и Лидия обратила внимание, что люди, как бы прозрев, уступают теперь ему дорогу.

Стало быть, невидимость была ему уже не нужна.

Что-то должно было случиться.

Они находились неподалеку от Ковент-Гарден — путаницы тесных улочек, скопища меблированных комнат, где в основном обитали слуги и портнихи. Владельцы тележек еще торговали, пытаясь сбыть за полцены то, от чего не смогли избавиться днем; от сточных канав тянуло запахом гниющих овощей. Два бездельника у пивной восхищенно присвистнули вслед Лидии. Она не обратила на это внимания, надеясь, что и вампир поступит так же.

Хотя Лидия предпочитала тихую жизнь в Оксфорде, ей приходилось по настоянию отца часто бывать и в Лондоне, правда, знакомы ей были несколько иные районы: изящная архитектура Мэйфера, зеленые заповедники Гайд-Парка и Сент-Джеймса, тихое благополучие аристократических кварталов. Но этот лабиринт мокрых мостовых, громкие голоса и грубое освещение были ей незнакомы и чужды. Страха она не чувствовала (в конце концов, она всегда могла кликнуть кэб и вернуться на Брутон-Плейс), и все-таки следовало быть поосторожнее.

Она видела, как вампир свернул во дворик, откуда на взломанную мостовую сочилась вода, и миновала это место как можно быстрее, не осмелившись даже повернуть головы. В этой части Лондона дворы, как правило, были проходными, и, обогнув квартал, Лидия шла до тех пор, пока не наткнулась на переулок, который вел, по ее расчетам, в тот самый дворик.

С минуту она колебалась. Переулок был кривой и темный. И хотя дома вокруг еще подавали признаки жизни (светились окна, по занавескам скользили тени), но все магазины, расположенные в первых этажах, были уже заперты; вечерний туман тянулся над пустынными влажными мостовыми. Лидия поежилась, запахнув поплотнее пальто, впервые осознав, насколько люди боятся одиночества. Вампир был в соседнем дворе, причем не исключено, что зашел он туда, чтобы подстеречь добычу.

Рука Лидии крепко сжала рукоять ампутационного ножа в кармане. В анатомичке это шестидюймовое лезвие всегда казалось ей похожим на широкий кинжал, и она невольно задавала себе вопрос, а хватит ли у нее духу пустить его в ход против живого существа.

«Или, — с невольной иронией добавила она про себя, — против неумершего. Единственный способ взять пробы крови, правда, несколько рискованный».

Если другие вампиры не знают о том, что она связана с Джеймсом, вряд ли они станут заботиться о сохранении ее жизни.

«Джеймс был бы взбешен, если бы узнал...»

То ли шепот, то ли звук тихих шагов, а может быть, и еле уловимый запах крови — но что-то она почувствовала вдруг за спиной.

Обернувшись, чувствуя, как колотится сердце, подстегнутое неведомым доселе ужасом; нож, выхваченный из кармана, блеснул голой сталью в ее тонкой руке. Секунду она стояла, прижавшись к углу кирпичной стены и держа скальпель перед собой.

Двор был пуст.

«Но секунду назад здесь кто-то был», — подумала она.

Машинально оглядела мостовую. Кроме отпечатков ее ботинок — нигде никаких следов. Рука ее тряслась — обычная послешоковая реакция. Она отметила это с дотошностью врача точно так же, как и тот факт, что пар от ее дыхания смешивается с туманом как-то по-иному. «Кажется, туман стал гуще...» Все это было неспроста. Она знала это. «И езде — запах», — думала она, напряженно оглядывая замкнутые двери, запертые ставни, сгустившиеся и как-то странно искривленные тени. Он по-прежнему витал во дворе — запах крови, гниения и еще чего-то такого, чего она не ощущала ранее и не хотела бы ощутить снова... Было что-то противоестественное в этом запахе.

И так близко к ней. Так ужасающе близко.

Прошло секунд сорок, прежде чем Лидия рискнула отойти от прикрывающей спину стены.

Все еще опасаясь выйти на открытое место, она двинулась в сторону приглушенного шума, доносившегося с Монмаут-стрит. Каждая замкнутая дверь, каждый закрытый магазин, казалось, таили опасность. Добравшись до соседнего двора, Лидия уловила краем глаза какое-то движение. Повернув голову, увидела девушку лет четырнадцати-пятнадцати в дешевом безвкусном наряде, явно приобретенном в лавчонках Ист-Сайда, стоявшую у стены неподалеку. — Эй, мистер, не скучно тут прогуливаться одному? — услышала Лидия. Произнесено это было несколько в нос и с весьма профессиональными интонациями.

Некоторое время Лидия стояла, уронив руку с ножом, не представляя, что будет, если она закричит. За плечом девушки тьма была особенно густа, увидеть того, к кому она обращалась, было трудно. Но Лидии почудилась на секунду знакомая вспышка злобных глаз.

Ускорив шаги, она выбралась, дрожа, на улицу и, остановив первый кэб, велела ехать в Блумсбери.

В эту ночь она так и не решилась погасить лампу, горящую возле ее кровати.

Утренняя почта доставила Эшеру конверт без обратного адреса, содержащий чистый лист бумаги, в который завернута была квитанция гардероба Британского музея. Эшер закончил конспектировать свои вчерашние изыскания, список жертв Лотты Харшоу, замеры следов и отпечатков, взятые на Хаф-Мун-стрит, после чего упаковал конспекты в коричневую сумку, которую сдал затем в гардероб музея. После получасового изучения в большом купольном зале придворных хроник краткого правления королевы Мэри он вынул из кармана конверт, адресованный мисс Присцилле Мерридю, вложил в него свою собственную квитанцию, заклеил и прилепил марку. Уходя, он получил в гардеробе по присланной утром квитанции точно такую же коричневую сумку. Отправив по дороге свое послание Лидии, он добрался домой, где извлек из полученной сумки сложенные в несколько раз листы бумаги, исписанные размашистым почерком жены.

Даже предварительный список лондонских домов, не менявших владельца (путем продажи или наследования) за последнюю сотню лет был пугающе длинным. Наверное, Государственный архив привел бы дюжину причин, почему некоторые виды собственности не были упомянуты вообще, но Эшер был благодарен ему хотя бы за то, что Хаф-Мун-стрит, 10, был в списке. «Это ведь только начало, — подумал он. — Это лишь предварительный список...»

Название бросилось в глаза.

Эрнчестер-Хаус.

Какой-то момент Эшер пытался сообразить, почему оно ему так знакомо, затем вспомнил. Карлотта Эрнчестер — так именовалась Лотта на старых счетах от портного.

Когда Эшер прибыл на Чансери-Лейн в Государственный архив, Лидии там не было — условие, обговоренное заранее. Днем вампиров можно было не бояться, но убийца (хоть это и не нравилось Эшеру), скорее всего, был человеком, то есть мог одинаково успешно действовать и днем, и ночью.

Эшер устроился за столом в самом укромном уголке и послал запрос через клерка, сознавая, что, возможно, еще кто-либо в этом длинном зале точно так же изучает старые записи, выискивая упоминания о непроданных домах и о необнаруженных трупах. Вон тот мужчина с седеющими бакенбардами — достаточно рослый и крепкий, чтобы сорвать ставни с окон Эдварда Хаммерсмита. Праздно откинувшись на спинку стула, Эшер рассеянно скользнул взглядом по ботинкам незнакомца, сверкающим армейским глянцем. Нет, ступня у него явно была гораздо шире того следа, замеренного Эшером.

«Высокий и физически сильный человек...» — размышлял он, празднично глядя в высокое окно, за которым виднелись причудливые готические крыши. Человек, способный выследить вампира? Даже такого неуклюжего и необученного птенца, как Забияка Джо Дэвис? Или Забияка Джо, оглушенный иным бытием и напуганный смертью Кальвара, был поражен обыкновенной манией преследования? Бог его знает... Уж если Исидро то и дело нервно оглядывается, то сколько же осталось жить Дэвису, тем более теперь, без помощи Кальвара?

Эшер сделал мысленную пометку: Забияка Джо не сомневался в том, что Кальвар именно убит, а не просто исчез. То же самое предполагал и Исидро...

Так что, скорее всего, убийца был человеком его круга, умеющим вычислить тех, кого он не в силах выследить.

«Должно быть, человек изрядного терпения, — размышлял Эшер, перелистывая пыльные страницы, — способный просеять все эти записи, имена, акты и завещания, найти таким образом жилище вампира и превратить хозяина в пепел».

Определенно, человек большой решимости и силы — одним ударом отсечь голову блондинке, лежащей в гробу на Хайгейтском кладбище!

И (пожалуй, самое странное) человек, который верит в вампиров изначально, еще до совершения своего первого убийства, знает заранее, за кем он охотится.

Забавно...

В конце концов. Забияку Джо мог отслеживать сам Исидро или этот таинственный Гриппен. В этом случае Эшер подвергался двойной опасности: если Джо обнаружит, что у него на хвосте Исидро, он, конечно, решит, что Эшер его предал.

Переворошив уйму бумаг, он выяснил, что Эрнчестер-Хаус был продан в начале восемнадцатого столетия графом Эрнчестерским некоему Роберту Вантхоупу. Сам дом располагался на Савой-Уок — место, смутно знакомое Эшеру, древнейший район Лондона, бесчисленные крохотные дворы и аллеи неподалеку от Темпла. Странно, но такое впечатление, что это была единственная сделка Роберта Вантхоупа — судя по записям, в Лондоне он ничего больше не приобретал.

За десять минут Эшер добрался до Сомерсет-Хауса, где, изучив нотариальные бумаги, удостоверился, что мистер Вантхоуп завещания не оставил — странный поступок для человека, обладающего достаточными средствами, чтобы купить городскую резиденцию графов Эрнчестерских. Краткий визит в другое крыло огромного здания подтвердил подозрение, что свидетельство о смерти Вантхоупа отсутствует, как, кстати, и свидетельство о его рождении.

«Как говаривал профессор Доджсон, — подумал Эшер, — все любопытнее и любопытнее». Имя, определенно, вымышленное. Больше Эрнчестер-Хаус в бумагах не упоминался ни разу.

Он покинул здание около пяти часов. Сырой ветер дул порывами с Темзы, когда Эшер пересек широкий мощеный двор и вышел на улицу. Несколько минут он вспоминал, как

добраться до Савой-Уок, затем сообразил, что до наступления темноты никто ему в Эрнчестер-Хаус дверь не откроет и что неплохо бы предварительно сделать кое-какие покупки.

На Пикадилли уже горели огни; желтые лампы тлели над чугунными оградками общественных уборных; яркий свет лился из дверей «Эмпайра» и «Альгамбры». Эшер поднял воротник просторного пальто, замотал поплотнее шарф и ускорил шаги. Он не имел ни малейшего понятия, сколь поздно просыпаются вампиры, а кроме того, ему не хотелось бы встретиться сейчас с Исидро.

Фешенебельные магазины на Бонд-стрит были еще открыты. У Ламберта он попросил серебряную цепь — из чистого металла и желательно потолще. Надел он ее на Виго-стрит. Холод серебра щекотал шею. Снова замотав шарф, почувствовал себя несколько неловко. Может быть, приобрести еще и распятие?

Но серебро постоянно упоминалось как надежнейшая защита от вампиров во всех легендах, в том числе и не имеющих отношения к христианству. Весьма вероятно, что распятие, располагаясь рядом с важнейшими кровеносными сосудами, и впрямь могло их защитить. Оставалось лишь надеяться, что легенды говорят правду.

Если же нет — к утру он, скорее всего, будет мертв. Впрочем, согласно некоторым легендам, к утру с ним может случиться и кое-что похуже.

«Странно, — размышлял он, протискиваясь сквозь толпу молодых щеголей возле резных дверей синемаатографа. — Фольклор повсеместно утверждает, что жертвы вампиров часто становятся вампирами сами, но Исидро ни разу не обмолвился о своих жертвах или о жертвах своих дружков как о вступивших в ряды убийц. Забияка Джо Дэвис говорил, что вампиров „делают“ и что его самого „сделал“ Кальвар, причем явно против воли хозяина вампиров Гриппена».

Стало быть, жертва вампира не всегда становится вампиром — впрочем, Эшер в этом и раньше не сомневался. Даже если забыть о впечатляющем списке жертв Лотты, элементарная логика подсказывает, что иначе весь мир был бы населен одними вампирами.

Следовательно, требуется еще что-то, какое-то намеренное действие... ревностно оберегаемое хозяином Лондона.

Гриппеном.

«Приходила с кавалером, — сказал продавец в табачной лавке. — Суровый малый и всегда в накрахмаленной рубашке».

«Выводок Гриппена, — сказал Забияка Джо Дэвис. — Рабы Гриппена».

Как, и Исидро тоже? Странно было представить юного гранда, склонившего перед кем-то голову.

Хотя слишком еще много здесь было неясного: подводные части айсберга, невидимые пружины и борьба за власть среди вампиров...

Суতোлка ярко освещенного Ковент-Гардена осталась позади. Купол собора Святого Павла темнел на фоне вечернего неба. Улицы здесь были узки, разбежались во всех направлениях — кирпичные каньоны с кабачками, сверкавшими на углах подобно драгоценным шкатулкам.

Он пересек Савой-Уок дважды, прежде чем нашел нужный переулок — мощный проход между двумя рядами домов и такой узкий, что в нем едва можно было раскинуть руки. Огни Солсбери-Плейс скрылись за поворотом — Река была неподалеку, переулок тонул в тумане.

Потом он раздвинулся в небольшой двор, где на мокрой мостовой теснились несколько строений: захудалый книжный магазин, мастерская стеклянных глаз, а за ними, в глубине двора, вырисовывался высокий дом — узорная кладка, свинцовое стекло, и весь черный от сажи. Огни оживленных улиц рассеивались в тумане над черепичными крышами и причудливыми трубами. В доме было темно, но, когда Эшер подошел поближе, в высоких окнах зажегся свет.

Ступени высокой лестницы, украшенной полуразвалившимися каменными львами,

были испятнаны сажей. Стук дверного молоточка замер, отдавшись эхом в глубине дома. Даже напрягая слух, Эшер не мог различить ни звука за двустворчатыми резными дверьми.

Затем одна из створок внезапно раскрылась, и масляный мягкий свет, хлынувший в проем, обозначил женский силуэт на пороге. Лицо незнакомки, обрамленное темно-рыжими локонами, напоминало белый шелк. Карие глаза ее мерцали отраженным светом.

— Миссис Фаррен? — спросил Эшер, употребив фамильное имя графов Эрнчестерских.

— Да. — Что-то изменилось в ее взгляде.

— Леди Эрнчестер?

Она не ответила. Внезапно нахлынула сонливость, но Эшер сделал над собой усилие и взглянул в мерцающие глаза.

— Меня зовут доктор Джеймс Эшер. Я бы хотел поговорить с вами о Дэнни Кинге.

Глава 7

— Прошу. — Она отступила на шаг, жестом предложив ему пройти в арку, за которой располагался салон. Голос женщины был негромок и очень приятен — без тени кокетства и какой-либо искусственности. Следуя за хозяйкой, Эшер почти слышал, как у него колотится сердце. Хозяйка, видимо, тоже.

Салон был большой и содержался в порядке, хотя какое-то запустение в нем все же чувствовалось. Тусклая керосиновая лампа на углу камина в стиле барокко освещала изящные кресла, резное бюро. Мебель была старинная, красного дерева. Хотелось бы знать, кто здесь теперь стирает пыль и чистит крыльцо после гибели Дэнни Кинга.

— Я слушаю вас, доктор Эшер, — сказала миссис Фаррен. Манерой речи она напоминала Исидро — спокойный, почти бесстрастный голос. Стоя перед ней на островке отбрасываемого лампой света, Эшер видел, как блеснули на секунду клыки. Воздух она набирала только когда говорила; во время молчания грудь ее была неподвижна.

— Извините меня за вторжение, — сказал он с легким поклоном. — Если вы обо мне слышали, то должны знать, что мне нужна информация. А если вы знакомы с доном Симоном Исидро, то должны предположить, что сведений я получил от него немного. Дэниел Кинг был вашим слугой?

— Да. — Она кивнула. А вот это уже не напоминало Исидро, да и большие золотистокarie глаза были исполнены большей живости. — Он был слугой моего мужа, — добавила она помолчав, и Эшер облегченно вздохнул. Он чуть было не решил уже, что все вампиры так же неразговорчивы, как дон Симон. — Грумом, или «тигром», как их тогда называли. Это было во времена нашего последнего... — Она свела брови, подыскивая слово, — совсем как живой человек. — Скажем, нашего последнего пребывания в мире. У нас было много слуг. В те дни слуги спокойнее относились к странностям хозяев — если те, допустим, жили в отдельном крыле и вели исключительно ночной образ жизни. Но Дэнни о многом догадывался.

Она стояла, прислонясь к камину и сцепив руки на уровне талии — царственная, несколько архаичная поза, как на портретах времен Реставрации. Эшер рискнул бы предположить, что в жизни она была склонна к полноте, но теперь полнота исчезла, как исчезли из ее речи архаичные обороты. Костюм также был вполне современный, и только жемчужные серьги принадлежали эпохе последнего Стюарта.

Внезапно она совершила неувловимое движение — точь-в-точь как Исидро — и оказалась рядом. Эшер был захвачен врасплох. Но она лишь сказала:

— Я полагаю, раз Дэнни не стало, принять ваше пальто следует мне...

— Вампиром его сделали вы?

— Нет. — Она остановилась на секунду, раздумывая, куда положить пальто, шляпу и шарф. Положила на ближайший буфет и обернулась. — Это сделал Гриппен — по нашей просьбе и по просьбе самого Дэнни. Он был очень привязан к Чарльзу, моему мужу.

— А могли бы сделать?

— Это вопрос по существу? — осведомилась она. — Или просто любопытство?

— Нет, не могли бы, — послышался голос из полутьмы, и Эшер резко обернулся, скрипнув половицей. Лицо незаметно подошедшего мужчины поражало меловой бледностью. Худой, среднего роста, он старчески сутулился, в светло-каштановых волосах паутиной блестела седина. — Во всяком случае, без разрешения Лайонела.

— Лайонела?

— Гриппена. — Вампир качнул головой, словно имя это было ему неприятно выговаривать. Двигался он тоже как-то старчески, словно бы устало. Бросив быстрый взгляд на миссис Фаррен, Эшер заметил, что та смотрит на пришедшего с участием.

— Он бы этого не вынес, — объяснил вампир. — Он бы выкурил беднягу Дэнни из всех укрытий в течение года. В этом смысле он весьма ревнив. — Он протянул тонкую руку и сказал: — Я — Эрнчестер.

Эшер, почерпнувший достаточно сведений об Эрнчестерах во время своих сегодняшних изысканий, предположил:

— Лорд Чарльз Фаррен, третий граф Эрнчестерский?

Легкая улыбка тронула это белое лицо, усталые глаза на секунду ожили. Мужчина наклонил голову.

— Боюсь, что я уже мало напоминаю собственный портрет, — сказал он.

Многочисленные портреты, украшающие стены салона, потемнели от времени и были укрыты тенью. Который из них изображал третьего графа Эрнчестера, сказать было трудно. Тем более что две трети каждого портрета занимал тщательно завитой парик.

Эшер нахмурился, пытаясь вспомнить имя графини, и миссис Фаррен со свойственной вампирам пронизательностью сказала:

— Антея.

Подошла к мужу и проводила его до кресла перед холодным очагом. Каждый раз, когда она глядела на него, Эшер замечал в ее глазах все те же участие и тревогу. А вот на самого Эшера миссис Фаррен взглянула на этот раз с откровенной враждебностью.

Эрнчестер опустился в кресло. Двигался он без лишних движений, как Исидро или леди Антея, но как-то безжизненно.

— Дэнни спал здесь? — спросил Эшер.

Ответила Антея:

— Крайне редко. — Она выпрямилась и прошла к очагу.

— Следовательно, тело было найдено не здесь?

Краем глаза Эшер наблюдал за Эрнчестером. Граф смотрел в сторону, уткнувшись бровью в кулак. Эшера несколько шокировала скорбь графа, и в светло-карих глазах наблюдавшей за ним Антеи вспыхнул гнев.

— Если бы оно было найдено здесь, — холодно заметила она, — то вместе с ним были бы найдены и наши тела.

Эшер закусил губу. Затем, отвечая не ее словам, а ее гневу, сказал:

— Извините.

Глаза ее несколько смягчились.

— С вашей стороны было непростительной глупостью прийти сюда, — сказала она. — Исидро иногда ужасно раздражает, но, поверьте мне, если он что-то утаил от вас, то для вашей же безопасности.

— Возможно, — сказал Эшер. — Но он приставил мне нож к горлу: если я не найду убийцу, пострадает близкий мне человек. Мне бы хотелось разделаться с этой историей как можно быстрее — до того, как он выяснит, где я прячу ту, кого он собирается взять в заложницы; до того, как сам убийца заподозрит, что его отслеживает уже дневной охотник, и опять-таки займется моими близкими; до того, наконец, как я сам увязну во всех этих делах достаточно глубоко, чтобы потом из них выбраться. Но сделать это я смогу, лишь владея информацией, которую мне Исидро не желает предоставить.

Некоторое время она рассматривала его, чуть склонив голову, словно под тяжестью темной массы волос.

— Он — очень старый вампир, — сказала она наконец. — Он осторожен, как змея в норе; может быть, излишне осторожен.

Было несколько странно слышать об Исидро, что он «стар», — испанец производил впечатление юноши, почти мальчика. Скорее уж стар был Эрнчестер с его усталыми движениями и мертвыми глазами. Эшер оглянулся на кресло, где только что сидел граф, но кресло было пустым. Трудно было сказать, когда именно он ушел. Был ранний вечер, и хозяева, надо понимать, еще не завтракали. Странно, что, разговаривая с этой тихой красивой женщиной, умершей задолго до его рождения, Эшер совсем не испытывал страха — то ли потому, что она и впрямь не собиралась причинять ему вреда, то ли спокойствие было ему просто внушено. Невольно вспомнились слова Исидро о «других вампирах».

После долгой паузы Антея продолжила:

— Я не знаю, кто из них старше: он или Гриппен. Они оба были сотворены в одно время одним мастером. Это был Райс Белый, менестрель, хозяин вампиров Лондона в... давние времена. Вы ведь понимаете, что в качестве вампира весьма трудно выжить, если город недостаточно велик и смерть жертвы не может остаться незамеченной. Разве что если у вас достаточно денег и вы владеете имением, где можете спать днем в безопасности. Дон Симон рассказывал, что в те времена Лондон был не более чем маленьким торговым городком. — Легкая улыбка тронула ее полные бескровные губы. — Я представила, что бы вы подумали о Лондоне моего детства — там, где сейчас Ливерпульский вокзал, приходилось искать тропки в болотах... Словом, безопасность себе могли обеспечить лишь аристократы, имеющие возможность охотиться по ночам в поле. Избежать подозрений можно было, питаясь кровью быков или оленей, но долго на крови животных не протянешь. Вампир становится от этого тупым, усталым, безразличным ко всему. В таком состоянии его довольно легко выследить и убить.

Она подняла на него глаза, скрестив на груди большие мягкие руки (достаточно сильные, чтобы в любой момент свернуть ему шею); холодно блеснули кольца.

— Звучит достаточно гнусно, не правда ли? Но притупление чувств, утрата вечной настороженности — это смерть для вампира, которого так легко сжечь солнечным светом. Мы, наверное, омерзительны вам?

— Совершенно верно, — спокойно ответил Эшер. — Это для вас существенно?

Она опустила глаза, разглядывая жемчужины перстня.

— Если бы это было существенно, я бы давно умерла. — Другая бы женщина пожалала плечами перед тем, как снова взглянуть на него. — Конечно, к тому времени, когда Чарльз и я стали тем, что мы есть, Райса уже не было на свете. Он обитал в усыпальнице Сент-Джайлза, охотясь ночью в порту. А деньги зарабатывал, играя в тавернах Истчипа и Стил-Ярда, — ганзейские купцы его любили. Дон Симон рассказывал, ему достаточно было взять в руки лютню — и люди плакали. Маленький седой старик в старинных одеждах, проворный, как хрупкий паучок, — так его описывал дон Симон. Во времена старого короля Джеймса вампиров преследовали особенно яростно, а те, что уцелели, погибли потом при пожаре Лондона — все, кроме Гриппена и дона Симона. Одному богу известно, где им тогда посчастливилось найти укрытие.

— Вы застали эти времена еще живой? — Для Эшера это была древняя история — что падение Рима, что пламя, пожравшее Лондон в 1666 году.

— Да, — сказала она. — Я помню себя маленькой девочкой, стоящей на Харроу-Хилл; дымный рассвет, а город внизу — как ковер из пламени; ветер веет жаром в лицо. В те дни было ветрено. Ветрено, жарко и сухо... Помню, как воздух потрескивал в моих волосах, и я боялась, что огонь охватит всю землю. — Она качнула головой, как бы удивляясь детской наивности. — Говорили, что некоторые строения взрывались от жара, как бомбы, а по сточным канавам тек свинец расплавившихся церковных кровель. Потом, спустя многие годы... когда я стала тем, что я есть, мы впервые встретились с Исидро. Его лицо еще было

покрыто шрамами, и руки тоже.

— А Гриппен?

Ее губы слегка покривились. — Лайонел сотворил многих после пожара, — сказала она. — Чарльз был далеко не первым. Он нуждался в деньгах, нуждался в протекции...

— В протекции?

Ее голос был нарочито бесцветным. — Вражда шла всегда. Весь его выводок погиб в огне. Несколько лет я считала Чарльза мертвым. — Она чуть тряхнула головой, словно откладывая в сторону старое, случайно найденное письмо; свет лампы янтарно мерцал в ее глазах. — Но ведь вам нужны не такие сведения.

— Мне нужны любые сведения о вампирах, — негромко сказал Эшер. — Кто вы такие, что вы такое, чем вы занимаетесь, чего хотите... Вы ведь сама охотница, леди Фаррен. Вы знаете, что сначала нужно увидеть узор в целом, а потом уже смотреть, что в нем не так.

— Это довольно опасно, — начала она, и Эшер почувствовал злость.

— Исидро не оставил мне иного выхода!

Он стоял прямо перед ней на малом островке света, прилегавшем к резному мрамору огромного камина. Выражение ее лица не изменилось, но Эшер видел, как что-то дрогнуло в глубине светло-карих глаз. В следующий момент ее рука схватила его за локоть и рванула к камину. Теряя равновесие, он все же успел заметить возникшую из полумрака массивную тень и сверкнувшие алым огнем глаза.

— Гриппен, нет!.. — вскрикнула Антея, и в тот же миг Эшер ударил, пытаясь отбить в сторону чудовищную руку, тянущуюся к его горлу. Удар пришелся как по дереву, но Эшера отбросило, и — мощная волосатая пятерня Гриппена ухватила его не за горло, а за рукав возле плеча.

Эшер крутнулся, пытаясь вывернуться из одежды. Гриппен был массивен — одного роста с Эшером, но широк, как дверь. Грязные черные волосы падали на глаза; лицо, розовое от свежеевыпитой крови, покрыто старыми шрамами. Неуловимым движением он сгреб в горсть лацканы, и Эшер оказался пойман собственным пиджаком. Мысленная хватка вампира, казалось, сейчас раздавит мозг, и Эшер боролся с ней, боролся, как тогда в поезде против Исидро. Изогнувшись, он попытался обеими руками отогнуть хотя бы один палец. С тем же успехом он мог разжимать пальцы статуи.

Антея тоже схватила Гриппена за кисти, пытаясь освободить Эшера. «Не смей!..» — услышал он ее крик. Затем чудовищная рука сорвала с него воротник, и Эшер успел подумать со странной отрешенностью: «А теперь маленький эксперимент, касающийся некоторых положений фольклора...»

— Божья смерть! — Рука Гриппена отдернулась от серебряной цепи, смрад крови на выдохе вызвал тошноту. Взбешенный вампир отшвырнул Эшера, и тот вцепился в стену, как тряпичная кукла. Все равно что врезаться в стену на мотоцикле. Сползая по стене, он все же успел отметить, что архаичность речи у Гриппена выражена куда сильнее, чем у Исидро.

— Я тебе покажу серебро, сукин ты сын! — ревел вампир.

Зрение прояснилось, явив бурное единоборство в центре комнаты. Антея держала Гриппена за руки, стараясь оттащить его от Эшера; заколки она растеряла, обильные волосы рассыпались по плечам. Чувствуя сильнейшее головокружение, Эшер кое-как поднялся на ноги и, спотыкаясь, заторопился прочь. «Бесславный исход», — машинально отметил он, минув арку. Конечно, джентльмену надлежало бы остаться и не бросать леди в разгар потасовки, но вряд ли он мог ей сейчас чем-либо помочь.

На Савой-Уок было пусто, тихо, туманно. Если он сумеет добраться до освещенной Флит-стрит, то, может быть, уцелеет...

На нетвердых ногах он спустился с высокого крыльца; влажный холод туманной ночи полез под рубашку сквозь разорванный ворот. «Опасное занятие для смертного...» — подумал он, шлепая через мелкую лужу во вдавленной мостовой. Сам того не заметив он постепенно перешел на бег.

Черная щель переулка, выводящего со двора, была уже совсем близко, когда из

темноты навстречу Эшеру выступила, словно слепившись из тумана, человеческая фигурка. Миниатюрная девушка, такая карманная Венера; светлые волосы уложены в высокую сложную прическу; темные глаза мерцают отраженным светом. Эшер обернулся, ища другую лазейку, и увидел бледное, изможденное лицо третьего графа Эрнчестерского.

Их пальцы обожгли ледяным холодом, когда они взяли его за руки.

— Я прошу прощения, — мягко сказал Эрнчестер, — но вы должны пойти с нами.

Глава 8

— Семь лет — это долгий срок. — Почтенный Эвелийн, уставясь в черные бездны кофе, пошевелил их крохотной ложечкой. Лидия сидела напротив, искренне надеясь, что срок был и впрямь достаточно долгий.

— Я знаю, — мягко сказала она, легким движением давая понять, что, не будь она замужем, Эвелийну было бы позволено взять ее руку в свою. Перья на ее шляпке, похожие на розовое закатное облачко, качнулись, когда она слегка подалась вперед, доверчиво раскрыв карие глаза. Почтенный состоял из мягких размытых мазков, но Лидия перед встречей решила, что в данном случае важнее смотреть, чем видеть. Кроме того, близорукость научила ее безошибочно истолковывать любое движение размытых цветных пятен. — Поверьте, я бы сама хотела предать все это забвению.

— Вы бы хотели... — В голосе его отчетливо прозвучало отвращение. — Зря вы интересуетесь такими вещами... миссис Эшер.

Мягкие мясистые губы, заставляющие вспомнить римлян времен упадка империи, поджались. За плечом почтенного Эвелийна возник черно-красный нечеткий силуэт вышколенного официанта. Хотя чаепития уже прекращали обслуживать, он беззвучно долил кипятка в чайник возле локтя Лидии и сменил тарелочку с кексами и сандвичами. В ресторане все отчетливее пахло обедом. По-иному звучали голоса входящих в зал, размытые женские силуэты были уже окрашены в цвета, более приемлемые вечером, нежели днем; посверкивали бриллианты. За окнами свинцовые сумерки заливали Странд.

Походя Лидия отметила, что упомянутые семь лет не пошли на пользу почтенному Эвелийну. По-прежнему такой же большой и дородный, как в те беззаботные годы отчаянных матчей с Королевским колледжем, он (это было заметно и без очков) излишне располнел. Когда Эвелийн предложил ей руку, чтобы провести ее к этому маленькому столику, Лидия видела, что, хотя почтенному еще не исполнилось и тридцати, лицо его — все в мешочках и морщинках, а серо-голубые глаза хранят горькую усталость человека, не понимающего, где именно он ошибся, выбирая жизненный путь. Одет он, однако, был безукоризненно и благоухал дорогой помадой. Даже в юности, когда Лидия была куда более впечатлительной, она находила его речи безумно ходульными и утомительными, и прошедшие годы его не исправили. Ей пришлось потратить добрых полчаса на застольную болтовню, чтобы подвести наконец разговор к главной теме.

Лидия потупила глазки, трогая изящную ручку фарфоровой чашки и точно зная, что он пристально следит за выражением ее лица. — Как он умер, Эвелийн?

— Это было дорожное происшествие. — Голос его стал враждебным и несколько испуганным.

— О, — сказала она мягко. — Я думала... Я слышала...

— Что бы вы там ни слышали, — сказал Эвелийн, — и от кого бы вы это ни слышали, но погиб он в дорожной катастрофе. И я бы не...

— Пожалуйста... — Она вскинула глаза. — Мне необходимо поговорить с вами, Эвелийн. Я не знаю, к кому бы еще я могла обратиться. Я попросила вас о встрече, потому что... Я слышала, здесь замешана женщина.

Теперь в его голосе послышалось раздражение.

— Она здесь ни при чем. Он погиб в...

— Мне кажется, с ней связался один мой знаковый.

— И кто же? — Глаза почтенного Эвелийна сузились, и он очень напомнил Лидии ее отца в те минуты, когда тот собирался сделать ей очередное внушение.

— Вы его не знаете. — Лидия запнулась. Эвелийн замолчал, усиленно соображая. Картина, хорошо ей знакомая. Даже почтенный Берти, известный тугодум, и тот был поживее своего братца. Наконец Эвелийн заговорил:

— Не беспокойтесь об этом, Лидия... миссис Эшер. Право, — поспешил он смягчить свои слова, видя тревожную морщинку, залегшую меж ее темно-медных бровей, — я... Видите ли, я слышал недавно, что... что некто, кого я знаю, когда-то встречался с нею. Конечно, вы только-только окончили школу, когда Берти был найден... когда Берти умер, и мы просто многое не могли сказать вам. Но это была гибельная женщина, Лидия, воплощенное зло. А неделю назад или около того я... э... встретил ее и предупредил ее... заплатил ей... словом, заставил покинуть страну. Она уехала.

Произнося все это, на Лидию он не смотрел.

«Смушение? — предположила она. — Или что-то еще?»

— В самом деле? — Она чуть подалась вперед, чтобы уловить малейшее изменение его лица.

— В самом деле, — произнес он с усталым отвращением. Помолчав, она спросила:

— Что она из себя представляет? У меня есть основания спрашивать, — добавила она, поскольку почтенный Эвелийн готов был выразить негодование: объект любопытства не был достоин внимания светской дамы. — Вы же знаете: я — врач.

— Знаю, — недовольно сказал он — так, словно имел право это оспорить. — Хотя, честно говоря, я не понимаю, как профессор Эшер — да и любой муж — мог позволить своей жене...

— Словом, — продолжила она, обрывая излишне фамильярную тираду, — в моей практике два или три раза встречались случаи довольно редкого нервного расстройства, симптомы которого весьма напоминают то, что Дж... мой знакомый рассказывал об этой женщине, Карлотте. Я подозреваю, что она сумасшедшая.

Это заинтересовало Эвелийна, как заинтересовало бы любого мужчину, сколь бы решительно он ни осуждал вторжение женщин в исконно мужские профессии. Он наклонился к ней через стол с огромным любопытством в водянистых голубых глазах, и она сжала обеими руками его массивную кисть.

— Но я не встречала ее, а вы... Расскажите мне о ней. Пожалуйста, Эвелийн. Мне нужна ваша помощь.

В кэбе по пути домой, на Брутон-Плейс, она записала главные моменты этого разговора — вряд ли бы Эвелийну понравилось, начини она конспектировать его ответы прямо в ресторане. Вышколенный официант, видя, что беседа, кажется, интимная, тактично оставил их за столиком одних, чего опять-таки не случилось бы, начини она вести записи.

Разговор получился сложный, поскольку Эвелийн, ранее интересовавшийся только спортом, а теперь только фондовым рынком (подобно тому, как брат его Берти интересовался лишь нарядами и модами), мало что замечал вокруг. Все же искусными наводящими вопросами из него кое-что выжать удалось.

Во-первых, Лотта появлялась сразу после заката, когда небо оставалось еще совсем светлым. Эвелийн полагал, что было это весной, Впрочем, с уверенностью он сказать не мог.

Во-вторых, цвет лица у нее был то белым, то розовым (насколько можно было судить при газовом освещении) — иными словами, питалась она непосредственно перед встречами с Берти и его друзьями. К сожалению, Эвелийн не смог вспомнить, был ли у нее румянец, когда она приходила раньше обычного, а то бы можно было считать доказанным, что охотилась она сразу после захода солнца.

В-третьих, от нее временами как-то странно пахло. Джеймс ничего не говорил о том, что от вампиров пахнет иначе, чем от людей, хотя, предположительно, иная диета — иные выделения... Лидия старалась не вспоминать о том ужасном запахе, что коснулся ее ноздрей вчера в темном дворе на Ковент-Гарден.

Еще Эвелейн заметил, что у Лотты что-то не так с ногтями — что именно, он сказать не мог. Относительно глаз он лишь повторил свои слова о «злом выражении», что, конечно, диагнозу никак помочь не могло.

О смерти брата он отказался говорить вообще, но Лидия предполагала, исходя из рассказов Джеймса о технике шпионажа, что Лотта заботилась о том, чтобы тела ее кавалеров были найдены при обстоятельствах либо позорных, либо компрометирующих — скажем, в женской одежде, или на задворках опиумного притона, или еще что-нибудь в этом роде.

И наконец Эвелейн сообщил, что Берти одно время носил талисман из рыже-золотых волос Лотты. Локон этот и сейчас должен быть среди вещей Берти. Эвелейн мог бы выслать его утренней почтой по указанному Лидией адресу...

Откинувшись на сиденье тряского кэба, Лидия отрешенно смотрела на расплывающиеся желтые нимбы уличных фонарей, за которыми вырисовывались однотонные силуэты домов Гувер-стрит. Поднимающийся туман приглушал звуки, превращал людей в призраки. Омнибусы возникали из дымки, как движущиеся башни; яркие щиты на их бортах, рекламирующие покрышки Клинкера, казались мрачными пророчествами.

Когда кэб достиг Брутон-Плейс, 109, Лидия как можно быстрее расплатилась с возницей и поспешила в дом, неприятно пораженная собственной нервозностью. Ей было просто страшно оставаться на улице хотя бы на несколько мгновений после наступления темноты.

Вампиры привели Эшера не к Эрнчестерам, а в подвал пустынного магазина, узкая дверь которого вела в черноту проулка. Достав из жилетного кармана ключи, Эрнчестер отомкнул два висячих замка, и они оказались в тесной комнатке, уставленной до потолка пыльными ящиками. В рассеянном полусвете, падающем из окна, в углу можно было рассмотреть старую мойку для посуды, чья ржавая помпа вырисовывалась во мраке, напоминая огромное искалеченное насекомое. Эрнчестер зажег керосиновую лампу и двинулся к следующей двери, наполовину скрытой ящиками. Замок с нее был сорван ломом вместе с петлей, причем, судя по царапинам, совсем недавно. Запах сырости и гниения стеснял грудь, когда они спустились по винтовой лестнице в подвал, который был, насколько мог судить Эшер, куда шире, чем само строение, и несомненно старше. Арки из тесаного камня поддерживали закопченный потолок; в дальнем конце помещения обнаружились две пары ставней, скрывающих, надо полагать, окна, целиком утопленные в грунт.

— С той стороны окна забраны решетками, — заметил граф, снимая с гвоздя у двери старомодный ключ с длинным стволом. — Даже если сорвать замки, это ничего не даст. Хлоя, милая, будь любезна, принеси пальто доктора Эшера. И мое заодно.

Белокурая вампирша бросила на него сердитый взгляд, отчего ее ангельское личико стало почти детским.

— Боишься оставлять меня с ним наедине, голубчик? — насмешливо спросила она с акцентом, свойственным обитателям примерно дюжины улиц в районе церкви Сент-Мэри-ле-Боу. Оглянулась на Эшера, освещенная керосиновой лампой, которую они прихватили с собой этажом выше. — И не думай, что эта побрякушка на твоей глотке тебя выручит, профессор. Кровь можно пить и из вен, сам понимаешь.

Издевательски поцеловала руку, обожгла ледяными губами. Затем повернулась, прошелестев шелковыми юбками, и канула в темноту.

Эшер обнаружил, что его давно уже знобит. В подвале было сухо, но дьявольски холодно. Эрнчестер стоял рядом с лампой в руке и хмурился на черную щель входа, в которой, надо понимать, исчезла девушка, хотя Эшер так и не увидел, как она ушла. Движения ее были практически неуловимы — как у Исидро.

— Дерзкая девчонка. — Редкие брови Эрнчестера странным образом топорщились в прыгающем свете. — Конечно, дело тут не только в воспитании — весь мир изменился.

Такое впечатление, что теперь никто не знает, как себя вести. — Он поставил лампу на пол и подержал руки над столбиком горячего воздуха, поднимающегося из ее стеклянного горла.

— Антея пошла искать Исидро, — продолжил он момент спустя. — Никто из нас не одобрял его плана поимки убийцы (о причинах вы, видимо, догадываетесь). Но теперь, коль скоро он вас нанял, я согласен с ней, что убить вас было бы просто нечестно, не говоря уже о том, что вы, фактически, мой гость. — Усталые голубые глаза сосредоточенно разглядывали Эшера, словно подыскивая хотя бы еще один довод.

— Я полагаю, Гриппен тоже был против? — сухо спросил Эшер.

— О, никакого подсчета голосов здесь быть не могло. — Сказано это было без иронии. — Дон Симон всегда жил по своим законам. Он был единственный, кому пришлось в голову нанять человека. Но он весьма высоко себя ценит и просто не замечает какую-либо оппозицию.

Эшер потер плечо, ноющее после удара о стену.

— Он мог бы и упомянуть об этом. Каменный пол под ногами задрожал, стекло лампы задребезжало в жестяном гнезде.

— Здесь неподалеку проходит подземная железная дорога, — объяснил Эрнчестер, когда грохот стих. — Когда ее строили, мы боялись, что тоннель пройдет через это укрытие, как это случилось с подвалом на соседней улице. Правда, он был глубже, чем этот, и без окон — там когда-то находился винный погреб таверны, сгоревшей во время пожара. Потом это место замостили, а о подвале забыли. Таких укрытий довольно много в старом Сити, некоторые восходят еще ко временам римского владычества. В том подвале, о котором я говорю, было ужасно сыро и неудобно, так что, когда рабочие на него наткнулись, спящих там не оказалось.

Эшер задумчиво огладил усы и направился по вымощенному плитами полу к стене, возле которой стоял гроб. Открыв его, он обнаружил лишь выгоревшую обивку да прилипшие к кромкам обугленные клочки материи. Дно было покрыто тонким слоем пепла.

Интересно, в какой усыпальнице они похоронили останки? В Сент-Брайдзе, вне всякого сомнения. Странно, что после стольких лет они еще придерживаются этого обычая... Или не так уж и странно... Он установил крышку на место и обернулся.

— Значит, замки на ставнях были открыты, когда вы нашли тело Дэнни?

Эрнчестер коротко взглянул на закрытые ставни, затем снова на пустой гроб. Секунду он, казалось, решал для себя, может ли он говорить откровенно с человеком.

— Да, — проговорил он наконец. — Ключ лежал на подоконнике.

Эшер подошел к ставням, потрогал замок и взглянул через плечо на вампира.

— Но сами засовы не потревожены?

— Нет. Но если кто-нибудь — бродяга или грабитель — проник бы в подвал, он бы первым делом открыл ставни, чтобы осмотреться.

— А что, где-нибудь в здании были замечены следы грабежа? Открытые шкафы, выдвинутые ящики?

— Нет, — согласился Эрнчестер. — Я думаю, что нет. В точности я вам этого сказать не могу. Можно спросить Антею. — Будь это живой человек, он бы обязательно вздохнул после этих слов. — Я знаю, что вести расследование — это чисто мужское дело, но... мир так изменился... Одна только фабричная копоть и шум на улицах чего стоят! Я иногда подозреваю, что живые страдают от этого не меньше нас. Впрочем, и люди теперь совсем другие.

Эшер внимательно следил за входом и на этот раз не пропустил появления Хлои. Девушка вошла в подвал, неся на согнутой руке его пальто и поношенный плащ Эрнчестера. Сама она была одета роскошно — темно-зеленый бархат, густо расшитый гагатом; руки и лицо белели, как цветы, на фоне пышной материи. Сняв пальто с ее руки, Эшер сказал:

— Спасибо.

Она удивленно вскинула глаза.

— Вы охотились вместе с Лоттой Харшоу?

Она вновь улыбнулась, но на этот раз насмешливость не могла скрыть некую тревогу, чтобы не сказать — испуг.

— Все разнюхиваешь? А видал, к чему это приводит? — Она хотела погладить его горло, но блеск серебряной цепочки заставил ее убрать руку. — Знаешь, что, говорят, сделали с кошкой за любопытство?

— Еще говорят, что у кошки девять жизней, — негромко ответил он. — Так вы охотились с Лоттой?

Она пожала плечами (старательно выполненное кокетливое движение) и посмотрела в сторону.

— Я знаю, что ты являлась вместе с ней на примерку к модистке. Может быть, и в другие магазины тоже. Надо полагать, вы хорошо подходили друг другу. Лично я нахожу утомительным обедать в одиночестве, а ты?

Дружеский небрежный тон фразы заставил ее взглянуть на Эшера с насмешливым кокетством.

— Иногда. Но, знаешь, в полном одиночестве мы никогда не обедаем. — Зубы ее снова блеснули в улыбке.

— Тебе нравилась Лотта?

Длинные ресницы вновь затенили карие глаза. — Она показывала мне, что и как, — сообщила наконец Хлоя, и Эшеру тут же вспомнились слова Забияки Джо Дэвиса: «Я не желаю знать, как убивают другие, как это у них положено...» Видимо, способности вампира еще нуждались в долгой шлифовке. — Мы — я имею в виду, пташки — охотимся не совсем так, как джентльмены. Правда, эта... — Она запнулась и бросила быстрый взгляд на Эрнчестера, неподвижно стоящего позади лампы. Не продолжила фразы и просто заключила: — Лотта и я подходили друг другу. Есть вещи, в которых одна леди должна помогать другой.

«Эта...» Что — эта? Как, интересно, фарфоровая куколка Хлоя оценивает античную леди Антею? «Как благородную заносчивую суку, — подумал Эшер, — вне всякого сомнения». Мадемуазель ля Тур с первого взгляда определила, что Хлоя и Лотта — одного поля ягоды, а вот Антея (несомненно, это она скрывалась под именем миссис Рэн) — совсем другое дело.

— Вы знали ее кавалеров? — спросил он. — Альберта Уэстморленда? Тома Гоби? Пола Фаррингтона?

— О, почти со всеми с ними знакома, — сказала она, поигрывая густым светлым локоном. — Ягнята. Все, даже этот Берти Уэстморлэнд, такой весь из себя чопорный, а так и расстился, лишь бы она на него разок посмотрела. Мы обычно ходили в театр все вместе: Берти, его брат, мы с Лоттой и еще их друзья со своими девушками... Очень трудно было удержаться и не высосать кого-нибудь из них прямо там, где-нибудь в темном уголке. Это все равно что запах жареных сосисок, когда ты голоден... Главное, так просто...

— Такую штуку можно было проделать только однажды, — заметил Эшер и получил в ответ раздраженный взгляд из-под длинных ресниц.

— Вот и Лайонел сказал то же самое. Как бы тебе ни хотелось, если вокруг люди и кто-нибудь может узнать — не смей. — Она скользнула к Эшеру вплотную, и он ощутил аромат ее духов и запах крови, выдохнутый вместе с фразой: — Но здесь нет людей — и никто не узнает.

Она потрогала язычком кончики клыков; ее пальцы, согретые недавно выпитой кровью, скользнули по его руке. Глаза ее были устремлены на его горло, защищенное серебряной цепью. Эшер не имел возможности отвести взгляд, но он чувствовал, что Эрнчестера в подвале нет. Возможно, граф не так уж и заботился о сохранности его жизни.

— Исидро узнает, — напомнил он ей. Она бросила его руку и отвернулась. Плечи ее передернулись.

— Испанское отродье!

— Боишься его?

— А ты нет? — Она повернула к нему ангельское личико и одарила далеко не ангельским взглядом. Губы ее скривились. — Ты думаешь, он будет защищать тебя от Лайонела всегда? Только пока ты ему нужен! На твоём месте я бы так не торопилась с поисками.

— А я бы как раз советовал поторопиться, — промурлыкал тихий голос Исидро.

Обернувшись, Эшер увидел испанца, стоящего совсем рядом. Краем глаза он заметил, что Хлоя вздрогнула. Следовательно, тоже не видела, как он подошел.

— Ну так, — продолжал дон Симон, — примем все как есть, а не как бы нам хотелось. Вы здесь теряете время, Джеймс.

— Напротив, — возразил Эшер. — Я узнал много нового.

— Именно это я и имел в виду. Не стоит запираť конюшню, если лошади уже убежали. Так что позвольте мне вас отсюда выпустить. Комнаты Кальвара находятся наверху — во всяком случае одна из них. Мне известно местонахождение еще двух его укрытий, но их, конечно, могло быть и больше.

— Сплошные секреты, — сказал Эшер, первым поднимаясь по спиральной лестнице. — Это в районе Ламбета?

— Ламбет? Нет, насколько я знаю. — Спиной Эшер чувствовал острый взгляд холодных желтых глаз.

Они снова выбрались в захлавленную комнату. Эшер шел не оборачиваясь и, как ни напрягал слух, шагов Исидро и Хлои услышать не мог — один лишь шелковый шорох юбок. Видимо, Эрнчестер покинул подвал, как только там появился Исидро, ибо графа нигде видно не было. И в самом деле, Чарльз и Антея ждали их в передней маленькой комнаты на втором этаже. Лампы с плафонами из красного стекла сделали лица вампиров почти человеческими — если бы не этот их особенный мерцающий взгляд.

— Я уверен, вы еще не спите в этом здании, Хлоя? — осведомился Исидро, когда девушка поставила лампу на стол.

— Нет, — сердито ответила она. Отошла в угол и уселась там на резной, обитый ситцем стул. Комната была обставлена мебелью разных стилей, пухлые кресла дисгармонировали с лакированным секретером, заставленным книгами. В отличие от предыдущих резиденций вампиров, виденных Эшером, комната не поражала изобилием вещей. Сквозь приоткрытую дверь за креслом леди Антеи виднелась крохотная спальня с наглухо завешенным окном, наверняка снабженным ставнями. Гроба нигде видно не было, и Эшер предположил, что он должен стоять где-нибудь в гардеробной.

— Лайонел ушел, — мягко сообщила леди Эрнчестер. Ее чайного цвета глаза были устремлены на Эшера. Она вновь уложила волосы, скрыв следы схватки с Гриппеном, и, естественно, сменила платье. Теперь на ней был костюм из пурпурно-черной тафты, возможно, сшитый в мастерской Минетты. — Вы приобрели опасного врага. Он сильно обжег руку, коснувшись вашей серебряной цепи.

Эшер отметил втайне, что это был хороший урок хозяину вампиров, но, разумеется, мыслью этой не поделился. Тело его ныло и болело до сих пор от удара о стену. Он напомнил себе, что положение его было по-прежнему отчаянно опасным, и все же отсутствие Гриппена его немного взбодрило. Он осмотрел секретер, стоящий как раз под газовым рожком, открыл ящики. Все они были пусты.

— Это работа Лайонела, — снова подала голос Антея. — Он сказал мне, что сделал то же самое в доме Недди.

— Вот он-то как раз запирает конюшню, когда лошади уже убежали. — Эшер повернулся и принялся внимательнейшим образом осматривать помещение: от французских книг на полке до подушек дивана с верблюжьей спинкой. Искоса он взглянул на Исидро, стоявшего рядом с креслом Антеи. — Если серебро так скверно на вас действует, то как же вы расплачиваетесь с портным?

— Спросите у любого джентльмена, как это делается, — с легкой улыбкой сказала Антея. — Можно годы, если не столетия, ни разу не прикоснуться к монете. Раньше мы

использовали золото. Банкноты и прочие ценные бумаги явились для нас поистине Божьим даром. Хотя можно пользоваться и серебром, только, конечно, в перчатках.

— В кожаных, — бесцеремонно вмешалась Хлоя. — И не замшевых каких-нибудь — из толстой кожи. А шелк эта штука прожигает насквозь.

— В самом деле? — Антея чуть приподняла брови. — Не замечала.

Исидро воздел длинную узкую ладонь. — Я подозреваю, что с возрастом реакция на серебро становится не такой страшной. Если бы вы, Хлоя, схватились за цепочку, как Гриппен, руку у вас раздуло бы до плеча и вы бы в придачу долго болели. Так было и со мной как раз накануне большого пожара. Удивительно все-таки хрупкая штука эта наша псевдоплоть.

— Помню, — медленно произнесла Антея, — как я первый раз коснулась серебра — это было шитье на одном из моих новых костюмов. Я не сразу поняла, что это за жжение, но потом долго болела. Страшная жажда и невозможно охотиться. Чарльзу пришлось делать это за меня — приводить... — Она замолчала внезапно и отвела взгляд. Прекрасное лицо ее было бесстрастно.

Поразмыслив, Эшер пришел к выводу, что приводимые в Эрнчестер-Хаус жертвы должны были, во-первых, быть людьми, поскольку вампиры питаются не только кровью, но и агонией человека, а во-вторых, обладать очень податливой психикой.

— Детишек, что ли? — Смех Хлои был холоден и звонок. — Боже, ты могла бы добраться до моих братишек и сестренки — у нас в семье этого добра хватало с избытком. Подумать только, каждый из них давно расплодился... — Она оборвала фразу и тоже отвернула кукольное личико. Потом изобразила вздох. — Странно... Вижу девчонок, с которыми когда-то работала в опере — уже старенькие, не то что танцевать — моряка на улице подцепить не могут. А я вот могу заявиться в оперу хоть сейчас — и примут в балет, представляешь? Старый Гарри меня наверняка узнал бы. А вот его самого уже узнать трудно...

Она снова замолчала, глаза ее были устремлены куда-то далеко-далеко, в прошлое. Точно так же недавно Антея видела себя стоящей на Харроу-Хилл над горящим Лондоном, и раскаленный ветер овеивал ее тогда еще смертную плоть.

— Забавно все это, вот что, — странно изменившимся голосом произнесла Хлоя.

Эшер почувствовал легкое помутнение в мозгу — это Хлоя пыталась уйти незаметно.

Антея быстро взглянула на мужа, и тот последовал за девушкой, причем куда более бесшумно и неувлимо.

— Становится легче, — мягко сказала графиня, снова поворачиваясь к Эшеру, — когда все, кого мы знали, уйдут из жизни. Тогда они ни о чем уже вам не напомнят. — Ее темные брови сдвинулись, вновь придав ее лицу совершенно человеческое выражение. — Даже для бессмертного возраст значит многое.

Она встала и скользнула из комнаты; коротко прошуршала темная тафта.

Некоторое время Эшер стоял у очага, скрестив на груди руки, и разглядывал Исидро в янтарно-розоватом свете ламп. Вампир по-прежнему стоял у опустевшего кресла и задумчиво смотрел на дверь. Эшеру представилось, что Исидро вслушивается сейчас в легкие шаги леди, безошибочно различая их среди лондонского шума — грохота колес на Солсбери-Плейс, рева Флит-стрит, подземной дрожи метрополитена, шелеста реки под парапетами набережной и голосов людей, что толпятся сейчас на ночных мостовых.

Наконец Исидро заговорил:

— Хлоя переживает опасное время. — Загадочные глаза вновь были устремлены на Эшера. — С вампирами это бывает. Существуют периоды ломки — я и сам прошел через это, через некоторые из них... Когда вампиру лет тридцать-сорок, он видит, как знакомые его стареют, уходят из жизни, становятся неузнаваемыми. А еще лет через сто уходит в прошлое целый мир, не оставляя даже мелочей, столь тебе дорогих. Все вокруг становится чужим, незнакомым, и тогда легко затосковать, утратить осторожность и не заметить, что солнце уже встает.

Он взглянул на Эшера, и что-то вроде горькой усмешки обозначилось в уголках его тонкого рта.

— Иногда мне кажется, что Чарльз и Антея немного устали. Они изменяются вместе с миром, как нам и подобает, но делать это им становится все труднее и труднее. Меня самого бесит нынешняя грубость продавцов и эта фабричная сажа, застилающая небо. Мы, как струльдбругги доктора Свифта, старые люди и склонны к бессмысленным разговорам о старине. От времен короля Чарльза почти ничего не сохранилось, а от моих времен — и вовсе ничего. Кроме Гриппена, разумеется. — Улыбка стала сардонической. — Каков компаньон для бессмертия?

Он подошел к камину, возле которого стоял Эшер, и задумчиво пошевелил носком дорогого ботинка белый бумажный пепел, подобный тому, что украшал холодный очаг Недди Хаммерсмита.

— Сюда, естественно, входят и первые годы существования, — добавил он иронично, — когда вампир подвергается страшным опасностям просто по неопытности.

— Вас учил Райс Менестрель?

— Да. — Впервые Эшер видел, как янтарные глаза Исидро несколько смягчились. — Он был хороший мастер, хороший учитель. В те времена, понимаете ли, выжить было гораздо труднее, ибо люди в нас верили.

Эшеру хотелось бы разузнать об этом подробнее, но сейчас был вопрос поважнее.

— Вы знаете, что Кальвар сотворил собственного птенца?

Взгляд Исидро вновь стал острым, тонкие ноздри дрогнули.

— Он — что?

— Сотворил птенца, — сказал Эшер.

— Как вы узнали?

— Я разговаривал с этим его творением, — сказал Эшер. — Некто Забияка Джо Дэвис родом из Ламбета или его окрестностей. Он пригрозил, что прикончит меня, если я расскажу о нем кому-нибудь, и в первую очередь — вам. Вы, кажется, — добавил он сухо, — пользуетесь определенной репутацией среди равных.

— Вы что же, считаете равными, — холодно осведомился вампир, — меня и весь этот сброд проституток, торгашей и портовых грузчиков? Фаррены — еще куда ни шло, да и у него, если быть до конца честным, дед выскочил в бароны непонятно каким образом...

— Ну хорошо, среди ваших товарищей, — исправился Эшер. — В любом случае я уверен, что вы меня защитите. Дэвис сказал, что его отслеживают. Я собираюсь встретиться с ним попозже, чтобы он провел меня еще в один дом Кальвара.

Исидро кивнул. В бледных глубинах глаз виделась некая настороженность.

Эшер еще раз осмотрел секретер, пробежал пальцами по всем его пустым отделениям. Но нет, осторожный Гриппен, разумеется, сжег все до последнего адреса, уничтожив все следы, позволившие бы такому, как Эшер, выйти в итоге на другой тайный подвал со спящим в гробу хозяином. Эшер оглянулся на вампира, молчаливо стоящего в мягком свете ламп.

— Я не настаиваю на этом разговоре, — продолжил он, помолчав. — Но сегодня ночью я выяснил кое-что о Кальваре, кое-что о других вампирах. И я понимаю теперь, почему вы все это время меня обманывали. Гриппен прав. Нужно быть глупцом, чтобы нанять человека для поисков вашего убийцы, не скрывая при этом, что сами вы, по сути, убийцы людей. И все же вы меня наняли. Значит, в глубине души вы уверены, что убийца — вампир.

Глава 9

— Не понимаю, как такое может быть. — Прогуливаясь, Лидия обняла себя скрещенными руками за плечи; несмотря на выглянувшее после полудня солнце, в Гайд-Парке было сыро и холодно. По контрасту с коричнево-красными тонами пальто рыжие волосы Лидии, покрытые самой неприметной шляпой из ее огромной коллекции, казались

удивительно светлыми. Очки блеснули, как гелиограф, когда она повернула голову. И все равно она показалась бы ошеломительно юной и беззащитной любому, кто не видел ее в анатомичке со скальпелем в руках.

Эшер, идя рядом с ней, рассеянным взглядом окидывал коричневатые пространства газонов и кусты по обеим сторонам дорожки. Гуляющих было мало. Ночью был дождь и, кажется, собирался снова. Несколько одетых в черное нянюшек, поглядывая на наползающие тучи, торопили своих питомцев. Другой публики видно не было.

— Исидро тоже не понимает, — сказал Эшер. — И все-таки он заподозрил, что убийцу надо искать не среди людей. Вот почему он нанял человека, причем такого, кто бы мог во все это поверить и действовать достаточно самостоятельно. Вот почему он сразу сказал мне, кто он такой, хотя все вампиры были против этого. Думаю, что и некоторые другие вампиры могли заподозрить то же самое. Ни один человек не сможет выследить вампира — он его просто не увидит, во всяком случае, не сможет удержать в поле зрения. — Ты же смог, — возразила она. Эшер покачал головой.

— Необученного птенца. — Его взгляд пробежал вдоль деревьев; как Забияку Джо Дэвиса, его теперь пугали тени, шорохи, движения травы...

— Забияка Джо Дэвис так и не появился?

— Нет. Мы с Исидро ждали его до рассвета. Конечно, он мог заметить его и улизнуть, но я в этом сомневаюсь. Полагаю, укрытие Кальвара находилось где-нибудь в Ламбете; хорошо бы просмотреть список проданных домов, начиная с февраля, — в это время Кальвар прибыл сюда из Парижа. Если он пытался утвердиться в Лондоне (а он собирался это сделать, коль скоро начал творить собственных птенцов), то должен был начать с приобретения недвижимости.

Некоторое время они шли в молчании; ветер играл шарфом Эшера и полами пальто Лидии.

Она кивнула.

— Интересно, все ли вампиры засыпают в одно и то же время. Я имею в виду — впадают в глубокий сон. То, что они были сожжены солнечным светом из окон, еще не означает, что окна были открыты именно днем.

— Я полагаю, если убийца вампир, действующий рано утром или поздно вечером, — сказал Эшер, — то ему необходимо хотя бы полчаса, чтобы потом добраться до укрытия. Эта версия сразу бы решила множество вопросов: например, почему убийца верил в вампиров еще до того, как начал их уничтожать.

— Во всех книгах вампира убивают колом в сердце, — задумчиво заметила Лидия. — Голова Лотты была отрублена. Если это было сделано до восхода, то почему она не проснулась, когда сняли крышку гроба? Ты уверен, что мне нельзя залезть к тебе в карман?

— Абсолютно уверен, — сказал Эшер, и сам борясь с желанием пойти с ней совсем рядом или взять за руку. — Все за то, что убийца — вампир, и все же рисковать не стоит даже при свете дня...

Она посмотрела на него жалобно сквозь школярские очки.

— Я могу притвориться воришкой. Или я споткнусь, а ты меня поддержишь. Или упаду в обморок. — Она драматически поднесла руку в перчатке к брови.

— Я чувствую, мне уже дурно...

— Нет, — твердо сказал Эшер и усмехнулся.

Она нахмурилась и сунула руки в муфту.

— Очень хорошо, но когда в следующий раз дядя Амброуз снова заведет о Платоне и платонических отношениях, я ему скажу пару слов... Неудивительно, что дон Симон не очень-то озабочен твоим возможным союзом с убийцей. Ты еще не отказался от этого плана?

— Не знаю, — сказал Эшер. — Всякое может случиться. Однако тот факт, что он — или она — их убивает, еще ни о чем не говорит. Может, он и меня убил бы с той же готовностью, подвернись такая возможность.

«Или тебя», — добавил он про себя. Оба шли, не приближаясь друг к другу, и Эшер

невольно вспомнил героиню известной легенды, отделенную от героя обнаженным мечом.

Сырая дорожка слегка поскрипывала под их шагами. На серой лужайке залаял пес; звук далеко разносился в холодном воздухе.

— Ты не знаешь, сколько требуется солнечного света, чтобы разрушить их плоть?

Эшер покачал головой.

— Я вчера спрашивал Исидро. Честно говоря, он меня удивил. Сам он попал под солнечные лучи утром второго дня после большого лондонского пожара в 1666 году. Он говорит, что тончайший серый утренний свет (до восхода) сжег ему лицо и руки, как если бы он сунул их в топку. И более того — грудь, часть ног сквозь одежду были поражены точно так же. Согласно леди Эрнчестер, шрамы у него не сходили около пятидесяти лет.

— Но однако сошли, — задумчиво пробормотала Лидия. — Итак, плоть вампиров регенерируется...

Напряженно о чем-то размышляя, она смотрела в серо-белое утреннее небо.

— Сам он при мне употребил слово «псевдоплоть», — сказал Эшер.

— Интересно. — Она отцепила длинную прядь, запутавшуюся в кружеве воротника. Эшер, чтобы избежать соблазна в чем-либо помочь ей, держал руки в карманах. — Дело в том, что я получила от Эвелина локон Лотты. Я взглянула на него и на позвонок в мой микроскоп, и они выглядят... Словом, хотелось бы посмотреть на них при большем увеличении. Кость сильно повреждена, зато волосы... Все это надо исследовать на субклеточном уровне, и обязательно кровь.

«Всенепременно», — подумал Эшер. Сам он воспринимал вампиров скорее с лингвистической и исторической точки зрения — в те минуты, конечно, когда они не собирались перервать ему горло. Для Лидии вампиризм был прежде всего медицинским феноменом.

— Ты знаешь, как происходит окаменение дерева? — спросила она, когда они приблизились к мраморной арке и повернули обратно — две заурядные фигуры среди широких парковых лужаек. — Все эти ископаемые рыбы, папоротники, динозавры в кембрийских слоях... Происходит процесс замещения органики неорганическими веществами — постепенно, клетка за клеткой. Сейчас существует много работ относительно вирусов — микробов настолько маленьких, что мы их пока не можем увидеть даже в микроскоп. Тем не менее они могут воздействовать на ткани на субмолекулярном уровне. Я прочла массу статей Хориса Блейдона (когда я у него училась, он как раз занимался вирусами). И я думаю: а что, если бессмертие вампиров обусловлено именно замещениями молекул в клетках под воздействием какого-то вируса? Это бы сразу объяснило и повышенную светочувствительность, и аллергию на серебро, а также на некоторые виды деревьев и чеснок. Набиваешь ли рот вампиру чесноком или же пронзаешь его сердце деревом с аллергенными свойствами — все равно ты парализуешь его центральную нервную систему...

— А передается этот вирус через кровь, — усмехнувшись, добавил Эшер.

— Все легенды утверждают, что вампиром становишься от укуса вампира. Только вот сами вампиры почему-то уверены, что вампиров «делают», «творят». Эрнчестер сообщил, что Гриппен запретил кому-либо еще «творить птенцов», однако Кальвар без особого труда инициировал Забияку Джо Дэвиса.

— Инициировал, но не обучил, — задумчиво сказала Лидия. — А только ли отсутствие обучения сделало беднягу таким неловким, что ты смог его заметить? Может быть, психические возможности этого вирусного синдрома развиваются лишь со временем? Какого возраста были убитые вампиры?

— Это еще один интересный момент, — сказал Эшер. — Лотта стала вампиром где-то в середине семнадцатого столетия. Хаммерсмит и Кинг моложе, каждому было примерно по сто лет. Возраста Кальвара я не знаю. Одна из многих вещей, — добавил он сухо, — которых мы не знаем о Кальваре.

— Валентин Кальвар, — пробормотал Исидро, развалившись на потертом кожаном сиденье

двухколесного кэба. Чем-то он напомнил Эшеру бледно-рыжего кота, столь старого, что шерсть на нем стала почти белой. — Забавно, почти все нити ведут к Кальвару.

— Он был первой жертвой — предположительно, — сказал Эшер. — По меньшей мере, первой жертвой в Лондоне. Единственной жертвой не из Лондона. Наконец, единственной жертвой, чье тело так и не было найдено. Что вы о нем знаете?

— Меньше, чем хотелось бы, — ответил вампир; его мягкий голос тонул в уличном грохоте и гомоне толпы, движущейся к театру Друри-Лейн. — Он был, как я уже говорил, одним из парижских вампиров и прибыл в Лондон восемь месяцев назад.

— Зачем?

— Этой темы он предпочитал не касаться.

Голос вампира остался бесстрастным, и все-таки Эшер уловил в нем некий оттенок раздражения. Надо полагать, должного почтения дону Симону Кальвар не оказывал.

— Я так понимаю, что к аристократии он отношения не имел?

— Те, что выдают себя сегодня во Франции за аристократов, — надменно проговорил Исидро, — недостойны смахивать крошки со столов тех, на чье достоинство они претендуют. Вся благородная кровь была там пролита в канавы плас Луи Куинз — простите, плас де ля Конкорд — сто семьдесят лет тому назад. А нынешние аристократы — это либо потомки беглецов, либо потомки приспешников этого кондотьерри Наполеона. Едва ли кто-нибудь из них имел благородных предков.

Помолчав, он продолжил:

— Да, Кальвар выдавал себя за аристократа. Поступок совершенно в его духе.

— Как долго он был вампиром?

Исидро подумал.

— По моим предположениям, менее сорока лет. Эшер удивленно приподнял брови. Подсознательно он полагал, что между возрастом вампира и его властью существует прямая зависимость. Существуют два старейших вампира — Исидро и Гриппен, — а остальные склоняются перед ними в страхе. Те, что помоложе — Забияка Джо Дэвис или оперная танцовщица Хлоя — казались слабыми, а то и просто жалкими.

— Взвесьте сами, — спокойно предложил Исидро. — Париж пребывал в состоянии непрерывного хаоса с момента низвержения Бурбонов. Тридцать пять лет назад он испытал прусскую осаду, обстрел, мятеж и, наконец, правительство, если так может быть названа шайка мятежников, учредивших Коммуну и расправлявшихся со всеми, кого подозревало в измене — читай, в несогласии с их идеалами. Вампирам больше по нраву спокойное, благополучное общество. Волки не охотятся в горящем лесу.

«В самую точку», — хмуро подумал Эшер. Во время восстаний в провинции Шантунг ему только и доставало что красноглазых упырей, подбирающихся к нему среди обугленных развалин лютеранской миссии, где ему приходилось прятаться. Спустя момент он спросил:

— А как Гриппен отреагировал на появление Кальвара?

Исидро переждал, пока их экипаж минует запруженный народом мост Ватерлоо. Ломкий слабый дождь шелестел по туго натянутой кожаной крыше кэба. Он начался еще после полудня, когда Эшер сидел в Государственном архиве, выясняя, не покупалась ли в Ламбете за последние восемь месяцев какая-либо недвижимость Валентином Кальваром, Кретьеном Санглотом или (тоже вполне вероятно) Джозефом Дэвисом. Теперь же целый город пропах влагой, озоном, выхлопными газами, конским пометом и едким запахом реки.

— Не слишком радушно, — сказал наконец Исидро. — Видите ли, мы, вампиры, находим путешествия разрушительными для психики. В душе мы консерваторы. Отсюда миф, что вампир должен покоиться в родной земле. Скорее, он должен иметь безопасное убежище, а такие места в дороге найти весьма трудно. Кальвар, естественно, слышал и о Гриппене, и обо мне. Когда он прибыл, он нанес визиты, как вы бы это назвали, и не пил человеческой крови, пока не встретился с хозяином городских вампиров.

— С Гриппеном, — сказал Эшер. — Не с вами.

Впервые он видел, как в желтых глазах испанца сверкнули раздражение и гнев.

— Именно так, — мягко сказал Исидро.

— Но почему?

Исидро лишь повернул слегка голову, надменно оглядывая из-под приспущенных век толпы, запрудившие мостовые.

— Я все время слышу: «выводок Гриппена», «птенцы Гриппена», — настаивал Эшер. — Лорд Эрнчестер, Антея, Лотта, Хлоя, Нед Хаммерсмит... Даже Дэнни Кинг, хоть он был верным и любимым слугой Фарренов, даже его сотворил Гриппен «по просьбе Чарльза». Согласно Антее Фаррен, вы с Гриппеном были сотворены одним и тем же мастером, примерно в одно и то же время. Почему он, а не вы хозяин Лондона?

В памяти всплыло лицо леди Антеи. Она предупредила его, вырвала его из лап Гриппена, удерживала разъяренного вампира, давая возможность Эшеру убежать. Хотя и она, и муж ее были, по словам Забияки Джо Дэвиса, «рабами Гриппена».

Почему рабами?

Какое-то время Эшеру казалось, что Исидро оставит вопрос без ответа. Но через некоторое время вампир заговорил, не поворачивая головы:

— Может быть, потому что я не хотел себя утруждать.

Знакомые нотки превосходства на этот раз отсутствовали — голос прозвучал устало и как-то очень по-человечески. А может быть, это лишь показалось Эшеру.

— Бросать вызов Гриппену — дело хлопотное, а подчас и опасное. Но не могу же я бороться за первенство с крестьянином! Кальвар столь привередливым не был. Он поклялся в верности Гриппену, но уже тогда было ясно, что он не горит желанием подчиняться нашему лекарю...

— Лекарю? — резко спросил Эшер, и Исидро задержал на нем свой холодный равнодушный взгляд несколько дольше обычного.

— Лайонел Гриппен был доктор медицины и считался в то время весьма ученым, хотя как практикующий врач ничем особенным не выделялся. После того, как Гриппен стал вампиром, он еще лет двадцать принимал пациентов. Теперь читает журналы, курсы лекций и мечет их в бешенстве по комнате, не найдя там ничего знакомого. Хотя я понимаю, — добавил он, — минуло уже два столетия с тех пор, когда он что-то мог.

— А он и вправду мог? — Эшер задумчиво огладил усы. — Вы не знаете, у него ничего не осталось от старых его работ?

— Сомневаюсь, что оригиналы еще существуют, хотя он мог бы почерпнуть куда больше из более поздних источников. — Вампир разглядывал теперь Эшера с интересом, чуть склонив голову к плечу; нежные бесцветные волосы подрагивали в такт толчкам экипажа.

— Интересно, — сказал Эшер. — Здесь, кэбби! Останови!

Кэбмен натянул вожжи и выругался, поскольку ему теперь предстояло выбраться из самой гущи транспорта, движущегося с моста Ватерлоо. Прохожих здесь тоже было предостаточно. Исидро выскользнул из кэба и исчез среди движущихся силуэтов. По приказу Эшера возница снова тронул лошадь, ворча что-то о щеголях, которым жизнь не дорога. Они пробирались в мешанине кэбов, повозок, омнибусов, пешеходов мимо строящейся станции Ватерлоо — Дантовам видения из кирпича, лесов и дыма. Как только кэб выбрался из общей давки, Эшер вынул из кармана просторного пальто толстый сверток. На скромной этикетке значилось: «От Ламберта».

Озябшими пальцами он извлек две серебряные цепи, подобные той, что висела у него на шее под накрахмаленным воротничком. Обе застегивались на запястьях с помощью хитроумного замка, но не у Исидро же было просить помощи! Эшер задвинул их поглубже под манжеты и снова натянул перчатки — ночь была не только сырая, но и холодная. В свертке была еще одна вещь — серебряный нож для разрезания книг, выполненный в форме кинжала. Сделав покупку сегодня после полудня, Эшер просто не имел времени наточить лезвие и, честно говоря, сомневался, что это вообще возможно. Но во всяком случае, острое

вполне могло пронзить плоть. Гарды у ножа не было, как у шотландского кинжала, и он очень хорошо укладывался в ботинок.

Эшер расплатился с кэбменом перед самой станцией. Возница, ворча, хлестнул кнутом свою клячу и растворился в толпе не хуже вампира.

Какое-то время Эшер стоял на открытом освещенном месте, вслушиваясь в визг трамваев, шипение пара, громкие голоса пассажиров и подземный рокот метрополитена. От усталости его слегка пошатывало, ибо вчера, после возвращения из Эрнчестер-Хауса, он еще ждал в переулке Забияку Джо Дэвиса и отправился в парк на встречу с Лидией, поспав всего несколько часов. Он намеревался вздремнуть днем, но визит в архив, а затем в магазин Ламберта отняли слишком много времени.

И вот он стоял, усталый и продрогший, вспоминая, когда же он последний раз спал всю ночь целиком. Мимо него к платформе прошла женщина в одежде из светлой шотландской ткани. Эшер вспомнил белокурую пассажирку с двумя детьми на перроне в Оксфорде и зябко передернул плечами.

За границей — «в поле», как он и его коллеги вежливо называли места, куда они отправлялись с лицензиями на кражи и убийства — железнодорожная станция считалась для агента Божьим даром, тем более такая огромная, как Ватерлоо, хотя половина ее платформ еще строилась: тысяча путей для бегства и настолько обезличенная толпа, что можно толкнуть плечом родного брата и не встретиться с ним глазами. Вне всякого сомнения, охотничье угодье вампиров.

Надвинув котелок на глаза и ссутулив осыпаемые мелким дождем плечи, он двинулся по темной мокрой мостовой в направлении Ламбет-Кат.

Когда он пересек этот запущенный убогий бульвар, чувство подавленности усилилось. Толпы вокруг театров и питейных заведений были не меньше, чем у станции, но гораздо шумнее. Музыка плыла из открытых дверей; мужчины в вечерних костюмах толклись в проходах с женщинами, чьи распахнутые дождевые плащи открывали светлые тона платьев; в свете ламп сверкали бриллианты — иногда настоящие, иногда фальшивые. То же самое можно было сказать и о женских улыбках. Временами одиноко стоящие женщины окликали Эшера или еще кого-нибудь из толпы, употребляя характерные словечки, заставляющие вспомнить Забияку Джо Дэвиса. Вежливо улыбаясь, касаясь пальцами шляпы и отрицательно качая головой, он думал о том, что одна из них вполне могла оказаться сестрой Дэвиса — Мадж.

Вот еще одно идеальное место для охоты.

Он почти ощущал присутствие этих тихих убийц, пьющих людские жизни, как сообщил ему Исидро, примерно раз в пять дней. Он отмечал возможность встречи с ними почти автоматически, как привык отмечать мельчайшие подробности в облике собеседника, обращая внимание на обувь, манжеты, руки.

В его памяти эхом отозвался взреывающий голос Хориса Блейдона в пропахшем карболом анатомическом театре Рэдклиффа:

— Я расскажу вам о том, что обязательно приключится с вами, если вы закончите курс и станете докторами, в чем, глядя на ваши бледные лица, я сильно сомневаюсь. Вы утратите навсегда прелесть жизни. Глядя на девичий румянец, вы будете думать о чахотке. Слыша смех вашего толстого дядюшки, вы обязательно решите, что старику грозит апоплексический удар. Перечитывая Диккенса, вы будете ставить диагнозы его героям.

— Крайне неудачный пример, — заметила тогда Лидия, направляясь к дверям, возле которых ее ждал Эшер. — Глядя на его комплекцию и преждевременную седину, ждешь, что его самого вот-вот хватит удар. Я удивлюсь, если наш богоподобный Деннис не станет таким же лет через двадцать.

И Эшер, угнетаемый сознанием собственной неприметности и приближением так называемых средних лет, почувствовал себя после этих слов гораздо бодрее.

Но вот реакцию Лидии на встречу с вампирами старый Блейдон, можно сказать, предугадал в точности.

С бульвара он повернул на Лоуэр-Дич-стрит, грязный проезд, где лишь несколько газовых фонарей слегка рассеивали дождливую мглу. Это был район крошащихся кирпичных террас и магазинов с наглухо закрытыми ставнями — угрюмых, тесных и грязных. Улица была темна, и только возле питейного заведения на мостовую падал желтоватый свет. В шорохе дождя шаги Эшера звучали негромко. В середине квартала он нашел нужную дверь: номер 216. Света в окнах не было. Подняв голову, Эшер увидел глухие тяжелые ставни. На двери висел замок.

Долгое время он стоял перед дверью, прислушиваясь, словно пытался — подобно вампирам — почуять опасность на расстоянии. Кости от усталости и недосыпа ныли так, будто он скатился недавно с лестницы. Забияка Джо Дэвис говорил, что за ним следят. Убийца, вампир, невидимый даже для вампиров, вполне мог затаиться возле темного дома, ожидая, когда Эшер войдет в тень.

Эшер представил с невеселой усмешкой, что вот он возвращается сейчас в переулок, выводящий на Лоуэр-Дич-стрит, и сталкивается там с Дэвисом, который тоже его поджидает. Вряд ли новорожденный вампир мог углядеть прошлой или этой ночью дона Симона, но уж его-то, Эшера, он наверняка должен был заметить...

Эшер оглянулся на темную расселину переулка. Там, естественно, никого видно не было. Вспомнилась вдруг картинка, нарисованная для него индейским охотником из племени апачей, — чистый лист, пересеченный линией горизонта, пара камешков и сбоку кактус. А подпись гласила: «Аризонский пейзаж с апачами».

Он достал из ботинка серебряный нож, сунул в рукав. Дом 216 по Лоуэр-Дич-стрит был приобретен Кретьеном Санглотом три месяца назад, то есть (предположил Эшер) перед самой встречей француза с Забиякой Джо Дэвисом.

Он осторожно двинулся в обход; вода капала с полей шляпы, забиралась под воротник. Резко зашуршало в мусорном ящике неподалеку, крохотные красные глазки раздраженно сверкнули из темноты. Переулок был неописуемо замусорен; отбросы и помои слились в подобие доисторической хляби под мерно сыплющимся дождем.

Отсчитав нужное количество дворов, Эшер легко нашел номер 216 и без труда проник на территорию дома через пролом в ограде. Под ногами разъезжалась красноватая глина; в глубине двора виднелись какие-то полуобрушенные сараи. «Палаты лордов» — так иронически именовались в некоторых районах Лондона подобные строения...

Дождь шел все слабее. Эшер напрягал слух, ловя малейший звук, малейший признак опасности.

Во дворе он почувствовал себя увереннее. Забияка Джо с его неуклюжестью вряд ли сумеет подобраться к нему по такой грязи неслышно. Но вот окажись он в доме (если, конечно, Дэвис видел его с Исидро), то можно заранее считать себя мертвым.

Мокрое дерево заднего крыльца всхлипнуло под ногой. Дверь смутно обозначилась перед ним в полумраке. Замка на ней не было. Эшер осторожно надавил на ручку. Дверь скрипнула, открываясь вовнутрь.

— Подождите, пока я зажгу газ, — послышался из темноты тихий голос Исидро, и Эшер вздрогнул, едва не выскочив из собственной кожи. — Я думаю, вам стоит на это взглянуть.

Глава 10

Крошечная золотая вспышка прорезала темноту, на секунду ослепив Эшера; запах серы обжег ноздри. Но Эшер уже успел различить и другие до тошноты знакомые запахи: зола, удушающий смрад горелой плоти, гниение и пыль.

Свет вздулся над газовым рожком и разошелся по квадратной грязной комнате.

Гроб стоял в пяти футах от Эшера, застывшего в дверях, полный золы и костей. Показалось, что костей на этот раз слишком много, но подойти и проверить Эшер пока не спешил. Вместо этого он оглядел каменный пол возле гроба и оглянулся на Исидро,

стоящего у плиты, затем — на лужу, натекающую с его шотландского плаща, что лежал рядом, брошенный на покоробленную деревянную стойку. Мокрые следы на полу говорили о том, что дон Симон, войдя в комнату, все это время стоял, не двигаясь с места. Больше влаги на полу нигде не было.

— Не многовато ли, — тихо сказал он, — для вампира, который остается бодрствующим чуть дольше своих собратьев? Дождь не прекращался с утра. Почва даже в полдень не просыхала.

Он прошел мимо гроба к чернеющей двери подвала, доставая из кармана увеличительное стекло. Свежие царапины были хорошо различимы на пыльном линолеуме; здесь и там виднелась засохшая грязь — отпечатки ног. После краткого осмотра Эшер спрятал лупу и достал измерительную линейку.

— Их было двое, — сказал он, наклоняясь, чтобы замерить расстояние между следами. — Один приблизительно моего роста, другой чуть повыше, если судить по длине шага. Вместе они подняли гроб из подвала в комнату, где был солнечный свет. — Он присел на корточки, изучая смазанные и перекрывающие друг друга следы.

— Ваш друг мистер Дэвис, — пробормотал Исидро. Эшер знал, что вампир собирается подойти к гробу. Преодолев накатившую волну сонливости, он видел, как Исидро сделал два длинных быстрых шага и оказался стоящим над черными останками. — Кости целы.

Испанец наклонился, как марионетка, над гробом и покопался в его содержимом тонкими пальцами. Лицо его было бесстрастно. Эшер подошел к нему с измерительной лентой в руке, и тут Исидро вытянул что-то из обугленных ребер — что-то распадающееся даже при его нечеловечески легких касаниях и слишком длинное для того, чтобы быть костью.

Тут же бросил и, достав из внутреннего кармана шелковый платок, вытер им пальцы.

— Осина, — сообщил он невыразительно. — Сгорела в золу, но сердцевина цела.

Эшер взял длинную тонкую руку дона Симона и повернул ладонью к свету. На белой коже виднелась красноватая припухлость. Пальцы были холодны и с виду очень хрупки. Выждав момент, Исидро убрал руку.

— Работали наверняка.

— Значит, знали, что использовать.

— Это узнал бы любой клоун, имеющий доступ в публичную библиотеку, — ответил вампир.

Эшер кивнул и занялся останками, уделяя особое внимание обугленным костям таза. Дэвис не носил жилета, следовательно, должен был хранить ключи в кармане брюк. Дон Симон был прав насчет непрочности псевдоплоти вампиров, хотя сам скелет в данном случае выгорел не полностью, как это было с Лоттой. Разрубленный шейный позвонок был пугающе чист.

— В чем дело? — тихо спросил Эшер. — Может быть, вампиризм действительно вызывает замещение в клетках обычной живой материи на некую иную, причем процесс начинается с мягких тканей. Может быть, именно поэтому тела молодых вампиров горят, как бумажные, а плоть тех, что постарше, в какой-то степени успела выработать иммунитет к солнечному свету.

— Не думаю, чтобы все было так просто, — подумав, ответил Исидро. — Это сложный процесс, причем в нем участвует не только физиология, но и психика. Но в целом все выглядит именно так, как вы сказали. Гриппен лет пятьдесят-семьдесят назад получил куда большую дозу солнечного света, чем я в свое время, и шрамы, как видите, почти сошли. Да, с возрастом мы становимся терпимее к солнцу. Но, конечно, лишь до определенной степени.

Карие и бледно-золотистые глаза встретились. В молчании человек и вампир смотрели друг на друга.

— Сколько лет, — спросил наконец Эшер, — старейшему вампиру Европы?

— Триста пятьдесят два года, — отозвался Исидро.

— Вы?

Дон Симон утвердительно наклонил гордую голову.

— Насколько я знаю.

Эшер пошарил в буфете, нашел там медную лампу и зажег ее от газа, мысленно проклиная лаконичность собеседника и сожалея о том, что электрические осветительные устройства слишком громоздки, чтобы постоянно таскать их с собой. Отпирать здесь было нечего, хотя Эшер извлек из золы целых пять ключей к дешевым висячим замкам. Возможно, Дэвис по примеру Кальвара обосновался сразу в нескольких квартирах. Вместе с Исидро Эшер спустился по лестнице в подвал. Удушающий запах тления и сырой земли волной поднимался навстречу.

— Видите ли, я думал, что убийцей может оказаться Гриппен, — сказал Эшер, и дон Симон кивнул, совершенно не удивившись такой версии. — Полагаю, вы тоже так думали.

— Во всяком случае, это приходило мне в голову. Собственно, поэтому я и решил нанять человека. Дело тут даже не в том, что мне не нравится Гриппея, — просто у него были причины желать смерти Кальвара. Ясно было, что Кальвар собирался утвердиться в Лондоне, хотя мы не знали тогда ни о покупке домов, ни о его птенцах. И следы, оставшиеся в комнате Недди Хаммерсмита, напоминали следы Гриппена.

В конце лестницы они приостановились, и Эшер поднял лампу к низкому потолку, осветив подвал. Свет мазнул по пыльным доскам почти пустого угольного ящика и по пыльным клочьям паутины.

— Мог он причинить вред собственному выводку? Дэвис не был в этом уверен.

— Дэвис не знал Гриппена. — Исидро сделал паузу, легкая морщинка пробежала меж его пепельных бровей. — Вы должны понять, что между хозяином и его выводком существуют весьма прочные связи. И дело тут не только в обучении мастерству — у птенца просто нет ни малейшего шанса выжить без посторонней помощи в мире, где легчайшее прикосновение солнечного света воспламеняет его плоть... — Исидро помедлил, но теперь Эшеру не показалось, что тот подбирает нужные слова — скорее испанец решался выговорить то, о чем он молчал 350 лет. — При создании нового вампира разумы мастера и птенца как бы сливаются. Умиравший из всех сил цепляется за того, кто уже прошел однажды сквозь собственную смерть. По сути дела, — продолжил он, чем-то напоминая демона, пытающегося объяснить, что это значит — жить в окружении темных сил, — «птенец» отдает душу мастеру на подержание, пока... не перейдет грань. Яснее я объяснить не могу.

— Человек должен отчаянно любить жизнь, — сказал Эшер, — чтобы на такое решиться.

— Решиться бывает легче, — заметил дон Симон, — если ваше сердце вот-вот остановится. — Он невесело улыбнулся; лицо его в тусклом свете лампы ожило, став похожим на поблекший, но все же человеческий портрет. — Тонущему все равно, кто бросил ему веревку, — он просто за нее хватается. Но вы понимаете, какое при этом возникает абсолютное превосходство.

Странная, ясная картина возникла в мозгу Эшера: изящный белокурый идадьго в расшитом жемчугом черном камзоле придворного лежит, уронив голову в белые цепкие пальцы маленького седого старичка, стоящего перед ним на коленях. «Как хрупкий паучок...» — сказала Антея.

— Поэтому вы так ни разу и не сотворили ни одного птенца?

Исидро даже не взглянул на него.

— Si, — прошептал он, впервые перейдя на родной язык. Он встретился взглядом с Эшером, и странная, несколько растерянная улыбка вернулась вновь.

— Поэтому и по многому другому. Мастер вечно сомневается в своих птенцах, ибо его превосходство подавляет их и унижает. В некоторых случаях быть вампиром означает беспрекословное подчинение и восторженную, фанатичную преданность одному другому. Вы ведь обратили уже внимание, насколько мы уязвимы и хрупки, и можете представить, какой силой воли следует обладать, чтобы все это выдержать... Да, разумеется, —

продолжил он, весьма неожиданно возвращаясь к начальной теме разговора, — я заподозрил, что Гриппен расправляется с собственными птенцами: с Лоттой — за дружбу с мятежником, с Недди — за безволие и уступчивость; Дэнни Кинг, правда, безоговорочно признавал превосходство Гриппена, но ненавидел за то, что Чарльз и Антея тоже от него зависят. Многие детали указывали на то, что убийца — вампир, а Гриппен просто напрашивался на эту роль. Но здесь, как вы сами говорите, действовали двое убийц, да еще и днем.

Он помолчал секунду, искоса разглядывая Эшера. Затем продолжил:

— Мне кажется, то, что вы ищете, вон там.

Холодные пальцы взяли лампу из рук Эшера, и дон Симон шагнул с последней ступеньки в подвал.

То, что Эшер принял сначала за особенно густую тень, оказалось отверстием прямоугольным проемом пяти футов высотой. Толстая дубовая дверь была распахнута. Они вошли, и лампа осветила старую кладку, средневековый крестовый свод, уводящие вниз истертые ступени каменной винтовой лестницы.

— Когда-то на этом фундаменте стоял торговый дом, — сообщил вампир, пересекая помещение. — Позже здесь располагалась гостиница «Глобус и бык». Подлинная надпись, конечно, была «Благослови Бог», но после того, как здание подожгли головорезы Кромвеля, девиз сильно пострадал и был восстановлен неправильно.

Они спустились по винтовой лестнице в еще один подвал — маленький, голый, круглый, с четырьмя кирпичами, на которых раньше, несомненно, стоял гроб.

— В Лондоне множество таких уголков, — продолжил Исидро. — Дома строились на старых фундаментах спустя долгое время после пожаров, и строители не могли знать о монастырских подвалах и винных погребах.

Эшер подошел к кирпичам, задумчиво изучил их расположение, затем вернулся к лестнице и осветил фонарем первый ее виток. Не произнес ни слова, поднялся по ступенькам, внимательно осматривая стены. Дверь запиралась изнутри. Висячий замок был цел, но петля вырвана из дерева с корнем.

— А снаружи он не запирал подвал, когда уходил?

— Когда он уходил, — сказал Исидро, — чем бы мог поживиться вор в этом подвале? Разве что пустым гробом. — Тихий голос вампира гулко отражался от каменных сводов. — Не сомневаюсь, что это одно из укрытий Кальвара. Дэвис мог знать о нем и прийти сюда, когда убежище потребовалось ему самому.

— Но пользы ему это не принесло. — Эшер почесал ус, выудил из кармана ключи, найденные среди останков Забияки Джо, и начал по очереди примерять к замку. — Просто убийцам прибавилось работы — тащить гроб в кухню, к открытым окнам. — Второй ключ из связки подошел; Эшер отметил его, отправил в карман и снова принялся изучать стены и лестницу. — Кальвар был хозяином Джо и, конечно, использовал его знание района, когда приобретал недвижимость, так что у Дэвиса вполне могли быть дубликаты ключей. — Эшер нахмурился, не найдя того, что искал, даже с помощью лупы. — Дэвис сказал, что Кальвар мертв, и, кажется, был в этом уверен.

— Может быть, он похоронил его, как Антея и я похоронили Дэнни и беднягу Неда Хаммерсмита. Беднягу... — Исидро помолчал, оглядывая узкие ступени. Тонкие брови его чуть сдвинулись. — Но если гроб был вынесен наверх из подвала...

— Совершенно верно. Один человек не мог бы поднять гроб с телом по винтовой лестнице с такой легкостью, что даже не исцарапал стен и косяков. Даже таща его вдвоем, они должны были оставить множество следов. Там, в верхнем подвале, уже достаточно света, чтобы сжечь плоть вампира, так что отдельно они тело и гроб тоже не могли нести. И, наконец, сама дверь.

Дон Симон поднялся к нему по лестнице и осмотрел вырванную с болтами петлю. В охряном свете лампы его глаза, казалось, потемнели — вампир начинал понимать.

— Никаких следов лапки на косяке, — сказал он, и Эшер отметил, что Исидро употребил название гаечного ключа елизаветинских времен.

— Да, — сказал Эшер. — Точно так же, как и следовало. Петля была вырвана простым рывком. И опять-таки, если не ошибаюсь, это лежит за пределами человеческих возможностей.

В наступившей тишине Эшер слышал отдаленный стук дождевых капель по стеклам. Затем Исидро сказал:

— Но это не мог быть вампир. Даже если он был в перчатках, чтобы не обжечься об осиновый кол, его бы сожгло дневным светом.

— Вы в этом уверены? — Эшер вернулся в освещенную газовым рожком кухню. Пустой гроб зиял на изношенном грязном линолеуме пола. В свечном ящике у плиты Эшер нашел огарок, зажег от лампы и двинулся к двери, ведущей в жилую половину дома.

— Кальвар рассказывал когда-нибудь о Париже? О причинах отъезда?

— Нет. — Исидро скользнул вслед за ним — бесшумный призрак в сером костюме. Вспыхнул газ. На полу в передней лежал ровный нетронутый слой пыли.

— Он никогда не говорил о прошлом, даже об относительно недавнем. Может быть, у него были на то причины, как и у многих из нас.

— Вы говорили, когда он «наносил визиты», то воздерживался от убийства людей, пока не встретился с Гриппеном, не присягнул ему на верность и не получил разрешения охотиться. Но, как выясняется, даже необученный птенец мог какое-то время скрываться от двух старейших вампиров Европы.

Исидро молчал.

— Случалось ли вам когда-либо слышать толки о вампирах старше вас? Скажем, старше на сто лет? На двести?

Странное выражение мелькнуло в глубине бледных глаз дона Симона. Он как раз начал подниматься по лестнице на второй этаж; бесцветные волосы мерцали подобно нимбу в свете лампы.

— Куда вы клоните, Джеймс?

— Я думаю о вампиризме, — тихо сказал Эшер. — О медленном перерождении тела — клетка за клеткой — в нечто иное, нежели смертная плоть. И о росте возможностей вампира. Моя жена медик, и я знаю, что такие болезни, как сифилис, чума, оспа часто ведут к перерождению организма, даже если не убивают его при этом.

— Вы рассматриваете вампиризм как болезнь?

— Да. Передаваемую через кровь, разве не так?

— Дело не только в этом.

— Алкоголизм перестраивает мозг, приводя к сумасшествию, — сказал Эшер. — Некоторые болезни разрушают мозг или часть мозга; наконец сам мозг способен влиять на работу всего организма. Это было известно еще до опубликования работ Фрейда об истерии. Если вы бывали в Индии, то должны были видеть, что делают факиры с собственным телом исключительно силой воли. А версия моя такова: что, если вампиризм имеет особенности, проявляющиеся лишь с возрастом? С возрастом, которого не достиг еще ни один из живущих ныне вампиров. И одна из таких особенностей — иммунитет к солнечному свету. Но вы так и не ответили на мой предыдущий вопрос.

Вместо ответа Исидро двинулся дальше, вверх по лестнице. Эшер последовал за ним со свечой. Он зажег газовый рожок в верхнем холле и открыл две двери. Одна вела в прихожую, другая — в спальню. Оба помещения имели нежилой вид.

— Странная вещь, — медленно проговорил Исидро, — но весьма немногие вампиры Европы и, насколько мне известно, Америки достигли возраста двести пятьдесят — триста лет. Сегодня вампиризм — это явление, скорее свойственное городам: здесь больше немущих, и смерть может быть практически незаметна. Правда, города втягивают вампиров в свои катаклизмы...

Он открыл дверь в конце холла. За ней оказалась чердачная лестница. Эшер задержался, осматривая скобы и петли, привинченные с внутренней стороны. Они были целы; замок висел, аккуратно повешенный на вбитый в косяк крюк.

Эшер проверил ключи. Два из них подошли к замку. В отличие от подвальной, дверь на чердак была снабжена еще и наружной петлей, но ясно было, что никто никогда не пытался ее сорвать.

Они обменялись взглядами, и Эшер пожал плечами:

— Не удивлюсь, если здесь окажутся бумаги.

— Доктор Гриппен и я были единственными уцелевшими после лондонского пожара, — продолжил Исидро, когда они ступили на лестницу. — Причем я уцелел лишь чудом. Насколько мне известно, из мюнхенских вампиров никто не пережил тревожных сороковых годов, как никто из вампиров России не пережил вторжения Наполеона, оккупации и пожара Москвы. Рим всегда был опасным для вампиров городом, особенно со времен воцарения инквизиции.

Дверь наверху тоже была открыта. В слабо различимый квадрат окна лился смутный желтоватый свет с улицы.

— Que va? — шепнул в темноте Исидро. — Если бы он спал здесь, окно было бы замуровано...

В следующий момент Эшер различил в полутьме за кругом дрожащего света свечи что-то лежащее на полу между дверью и левой от входа стеной.

— Кальвар? — спросил он тихо, когда Исидро скользнул мимо него к этой груде костей, пепла и обожженных металлических побрякушек. Пуговицы, браслеты, наконечники шнурков от ботинок и обугленный цилиндр автоматической ручки — все блеснуло в желтоватом неярком свете, когда Эшер нагнулся над останками рядом со вставшим на колени вампиром. Потом взглянул на дальнюю стену. Откидная панель была раскрыта; в тесной нише виднелся гроб. Плотные шторы и ставни единственного чердачного окна были сорваны. Дождь гулко стучал по крыше, напоминая злобную дробь прусских барабанов.

— По крайней мере, мужчина, — заметил Эшер, снова наклоняясь со свечой к останкам. — Корсета нет.

Скелет был практически цел. Видимо, Исидро не ошибся, оценивая возраст французского вампира.

Дон Симон поднял из мешанины костей и пепла золотое кольцо и обдул его от пыли и золы. Случайный сквозняк качнул пламя свечи, и бриллиант перстня мигнул, как светлый злобный глаз.

— Кальвар, — определил Исидро. — Выходит, он в самом деле был разбужен солнечным ожогом и даже сумел выбраться из гроба...

— Что само по себе весьма странно, — заметил Эшер, — если наш убийца, будучи сам вампиром, знал заранее, что для начала нужно отсечь голову. Так же странно, как и то, что дверь не была закрыта. — Он подобрал еще два ключа и сравнил их с дубликатами Забияки Джо Дэвиса. — Кроме того, нет следов копоти между гробом и телом. Вы ведь говорили, что плоть возгорается сразу...

— Не мог же он сам впустить убийцу, — сказал Исидро. — Да и как бы он открыл ему дверь днем?

— И все же убийца вошел через эту дверь.

Исидро вопросительно приподнял бровь.

— Войди он сюда другим путем, у него была бы возможность точно так же и выйти, не отпирая при этом двери на лестницу, — пояснил Эшер. — Все говорит о том, что Кальвар знал убийцу и впустил его сам, ночью... Два гроба в одном доме — это нормально для вампиров?

— Вполне, — отозвался Исидро. — Птенцы часто укрываются там же, где и мастер. Кроме того, домов, подходящих для вампиров, не так уж и много, поэтому некоторые из них весьма густо заселены, в чем вы сами убедились, побывав на Савой-Уок. Это, кстати, и было одной из причин, почему я многого вам не открывал. Не ради их безопасности, разумеется, — ради вашей.

— Тронут вашей заботой, — сухо сказал Эшер. — Мог убийца уничтожить Кальвара

каким-нибудь другим способом, оставив тело в таком месте, где бы его потом сожгло солнце?

Вампир ответил не сразу — долго разглядывал лежащий перед ним обугленный скелет.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Он мог сломать Кальвару шею или спину; кажется, череп располагается под каким-то странным углом, хотя, впрочем, это могло быть результатом судороги выгорающих мускулов... Да, он мог оставить его на полу в таком состоянии — живого, но не способного двигаться — и предоставить дальнейшее солнцу. А если наш убийца иммунен к дневному свету, — добавил он безразлично, — то возможно, что он еще и остался полюбоваться картиной.

— Это было бы доказательством, — заметил Эшер, — что Кальвар знал его. Вряд ли кто-нибудь станет любоваться предсмертными муками того, кого он не знает.

— Интересно. — Исидро поворачивал кольцо так и эдак, крохотные блики, отскакивающие от граненого золота, метались по его белому лицу. — Среди вампиров действительно существует легенда о древнем вампире — настолько древнем, что с некоторых пор он просто невидим; никто не может почувствовать, когда он проходит рядом. Лет полтораста назад другие вампиры избегали вторгаться в его владения. Утверждают, что он стал вампиром еще до пришествия Черной Смерти.

— И где же его владения? — спросил Эшер, заранее зная, что ему ответит испанец.

Тот наконец перестал любоваться кольцом и поднял глаза.

— Он спал — так, во всяком случае, говорили — в склепах под кладбищем церкви Невинных Младенцев в Париже.

Глава 11

— Город уже не тот, что раньше.

Если и прозвучали в этом мягком голосе нотки горечи или сожаления, то, видимо, требовалась сверхчувствительность вампира, чтобы их услышать. Поддрагивал и покачивался закрытый кэб. Держась за свисающий с потолка ремень, Эшер чувствовал локтем сквозь рукав холодок стекла. Уличный шум накатывал мутной волной: грохот колес по деревянным и асфальтовым мостовым, отраженный от высоких стен, редкий рев моторного экипажа, пронзительные заклинания уличных торговцев и веселая неистовость скрипки и аккордеона, говорящая о том, что где-то впереди кафе.

С завязанными глазами он не мог видеть ничего, но звуки Парижа были столь же яркие, как его краски. Не могло возникнуть и вопроса, почему импрессионизм зародился именно здесь.

Голос Исидро продолжал:

— Я не могу чувствовать себя как дома в этом стерильном, неживом городе, где каждый трижды моет руки, прикоснувшись к кому-либо. Сейчас это, впрочем, повсеместно, но парижане, кажется, перещеголяли всех. Они слишком серьезно отнеслись к этому их Пастеру.

Шум изменился; толпа экипажей вокруг стала более тесной, зато исчезло эхо, отраженное стенами домов. Эшер почувствовал запах реки. Явно переехали мост, затем окунулись в грохот маленькой квадратной площади с большими промежутками между домами. Это мог быть только Новый мост, чье название, как и Новый колледж в Оксфорде, несколько утратило смысл с течением времени. Вскоре кэб повернул вправо и двинулся дальше в этом направлении. Эшер высчитал, что они приближаются к аристократическим кварталам старого района Маре, не слишком пострадавшим в свое время от пруссаков, коммунаров и барона Хауссмана, но не сказал ничего. Если Исидро предпочитает верить, что с завязанными глазами Эшер не сможет определить, в каком именно месте Парижа находится резиденция местных вампиров, — что ж, на здоровье.

Его только тревожило то, что парижские вампиры не извели ударов дневного убийцы и вряд ли обрадуются появлению среди них человека.

— Живейшее мое воспоминание о прежнем Париже — это, конечно, грязь, — негромко продолжил вампир. — Как и воспоминание любого, кто знал этот город. Совершенно удивительное вещество — *la boue de Paris* — черное и зловонное, как нефть. Невозможно было избавиться ни от ее пятен, ни от ее запаха. Она липла ко всему, местонахождение Парижа можно было определить с помощью обоняния за несколько миль. В те дни, когда дворянина отличали прежде всего по белым чулкам, это был сущий ад. — Легкий призывк насмешки вкрался в его голос, и Эшер представил это тонкое надменное лицо обрамленным в белый придворный парик.

— Нищие тоже все пропахли ею, — добавил Исидро. — Охотиться в бедных кварталах было кошмаром. Теперь же... — Голос его странно смягчился, и он недоговорил. — Мне бы пришлось потратить изрядное время, чтобы вновь изучить Париж. Все изменилось. Теперь это для меня совершенно незнакомая территория. Я даже говорить не могу как должно. Каждый раз, когда я произношу *сi* вместо *се*, *je ne l'aime point* вместо *je ne l'aime pas* или *je fit quelque chose* вместо *je l'ai fait*, я чувствую себя иностранцем.

— Вы чувствуете себя иностранцем, изучившим французский язык по очень старым книгам, — непринужденно заметил Эшер. — Приходилось вам когда-нибудь слышать, как говорят по-английски американцы южных штатов?

Кэб остановился. Сквозь шелковый шарф, которым были завязаны его глаза, Эшер ощущал, что света вокруг мало и что улица темновата для такого ярко освещенного города, как Париж. Тишина нарушалась лишь отдаленным шумом транспорта — предположительно, на площади Бастилии, — но запахи были запахами бедных кварталов: теснота, грязь, кухонный чад. Район Маре определенно пришел в упадок со времен Луи XV.

Пол слегка дрогнул — это вампир покинул кэб; снаружи послышались голоса и, похоже, зашелестели франки. Затем легкая твердая рука взяла Эшера за локоть и помогла выбраться на гравий.

— А на испанском вы больше не говорите?

Ровная мостовая, затем ведущая вниз ступень, ощущение сдвинувшихся стен и легкий холодок — видимо, коридор, ведущий в вестибюль одного из старых больших особняков. Рядом тихий голос Исидро произнес:

— Сомневаюсь, чтобы меня сейчас поняли в Мадриде.

— Стало быть, вы ни разу туда не возвращались?

Последовало краткое молчание. Эшер мысленно видел холодный размышляющий взгляд Исидро.

— С какой целью? — спросил наконец тот. — После Реконкисты мой народ стал подозрителен и нетерпим. (Эшер понял так, что под словами «мой народ» Исидро имел в виду испанцев, а не вампиров.) Какие шансы были бы у меня выжить, когда инквизиция обшаривала каждый подвал в поисках еретиков и евреев? А как бы я уклонился от прикосновения к серебряному распятию? Нет, возвратиться в Испанию тех времен было бы опрометчивым поступком.

Эшер услышал легкое царапанье, словно за обшивкой скреблась мышь, и сообразил, что Исидро поскреб ногтем дверь — для изощенного слуха вампиров этого было более чем достаточно.

Впрочем, другие вампиры слышали бы их еще на улице.

В доме было тихо, но Эшер чувствовал, что кто-то сейчас спускается по лестнице; сердце забило чаще и сильнее.

— Они обо мне знают? — спросил он.

В Кале они прибыли ночным почтовым... Носильщики заворчали было при виде чудовищного железно-кожаного сундука, но были поражены его малым весом: «Что у тебя там, приятель, перья, что ли?...»

— Уверен, что путешествие пройдет, как задумано, — заметил Исидро, облокотившись на кормовые поручни «Лорда Уордена» и разглядывая мерцающие огоньки на Адмиралтейском пирсе сквозь мыльный туман стальных оттенков. — Хотя, конечно, всего

не предусмотреть.

Он искоса взглянул на Эшера, и тот заметил, что цвет лица Исидро заметно улучшился. Поднимая воротник (ночь выдалась холодная), Эшер почувствовал легкое отвращение, но не к вампиру, а к себе, поймав себя на том, что отметил румянец на щеках Исидро чисто профессионально, не подумав о неведомом бедняге, расставшемся сегодня с жизнью в лондонских трущобах. Тут же нахлынули злость и раздражение, знакомые Эшеру со времени работы на министерство иностранных дел, когда зачастую трудно было решить, которое из двух зол является меньшим.

Взгляд вампира несколько сместился, как если бы Исидро рассматривал невидимые сейчас в тумане Дуврские скалы.

— Боюсь показаться бестактным, — осторожно продолжил он, — и все же осмелюсь напомнить, что я — единственная ваша защита от Гриппена и его выводка. Уничтожив меня, вы сможете уберечь вашу леди самое большее в течение года, и то потому лишь, что о ней пока известно мне одному...

Эшер вздрогнул, узел недобрых предчувствий в груди ослаб.

Учитывая возможность существования дневного вампира, он не осмелился еще раз встретиться с Лидией, ему было даже трудно решиться послать ей телеграмму без подписи. Исидро (полагал Эшер) защитил бы его в Париже, если, конечно, это входило в планы вампира, но мысль о том, что Лидия будет в Лондоне одна, бросала Эшера в дрожь. Оставалось лишь надеяться на здравый смысл Лидии, на то, что она, как приказано, не предпримет до его возвращения никаких самостоятельных шагов.

К стыду своему, он вдруг почувствовал признательность к вампиру — за его последнюю фразу.

— Но в этом случае вы уже никогда ее не увидите, — продолжал тот. — Другие быстро выследят вас и уничтожат как опасного свидетеля. И при этом неминуемо набредут и на ее след.

Эшер кисло взглянул на своего компаньона.

— Почем мне знать, не случится ли так, когда все будет кончено!

Глаза вампира, насколько об этом можно было судить при тусклом свете бортовых фонарей, остались бесстрастными, но Эшеру показалось, что в голосе Исидро прозвучало легкое изумление:

— Не случится, поскольку я намерен защищать вас и дальше. Почему бы вам не довериться мне, как я доверяюсь вам?

И, как всегда, Эшер не смог бы сказать, всерьез говорит Исидро или же иронизирует.

Задолго до прибытия на вокзал Гар дю Нор вампир куда-то пропал. Во время утомительных процедур в багажном зале Эшер не заметил его ни в помещении, ни на площади. Впрочем, он уже начал привыкать к подобным исчезновениям. Небо заметно посветлело, когда Эшер телеграфировал в «Шамбор»

— маленький отель на рю де ля Гарп, где он часто останавливался, прибывая в Париж в качестве оксфордского ученого, — и заказал номер.

Войдя в крохотный вестибюль, напоенный застоявшимися кухонными ароматами и обставленный ветхой мебелью в стиле ампира, он был внезапно поражен сознанием, что все эти годы Париж был обиталищем вампиров. Как, впрочем, и Лондон. Эшер хотел бы знать, сможет ли он теперь взглянуть на мир хоть раз прежними глазами.

Конечно, еще в начале карьеры он утратил наивность, как бы проникнув взглядом под безмятежно светлую поверхность пруда. Его знакомство с министерством иностранных дел и теневой стороной сбора информации, мрачные драмы, в которые вовлек Эшера проклятый департамент, заставили его сделать это. Однако под одной тайной жизнью, оказывается, скрывалась еще и другая. Как если бы, зная о рыбах, движущихся под поверхностью пруда, он обнаружил вдруг чудовищ, обитающих в илистой мути у самого дна.

Эшер проспал до вечера в своей маленькой комнатке, располагавшейся под высокой черепичной крышей отеля, затем в задумчивом расположении духа умылся, оделся и сел за

письмо Лидии — о том, что добрался благополучно. Письмо было адресовано одному из его студентов, согласившемуся передавать почту для мисс Мерридю. Послание таким образом придет с суточным запозданием, но он рассудил, что лучше потерять день, чем позволить вампирам выследить Лидию. После легкого ужина в кафе он исследовал площадь Невинных Младенцев, находившуюся возле огромных рынков в центре города, где когда-то располагались лишь церковь да прилегающее к ней кладбище.

Теперь там была площадь с фонтаном в стиле Возрождения, ограниченная серой тушей крытого рынка — с одной и коричневыми мебелишками — с остальных трех сторон. Исидро говорил, что вампир церкви Невинных Младенцев спал в усыпальнице — точно так же, как Райс Менестрель спал в усыпальнице старой церкви Сент-Джайлза возле реки в то время, когда город еще не разросся до такой степени, чтобы обитатели его перестали замечать друг друга и уж тем более незнакомцев с бледными лицами, движущихся в ночной толпе...

И вот, стоя теперь рядом с Исидро и напряженно вслушиваясь в приближающиеся почти неслышные шаги за дверью, Эшер размышлял, не сохранилась ли эта усыпальница под землей подобно подвалу под домом Кальвара в Ламбете — забытая всеми, кроме тех, кому нужно надежное укрытие от солнечного света.

Вампиры могли это знать. Это и многое другое. Осмотрев площадь Невинных Младенцев, он направился затем по рю Сен-Дени к серой глади реки, мерцающей между сизыми домами по обоим берегам. Для этих берегов весь этот ошеломительно чистый город с его незапятнанными улицами и осенней ржавой листвой каштанов был всего лишь тонкой корочкой на темной трясине прошлого.

Эшер постоял на набережной Сены, разглядывая серую путаницу мостов вверх и вниз по течению, готический лес шпилей, толпящихся на Иль де ля Сите, и квадратные дремлющие башни собора Нотр-Дам. А под ними на мостовой виднелись массивные чугунные решетки, перекрывающие путь в подземный лабиринт парижской канализации.

— Сточные трубы? — Элиза де Монтадор наморщила длинный нос в гримаске отвращения; ее бриллианты мигнули в сиянии газовых рожков. — Какой вампир в здравом уме станет посещать сточные трубы?! Брр!

Она притворно содрогнулась. Все ее жесты (отметил про себя Эшер) были театральны — явная имитация человеческих манер, словно ей пришлось учить их заново. Уж лучше откровенная невозмутимость дона Симона — он, кстати, стоял за спинкой ее дивана, положив на резное дерево руки в серых перчатках, более неподвижный, чем когда-либо (окаменелый за несколько столетий, как сказала бы Лидия).

— Вы когда-нибудь там охотились? — Хотя никто из прочих вампиров в этом длинном с золочеными обоями салоне к ним не приближался, Эшер слышал за спиной их тихие быстрые голоса, похожие на шелест ветра. Они со сверхъестественной быстротой играли в карты и сплетничали. Сидя в кресле времен Луи XVI как раз напротив Элизы, Эшер чувствовал, что они поглядывают на него и прислушиваются, как могут прислушиваться одни лишь вампиры. Было в них что-то от насмешливо-гибких акул, кружащих у поверхности в полной уверенности, что берега пловец просто не успеет достичь. В углу салона высокая девушка, чьи смуглые плечи темнели, как бронза, над устричными тонами платья, играла на фортепьяно — Чайковский, но в какой-то странной синкопированной чувственной манере.

— Чтобы заработать ревматизм? — Элиза рассмеялась ненатурально и принялась обмахиваться веером из лебединых перьев.

— И ради чего, наконец? — Один из грациозных молодых людей, составляющих ее свиту, небрежно оперся на край дивана. Волосы у него были каштановые, глаза — светло-голубые, черты лица — приятно-округлые. Такое впечатление, что Элиза творила птенцов, исходя исключительно из смазливости исходного материала. Подобно остальным ее птенцам, одет он был по последнему слову моды; его черный вечерний костюм эффектно оттенял белизну рубашки и бледность лица. — Ради какого-нибудь мусорщика, убить

которого можно без разговоров и не подкрадываясь? Что же в этом приятного? — Он улыбнулся Эшеру, блеснув клыками.

Элиза пожалала алебастровыми плечами.

— Во всяком случае, их инспекторы весьма тщательно считают мусорщиков, когда те уходят вниз и когда выходят наверх. Все они каналы, как говорит Серж, и охотиться на них и впрямь не очень приятно. — Она улыбнулась; зеленые глаза вампирши алчно мерцали, как у сладкоежки, почуявшей заветное лакомство. — Там внизу восемьсот миль сточных труб! Он бы высох, как чернослив, этот Великий, Ужасный, Древний Вампир Парижа, которого никто никогда не видел...

— Как насчет катакомб? — мягко спросил дон Симон, не обращая внимания на насмешливый тон. Странное молчание возникло в комнате. Фортепьяно смолкло.

— Конечно, все мы там побывали. — Смуглая девушка встала из-за инструмента и направилась к ним с ленивой нарочитой медлительностью, что выглядело не менее опасно, чем обычная стремительная грация вампиров. Инстинктивно Эшер сосредоточил внимание на идущей, чувствуя, что она в любой момент может пропасть из виду. Все здесь говорили по-французски (причем речь Исидро, как он и предупреждал, была не только старомодной, но и отличалась какой-то странной детской напевностью), однако фразу девушка произнесла на английском, да еще и с явным американским прононсом. Несмотря на подчеркнутую неторопливость движений, она оказалась за креслом Эшера гораздо быстрее, чем он мог это предположить; ее маленькие руки праздно скользнули по его плечам, как бы оценивая его сложение сквозь толстую шерсть пальто. — Там тоже считают и рабочих, и туристов. Ты ведь пряталась там, Элиза, во время осады, так ведь?

Была в ее голосе некая тайная иголочка, и зеленые глаза Элизы вспыхнули при упоминании о бегстве от мятежных коммунаров.

— Кто бы не прятался в те времена! — помедлив, сказала она. — Я пережидала там террор вместе с Генриеттой дю Кен. Там уже не было склепов, как тебе известно, там были каменоломни. Наверняка Генриетте казалось, что в катакомбах может скрываться кто-нибудь еще. Но сама я там ничего особенного не видела и не слышала. — Произнесено это было с некоторым вызовом.

— Но ты была тогда еще птенцом, — мягко заметил дон Симон. — Так или нет?

— Птенцом или не птенцом, но слепой я не была. — Полуигриво-полураздраженно она хлопнула его веером по костяшкам пальцев. Однако в тот момент, когда пластинки слоновой кости шелкнули по резной спинке дивана, руки дона Симона там уже не было. Элиза повернулась к Эшеру — приятная цветущая женщина, если бы не этот нечеловеческий блеск зеленых глаз — и пожалала плечами.

— Это было так давно... А ближе к концу Генриетта боялась всего. Франсуа и я охотились для нее в толпах, что бродили тогда по ночам, приводили ей жертвы. Да, и сильно рисковали: заведя платок не того цвета, они тут же вопили: «На фонарь!» — и кидались на тебя, как псы. Франсуа де Монтадор, видите ли, был в свое время хозяином этого особняка. — Она повела рукой, правильной и изящной, как на рисунках Давида; качнулись белые перья в ее прическе.

Кроме газовых рожков, здесь еще была добрая дюжина огромных канделябров; свет дробился в хрустальных подвесках люстр, в высоких зеркалах вдоль одной стены и в темном стекле двенадцатифутовых окон — вдоль другой, как бы окружая хозяйку неким зловещим ореолом.

— Он, Генриетта и я были единственными, кому удалось пережить террор, хотя Франсуа в итоге не избежал гибели. Уже после того, как все это кончилось... — Она снова пожалала плечами, словно желая обратить внимание присутствующих на их белизну.

Смуглая американка все еще стояла за спиной Эшера, положив ему руки на плечи. Сквозь толстую ткань он ощущал, насколько они холодны.

— Генриетта так и не пришла в себя после всего этого, хотя жила еще достаточно долго. Она ведь была дамой из Версаля! Она говорила, когда мы приводили ей по ночам

пьяниц, чья кровь была насыщена вином, что тот, кто не изведal сладости тех дней, просто не сможет понять, какая это была потеря. Может быть, она так и не смогла смириться с пониманием, что все это уже в прошлом.

— Она была старая леди, — прозвучал над самым ухом Эшера певучий вкрадчивый голос смуглой девушки. — Ей даже не нужно было никакой крови пьяниц, чтобы начать истории о прежних временах, о королях и о Версале. — Ее ноготки прошлись по волосам Эшера, словно она играла с домашним псом. — Просто старая леди, живущая прошлым.

— Когда однажды ты вернешься в Чарльстоун, Гиацинта, — тихо сказал ей по-английски Исидро, — и увидишь, что сделала американская артиллерия с улицами, на которых ты выросла, увидишь, как изменились сами мужчины, надеюсь, ты вспомнишь свои слова.

— Мужчины вообще не меняются. — Она сменила позу, ее бедро коснулось плеча Эшера, и он почувствовал беспокойную дрожь — словно притронулся к источнику электрического тока. — Разве что умирают... но их всегда остается достаточно много.

— Тем не менее.

Эшер чувствовал, что дон Симон готов в любую секунду совершить молниеносное движение, но он чувствовал также и смертельную близость коготков Гиацинты. По совету Исидро он оставил серебряную цепь в отеле. С ней бы они его просто не пропустили, объяснил испанец. Кроме того, это бы повредило репутации Исидро среди здешних вампиров. Эшер не мог обернуться, но он знал, что квартиронка глядит сейчас насмешливо на Исидро, словно бросая ему вызов. Исидро тихо продолжал, не спуская с нее глаз: — Что до Генриетты, она действительно была версальской дамой. Я понимаю ее, когда, видя, что случилось с миром после наполеоновских войн, она тянулась к прошлому. Я полагаю, Генриетта просто устала. Устала от вечной опасности, от постоянной борьбы, устала от жизни. Я видел ее в последний раз, когда посетил Париж перед самым нашествием пруссаков, и я не удивлен тем, что она не пережила осады. Заговаривала она когда-нибудь, Элиза, о вампире церкви Невинных Младенцев?

— Нет. — Элиза обмахнулась веером — жест скорее нервный; насколько понимал Эшер, вампиры нечувствительны ни к жаре, ни к холоду. Остальные постепенно подтягивались к его креслу, образовав полукруг за спиной Гиацинты напротив Элизы и дона Симона. — Да. Но это было однажды. — Насмешливый жест не скрыл, что разговор Элизе неприятен. — Церковь Невинных Младенцев была скверным местом: почва полна гниющих тел уже на глубине нескольких дюймов, кости и черепа разбросаны были прямо на земле. Вдобавок зловоние. Под арками стояли книжные лотки и лавки женского белья, и если поднять глаза, то можно было увидеть кости в щелях галерей. Великий Людоед Парижа — так мы называли это место. Франсуа и другие — Генриетта, Жан де Валуа, старый Луи-Шарль д'Оверн — упоминали иногда истории о живущем там вампире, которого нельзя увидеть. После того как я сама стала вампиром, я приходила туда, надеясь взглянуть на него, но это такое место... Мне оно не нравилось.

— Старые страхи шевельнулись в мерцающих изумрудных глазах.

— Уверена, что никто тебя за это не осудит, милая, — промурлыкала Гиацинта с каким-то недобрым сочувствием. — Думаю, если он в самом деле там живет, то давно уже сошел с ума.

— Кальвар ходил туда когда-нибудь? — спросил Эшер, повернув голову так, чтобы хотя бы краем глаза взглянуть на нее, и она улыбнулась ему, обворожительная, как долгожданный грех.

— Церкви не стало задолго до Кальвара, милый.

— Тогда спускался ли он в катакомбы? Говорил он хоть раз об этом — о незримом вампире?

— Кальвар! — фыкнул темноволосый юноша, совсем мальчик. Вряд ли он успел хоть раз воспользоваться бритвой, когда Элиза призвала его в свою свиту. — Великий Вампир Парижа. Этот точно мог!

Эшер взглянул на него с интересом.

— Почему?

За спиной насмешливо отозвалась Гиацинта:

— Потому что такие вещи в духе Великого Вампира Парижа.

— Он был слишком захвачен бытием, — медленно проговорила Элиза.

Юноша с каштановыми волосами, Серж, изящно присел у ее ног.

— Мы все любим позабавиться при случае, — объяснил он с улыбкой, которую можно было бы назвать подкупающей, если бы не клыки. — Но Кальвар был слегка на этом помешан.

— Не понимаю, — сказал Эшер.

Пальцы Гиацинты коснулись его волос.

— Ты бы понял при случае.

— Кальвар был тщеславен и хвастлив, — сказала Элиза, закрывая веер и похлопывая себя белыми перьями по белым пальцам. — Как и некоторые другие.

— Взгляд ее на секунду остановился на Гиацинте. — Сидеть рядом со своей жертвой в оперной ложе, в кафе, в экипаже, чувствовать кровь сквозь кожу, оттягивать удовольствие... затем подкрепиться на стороне — просто для того, чтобы утолить жажду, и вновь вернуться к облюбованной жертве... — Она улыбнулась мечтательно; Эшер почувствовал, как шевельнулись за спиной вампиры и остро блеснули глаза Исидро.

— Но Валентин сделал еще один шаг, и весьма опасный. Возможно, он жаждал власти, хотел творить собственных птенцов, хотя здесь, в Париже, он на это не осмеливался — здесь правлю я, а он подчинялся мне уже в силу того, что отдал мне свою жизнь в обмен на... жизнь вечную. Но я думаю, что рисковал он исключительно ради острых ощущений. Временами он намекал своим жертвам (особенно тем, кто находил это пикантным), что они флиртуют со смертью. Он чуть ли не соблазнял их этим, умея придать смерти извращенную притягательность. Я не могла ему этого позволить...

— Опасная штука, — сказал юноша-вампир, стоящий справа от Эшера, — открыть кому-нибудь, кто мы и что мы, какая бы на то ни была причина.

— Он взбесился, когда я запретила ему это, — напомнила Элиза. — И взбесился, когда я запретила творить ему своих птенцов... какие бы он там доводы ни приводил. Но я думаю, что втайне он был даже рад этому.

— Во всяком случае, — пробормотала Гиацинта, — те, кому он открылся, тоже надеялись победить.

Что-то в ее голосе заставило Эшера вскинуть глаза. Ее рука, скользя под его подбородком, запрокинула ему голову, и глаза их встретились. Под ее пальцами он чувствовал, как бьется кровь в его жилах. Гиацинта смотрела ему в глаза и улыбалась. На секунду у него перехватило дыхание при мысли, что, как бы ни был быстр дон Симон Исидро, он не успеет предотвратить удара Гиацинты.

Голос Элизы был так мягок, словно она боялась нарушить какое-то хрупкое равновесие:

— Оставь его.

Эшер видел, что насмешливая улыбка Гиацинты сделалась шире, и почувствовал горлом касание ее острых коготков.

Невольно он схватил ее за руку, сжал. С тем же успехом можно было пытаться вырвать из земли корень дерева. Но рука вампириши вдруг ускользнула из его пальцев, как струйка воды, и Гиацинта, улыбаясь в лицо ему лениво и насмешливо, отступила от кресла. Он смотрел некоторое время ей в глаза, затем нарочито замедленно повернулся к Элизе.

— Так вы не верите, что Кальвар мог искать этого... самого древнего парижского вампира?

Снова раздраженный щелчок веера. Глаза Элизы были устремлены почему-то не на Эшера, а на Гиацинту.

— Самый древний парижский вампир — это я, мсье профессор, — объявила она

решительно. — Других нет и не было в течение многих и многих лет. И во всяком случае, вы... и другие... — ее взгляд перебежал от Гиацинты к Исидро, который к тому времени переместился по эту сторону дивана, чтобы быть поближе к Эшеру, — ...могли бы вспомнить старый закон, которому подчинялись и подчиняются все: тот не вампир, кто способен убить вампира. И тот не вампир... — прищурившись, она взглянула на Эшера, затем снова на стройного изящного испанца, стоящего рядом с ней, — ...кто выдает места охоты вампиров, места их укрытий и сам факт их существования людям.

Исидро склонил голову, его бледные волосы упали паутинчато на серый бархат воротника.

— Не бойтесь, госпожа. Законы я помню. — Его пальцы сомкнулись, как наручник, на запястье Эшера и повлекли к выходу.

Глава 12

— Она испугана, — чуть погодя сказал Эшер. — И не потому, что оказалась в скверной компании, — добавил он, вспомнив касание холодных пальчиков Гиацинты. — У вампиров все мастера такие нервные, когда речь заходит об их власти?

— Не все.

Грохот копыт и колес по дереву и асфальту удалялся, пока не смолк в ночи. На углу еще слышались голоса из маленького кафе, но в целом район Монруж был тих. Он разительно отличался и от обветшавшего великолепия особняков Маре, и от чумазных трущоб, среди которых он располагался. Здесь стояли высокие закопченные серовато-коричневые — словом, типично парижские дома; ставни убогих магазинов были закрыты, равно как и окна верхних этажей; свет пробивался в щелки лишь на некоторых чердаках, где еще работали слуги. На асфальтовом покрытии шаги дон Симона не производили ни малейшего шума, а голос был не громче бормотания ветра в листве:

— Во многом это зависит от города и от личности. Трудность положения Элизы в том, что она лишь немногим старше своего выводка и слишком мало была вампиром, прежде чем стать госпожой Парижа. Кроме того, она крайне неудачно выбирает птенцов.

— Вы полагаете, Кальвар искал контакта с вампиром церкви Невинных Младенцев, борясь за власть с Элизой?

— Подозреваю, что так. — дон Симон остановился перед неприметной дверью. Центральный вход в катакомбы выходил на плас Денфер-Рошери, но там было слишком оживленное движение — грохот фиакров долетал временами даже до этой безлюдной улочки. Луна ушла. Небо над печными трубами было цвета сажи.

— Элиза, несомненно, убеждена в этом, — продолжал испанец. — Вы, наверное, обратили внимание: ее особенно разозлило то, что птенцы (в частности эта Гиацинта, которая, я полагаю, в дальнейшем окончательно отобьется от рук) тоже готовы принять такую точку зрения. Существой он, этот вампир церкви Невинных Младенцев, его власть была бы несравнимо большей, чем власть Элизы или даже любого из нас.

— Фактически — дневной охотник?

Дон Симон не ответил. Казалось, он был погружен в раздумья, и Эшер дорого бы заплатил, чтобы узнать, как звучит для вампира эта тихая ночь. Вслушивается ли он сейчас в дыхание людей, спящих во вздымающихся вокруг домах, или его сверхъестественный разум различает даже оттенки их сновидений? Наконец вампир сделал знак; Эшер еще раз оглядел пустынную улицу и, достав отмычку, приступил к работе.

— Ночной сторож сидит в конторе у противоположного входа, — пробормотал вампир, причем звук возник скорее в мозгу Эшера, нежели в ушах.

— Спит, без сомнения, и вряд ли помешает.

Дверь уступила осторожному нажиму. Эшер спрятал отмычку и предоставил Исидро первому проникнуть в тесный вестибюль — единственное помещение парижских катакомб, располагающееся выше уровня земли. Послышался тихий скрип дверной петли,

приглушенный шорох, затем чиркнула спичка — Исидро нашел фонарь охранника. Эшер переступил порог и закрыл за собой входную дверь.

Помещение с обшарпанной конторкой перед железной решеткой, отгораживающей дальний угол, было тесновато даже для двоих. Фонарь стоял на краю конторки, освещая лишь тонкие, как у скелета, руки Исидро, разбирающиеся с нанизанными на обруч ключами.

— Хорошо знают дело французы, — пробормотал вампир. — Вот карта подземных переходов, но все же постарайтесь держаться поближе.

— Я могу ориентироваться по свету фонаря, — заметил Эшер, принимая захватанную, грязную карту.

Исидро приостановился, отпирая решетку.

— Я имел в виду другое.

— То есть вы полагаете, что он действительно здесь? — тихо спросил Эшер, придерживаясь за стену, чтобы не оскользнуться на узких ступенях. — Что он здесь до сих пор?

— Чисто логическое заключение. Как заметила Элиза, в сточных трубах постоянная сырость. А известно, что, чем старше вампир, тем больше его донимают боли в суставах. Старейшие вампиры Парижа, с которыми я когда-то встречался, Луи де Бельер-Фонтаж и Мари-Тереза де Сен-Аруа, — все они страдали от этого. Луи был придворным Анри Третьего, одним из его затянутых в кружева тигров, я знал этого человека долгие годы. Не думаю, что он примирился с тем, как Король-Солнце приручил аристократов. Он называл их *Les fruits de Limoges* — много лоска и мало сока. И все же он был испуган, покидая Версаль. Он был стар, стар и утомлен, когда я видел его в последний раз. Его донимала боль в суставах, он боялся выйти из убежища, охотился все меньше и меньше, пил бычьей кровью, воровал цыплят, пользовался остатками черной мессы. Неудивительно, что вскоре он был выслежен и убит.

— Когда это случилось?

— Во время одного из скандалов с ведьмами в правление Короля-Солнце.

— Дон Симон приостановился на нижней ступеньке лестницы, вслушиваясь в темноту.

— Если убийца, которого мы ищем, и впрямь существует, — пробормотал Эшер, и эхо прозвучало так, словно все похороненные здесь повторили шепотом его слова, — то он сейчас наверняка в Лондоне.

Исидро еле заметно качнул головой.

— Я думаю, вы правы. — Голос его был подобен дуновению сквозняка из дальних тоннелей. — Я никого здесь не чувствую. Ни людей, ни вампиров, ни призраков. Только слабый резонанс от самих костей. — Он поднял фонарь повыше: свет позолотил влажные стены, мокрую гальку, грязь под ногами. Дальше все тонуло в подземном мраке. — Тем не менее держитесь поближе. Галереи пересекаются и ветвятся, сбиться с пути легко.

Как призраки в кошмарном сне, они двинулись в темноту.

Голые штреки древних гипсовых копей под Монружем, затем прорубленные в камне черные тоннели, чьи стены, казалось, давят и душат. Следуя за стройным силуэтом Исидро, Эшер то и дело касался волосами потолков, закопченных свечами туристов.

Постоянно попадались столбы, выдерживающие чудовищный вес верхних слоев земли, улиц и зданий, и воображение тут же задавало вопрос: что будет, если потолок сейчас рухнет? Иногда свет проваливался в ответвляющиеся тоннели или вспыхивал в лужицах не более дюйма глубиной.

Эшеру подумалось вдруг, что в этом царстве смерти он — единственный живой человек. А тот, кто идет рядом с ним, вслушиваясь в темноту, — мертв вот уже три с половиной столетия. Тот же, кого они ищут, умер чуть ли не шесть веков назад.

Если он, конечно, вообще существует.

Призрак, в которого верят мертвые.

— Ясно, что убийств среди парижских вампиров не было. — Эхо снова разбежалось по ветвящимся коридорам. — Почему ему понадобилось преследовать именно Кальвара?

— Может быть, Кальвар рассказал ему слишком многое. — Исидро задержался, чтобы обозначить меловую стрелку на стене, и двинулся дальше. — Кальвар хотел стать мастером вампиров. Если он действительно беседовал с вампиром церкви Невинных Младенцев, то мог оскорбить его своим стремлением к единоличной власти. Мы не знаем, когда они встретились. Кальвар мог покинуть Париж, именно спасаясь от этого вампира, а вовсе не потому, что его планам препятствовала Элиза. Не следует сбрасывать со счетов и то, что Кальвар был протестант. Сотню лет назад я бы, например, ни за что вас не нанял, если бы заподозрил в вас хоть какую-то склонность к этой ереси.

— С такими взглядами вы могли бы получить государственную должность в Ирландии. — Эшер усмехнулся. — Но это, однако, никак не объясняет, зачем ему понадобилось убивать в Лондоне знакомых Кальвара.

— Если мы найдем его логово, — мягко сказал вампир, — многие вопросы прояснятся немедленно.

Впереди во мраке блеснуло что-то белое. Колонны? Они подошли ближе, и белые пятна оказались беленым порталом вырезанных в камне ворот. Над перемычкой черными буквами на белом фоне было выведено:

ОСТАНОВИСЬ! ЗДЕСЬ ЦАРСТВО СМЕРТИ.

За воротами лежали кости.

Катакомбы были склепом Парижа. Содержимое всех древних кладбищ города было когда-то перенесено сюда, кости аккуратно сложены в ужасающие хребты шестифутовой высоты, как хворост для гигантского костра. Коричневые, блестящие, кости пропадали во тьме перекрестных тоннелей; глазницы черепов, казалось. Провожали свет фонаря; челюсти ухмылялись вслед. Аристократы, обезглавленные во время террора, мусорщики, монахи, короли из династии Меровингов — все они были здесь, сравнившись друг с другом в чудовищной демократии.

«И впрямь царство смерти», — подумал Эшер. Они миновали алтарь, выкрашенный так же, как и ворота, белой и черной краской. Перед грудами костей иногда встречались таблички, объявляющие, с какого кладбища были вывезены останки, или напоминающие туристам (на французском и на латыни) о том, что и они со временем обратятся в прах.

Будучи англичанином, Эшер был бы счастлив сделать вид, что эта тяга к ужасу есть черта национального французского характера, однако ему было доподлинно известно, что его соотечественники приходят сюда целыми стадами. Следуя за доном Симоном, углубляющимся все дальше и дальше в черные тоннели, останавливаясь лишь затем, чтобы пометить мелом новую стрелку, он чувствовал чудовищную притягательность этих подземелий, болезненный соблазн гамлетовского раздумья над этими безымянными останками.

Интересно, сколь многим из этих коричневых черепов его спутник мог бы сказать: «Я знал его...»

Вереница мыслей вывела Эшера на несколько неожиданную тему, и он спросил: — Вы никогда не заказывали свой портрет?

Вампир окинул взглядом горы костей чуть ли не в человеческий рост, сваленные у стен, и кивнул, не выразив удивления.

— Только однажды, — сказал он. — Как раз перед тем, как я покинул Испанию. Я никогда не посылал за ним, поскольку портрет вышел непохожий и довольно безобразный — Ренессанс в ту пору до Мадрида еще не добрался. А позже — согласитесь, было бы несколько затруднительно позировать ночью и при свечах.

Они шли дальше; одна тьма сменялась другой.

Свет фонаря упал на секунду в жерло очередного тоннеля, и Эшер остановился. В тот же миг выяснилось, что шедший на шаг впереди Исидро уже стоит, повернувшись к нему лицом. Вампир, как оказалось, следил за ним не менее внимательно, чем недавно в отеле Монтадор.

Эшер молча взял фонарь и направил луч в тоннель, сам еще не зная, не показалось ли

ему то, что он увидел.

Ему не показалось.

Дон Симон стоял рядом, недоверчиво выгнув изящно очерченные брови. Эшер потряс головой, озадаченный не менее своего спутника. Затем медленно двинулся в узкий каменный коридор.

Если везде в катакомбах кости тянулись аккуратными насыпями, то здесь порядок был нарушен. Кости лежали, рассеянные по полу, иногда собирались в пригорки, словно хворост, сложенный для костра. Под подошвами захрустело. Впервые (на памяти Эшера) шаги Исидро не были бесшумны. Затем пол снова очистился, и Эшер моргнул, пораженный новой картиной.

— Сумасшедший рабочий?

Дон Симон медленно покачал головой.

— На потолке нет копоти, — сказал он. — Сюда никто не заглядывает: ни рабочие, ни туристы. Вы же сами обратили внимание: мы прошли первыми по этим костям.

— Нечто подобное я видел в монастыре капуцинов в Риме, но...

Вдоль стен тоннеля были сложены тазовые кости. Свет фонаря вызывал в них причудливую игру теней, когда Исидро и Эшер проходили по узкому проходу между двух насыпей. Тазовые кости — и никаких других. Потом они уступили место черепам; пустые глазницы провожали их с печальным вниманием. В боковом тоннеле Эшер углядел охапки ребер, хрупких и распадающихся. Потом были пригорки позвонков, а за ними пошли фаланги пальцев — все мельче и мельче. В конце тоннеля их ждал еще один алтарь — третий по счету.

Эшер ошеломленно потряс головой и повернулся к Исидро. — Но зачем?...

— Это довольно трудно объяснить, — негромко ответил вампир, — человеку вашей эпохи, да и любому, родившемуся в так называемый Век Рационализма.

— Но сами вы понимаете?

— Когда-то понимал.

Эшер наклонился и поднял фалангу из ближайшей груды, что тянулись вдоль стен подобно кучам зерна в амбаре. Повертел в пальцах, бессознательно повторяя движения Лидии, когда она изучала разрушенный позвонок Лотты. Маленький изящный стерженец с шишечками суставов, освобожденный от хрупкого чуда нервов и мышц, позволявших ему когда-то чутко отзываться на прикосновение любовника или сжимать рукоятку пистолета. Эшер повернулся, намереваясь пуститься в обратный путь, когда из темноты пришел шепот:

— Верни.

Он замер.

Он не видел ничего, кроме теней в охапках ребер впереди и вокруг. Он взглянул на дону Симона. Глаза вампира метались от тени к тени — расширенные, испуганные, ищущие. Ясно было, что Исидро не только не видит говорящего, но даже и не может его почувствовать.

— Положи то, что взял, — прошептал голос на латыни, и Эшер шепнул в ответ на этом же языке:

— Почему?

— Она будет это искать.

— Кто?

— Та, кому это принадлежало. Они все придут сюда за своими черепами, ребрами, фалангами пальцев, даже за маленькими ушными косточками — не больше камушка в перстне. Вострубит труба — и они начнут искать себя, искать то, что от них осталось. А потом поднимутся по лестнице — каждый со своим прахом. Все, кроме меня.

Что-то сместилось во мраке. У Эшера шевельнулись волосы, когда он увидел, как в каком-нибудь ярде от него тени сложились в подобие человеческой фигуры. Он почувствовал, как рядом вздрогнул дон Симон — несмотря на свое сверхъестественно острое зрение, он тоже прозрел лишь теперь.

Голос снова шепнул на латыни:

— Все, кроме меня.

То, что было надето на незнакомце, когда-то называлось монашеской рясой; истлевшая, расплзающаяся дырами, она, видно, была немногим моложе лежащих вокруг костей. Владелец ее старчески горбился, ежась, словно от холода; в изможденной ссохшейся плоти сияющие глаза казались огромными — зеленые, как полярный лед. Хрупкие детские челюсти были вооружены невиданно длинными и острыми клыками. Лохмотья рясы не закрывали горла, и Эшер мог разглядеть на груди вампира черное от времени и грязи распятие.

Трясущаяся рука, больше похожая на птичью лапу, указала на дона Симона; ногти были длинные, обломанные.

— Мы услышим трубный глас, — шепнул вампир, — но нам некуда будет идти, тебе и мне. Мы останемся невоскресшими, несудимыми, одинокими; все другие уйдут... Куда? Этого мы так и не узнаем... Может быть, они замолвят за меня словечко, они ведь должны понять, зачем я делаю это, они умолят...

Дон Симон выглядел смущенным, но Эшер спросил:

— Замолвят — перед Божьим престолом?

Старый вампир устремил на него жаждущие мерцающие зеленым светом глаза.

— Я делал все, что мог.

— Как твое имя? — спросил Исидро, переходя на грубую средневековую латынь с сильным испанским акцентом.

— Антоний, — шепнул вампир. — Брат Антоний из ордена миноритов. Я украл это... — Он коснулся своего черного облачения, и ветхий лоскут остался у него в руке. — Украл у бенедиктинца на рю Сен-Жак, украл и убил ее владельца. Мне пришлось это сделать. Здесь сыро. Вещи портятся быстро. Я не мог выйти и предстать нагим перед Богом и людьми. Мне пришлось убить... Ты понимаешь, что мне ПРИШЛОСЬ это сделать?

Внезапно он оказался рядом с Эшером (причем не возникло ни чувства разрыва времени, ни провала в восприятии); касание тонких пальчиков было подобно прикосновению колючих лапок насекомого. Глядя в его лицо, Эшер внезапно обнаружил, что брат Антоний выглядит не старше дона Симона и многих иных вампиров. Лишь старческая поза да белизна падающих на сгорбленные плечи волос создавали впечатление крайней дряхлости.

— Чтобы сохранить собственную жизнь? — спросил Эшер.

Пальцы брата Антония все бродили по его руке, то ли прощупывая кости, то ли пытаясь согреться живой кровью. Другой рукой монах держал Эшера за мизинец, и ясно было, что вырвать его из этих хрупких пальцев так же невозможно, как если бы мизинец был замурован в цемент.

— Я не питался... должным образом... месяцами, — обеспокоено шепнул вампир. — Крысы... лошадь... птенцы. Я чувствую, как поддается мой разум, чувства теряют остроту. Я пробовал... Я пробовал снова и снова. Но каждый раз мне становилось страшно. Если я не буду питаться как должно, если не буду пить людскую кровь, я отупею, я стану медленно двигаться. Я не могу этого допустить. После всех этих лет, после всех смертей, после бегства от Страшного Суда... И каждая взятая мною жизнь — вопиет, с каждой смертью счет растет. Их много, слишком много, я их считаю. Но голод сводит меня с ума. И я никогда не буду прощен.

— Одно из основных положений веры, — медленно проговорил Эшер, — в том, что нет такого греха, которого бы Господь не мог простить, если грешник раскаялся полностью.

— Я не могу полностью раскаяться, — прошептал брат Антоний. — Я питаюсь и буду питаться. Я крепче тех, что охотились за мной... Но голод сводит меня с ума. Ужас, ждущий меня по ту сторону смерти, — я не вынесу его. Может быть, если я помогу тем, кто придет сюда, чтобы им было легче искать... Должны же они попросить обо мне! Они должны! Должны!.. — Он подтянул Эшера поближе; обдало запахом тления; ряса была ломкой от старой засохшей крови. Брат Антоний кивнул в сторону неподвижного дона Симона. —

Когда он убьет тебя, — шепнул монах, — ты попросишь обо мне?

— Если ты ответишь на три моих вопроса, — сказал Эшер, сознательно входя в колею легенд, с которыми древний вампир был несомненно знаком, и судорожно соображая, как разделить все, его интересующее, на три части, да еще и изложить все это связно и по-латыни. Слава богу, что они говорили на церковной латыни, которая, в принципе, не труднее французского. «Будь это классическая латынь, — машинально подумал Эшер, — беседа бы не состоялась вообще».

Францисканец не ответил, но создалось такое впечатление, что он ждет первого вопроса. Тоненькие пальцы обжигали холодом руку Эшера. Дон Симон стоял рядом, безмолвно глядя на них обоих. Эшеру показалось, что испанец начеку и готов в любую секунду прийти на помощь, хотя сам он не чувствовал, чтобы от маленького монаха исходила смертельная угроза.

Спустя мгновение он спросил:

— Ты можешь охотиться днем? — Я не смею явиться перед ликом Господа. Мне принадлежит ночь. Здесь, внизу... Я не осмелюсь выйти днем наружу.

— Но мог бы... — начал нетерпеливо Эшер, однако сообразил, что это может быть воспринято как второй вопрос, и умолк на секунду. На ум приходили сотни вопросов, но все они были отброшены. Главное было сейчас — не спугнуть древнего вампира, способного в любое мгновение бесшумно раствориться с такой же легкостью, с какой он появился. Эшеру вдруг вспомнилось, как Лидия в Новом колледже кормила воробьев крошками из рук, с поразительным терпением сидя неподвижно с протянутой ладонью.

— Кто были твои современники среди вампиров?

— Иоганн Магнус, — прошептал старый вампир. — Леди Элизабет; Жанна Круа, укротительница лошадей; Анна ля Фламанд; валлийский менестрель, обитавший в усыпальнице Лондона; Туллох Шотландец, похороненный в церкви Невинных Младенцев. Церковь разрушили, выбросили все останки, а его кости сожгли. От полуденного солнца вся плоть на них скрючилась и обуглилась... Это было в дни террора, когда люди убивали друг друга, как мы, вампиры, никогда бы не осмеливались убивать.

— Хотя кое-кто клялся, что видел Шотландца пятьдесят лет назад в Амстердаме, — пробормотал Исидро по-английски. Казалось, он понял без объяснений, почему Эшер задал именно этот вопрос. — Что до остальных...

Эшер снова повернулся к монаху. — Приходилось ли тебе убивать других вампиров? Брат Антоний попятился, закрывая белое лицо сухими, как у скелета, руками.

— Это запрещено, — отчаянно прошептал он. — Сказано: «Не убий...» А я убивал, убивал снова и снова. Я должен был искупить...

— Приходилось ли тебе убивать других вампиров? — тихо повторил дон Симон. Он по-прежнему стоял неподвижно, но Эшер чувствовал, что все в нем напряглось как струна.

Монах пятился, все еще закрывая лицо. Эшер шагнул к нему и протянул руку, намереваясь ухватить его за ветхий черный рукав. В следующий миг он понял, что имели в виду легенды, говоря о способности вампиров рассеиваться подобно туману. Как и раньше, он не почувствовал ни малейшего помутнения в мозгу. Просто обнаружил, что стоит, держа ветхий черный лоскут, и тупо смотрит на игру теней за алтарем.

— Помяни обо мне, — еле слышно прошелестело в мозгу. — Скажи Господу, я делал что мог. Попроси за меня, когда он убьет тебя...

Глава 13

— Вы в самом деле намереваетесь убить меня? — Эшер закрыл за собой железную решетку, повернул в замке тяжелый ключ и прошел в тесный вестибюль, где Исидро выискивал что-то в конторке среди бумаг.

Вампир приостановился и бесстрастно оглядел его. Как всегда, трудно было истолковать этот взгляд: то ли презрение к смертному, то ли удивление, а может быть,

вампир просто проголодался. Как бы там ни было, на вопрос Эшера дон Симон не ответил.

— Что вы думаете об этом брате-францисканце? — спросил он.

— Кроме того, что он сумасшедший? Вы это имеете в виду? — Эшер достал пару восковых пластин (вроде тех, что он постоянно таскал с собой, когда работал на министерство иностранных дел) и принялся методично снимать оттиски со всех ключей. — Вряд ли это наш обвиняемый.

— Потому что он здесь, а не в Лондоне? Выкиньте это из головы. Он тих, как пылинка, Джеймс. Он мог последовать за нами в Париж, подслушать кое-какие наши разговоры и разыграть сумасшествие...

— Подслушать — на латыни?

— На английском, коль скоро у него в приятелях были Райс и Шотландец. Обычно мы обучаем друг друга языкам и указываем друг другу на изменения в языке той страны, где в данный момент обитаем. Для нас очень важно не привлекать внимания. То, что он живет, скрываясь в катакомбах, еще не означает, что он не выходит, невидимый, на улицы. По крайней мере, он осведомлен обо всем, что происходило после свержения короля... А его обмолвка насчет того, что плоть Шотландца скрючилась и обуглилась на костях под лучами полуденного солнца...

— Означает, что он при этом присутствовал? — Эшер подковырнул ногтем и извлек из воска последний ключ, прикидывая, насколько близко к истине предположение минорита о том, что Исидро замышляет убить его. — Но вы же сами сказали, что Шотландца видели много позже...

— Я сказал: «Кое-кто клялся, что видел его», — сведение такое же недостоверное, как и сведения нашего религиозного друга. Способности Шотландца быть незаметным тоже должны были со временем возрасти. Достоверных фактов нет со времен террора, самые свежие — полувековой давности.

Эшер стер остатки воска с бородок и вновь повесил ключи на крюк возле решетчатой двери. — А другие, кого он назвал?

— Двое из них, по меньшей мере, мертвы — даже трое, если ля Фламанд — та самая дама, с которой я познакомился во время пикардийских войн. О Круа впервые слышу... — Он подождал, пока Эшер откроет входную дверь, затем увернул фитиль фонаря, и пламя угасло. Эшер подумал с усмешкой, что трюк Исидро со свечами, видимо, не срабатывает, когда речь заходит о трех четвертях дюйма тканого фитиля и резервуаре, полном керосина.

— Итак, мы имеем троих — или даже четверых, если вы намерены включить в список и Гриппена, а заодно придумать, как ему удалось разрешить проблему дневного света. — Эшер шагнул через порог на темную рю Дарю.

— Никто из тех, кого он назвал, не подавал признаков жизни в течение столетий.

— Это вовсе не означает, что они не прячутся где-то, как брат Антоний, становясь, по вашим словам, все терпимее к чесноку, серебру и прочим неприятностям.

— Но и не снимает подозрений с самого брата Антония. — Вы верите, что он убийца?

Мгновенная усмешка тронула тонкие губы Исидро.

— Нет. Но у нас слишком мало кандидатов на эту роль.

Эхо их шагов отражалось от грязных кирпичных стен, когда они шли сквозь сплетение узких улочек в направлении бульвара. Трудно было сказать, который теперь час: свинцовый мрак заполнял ночные бистро, проститутки тоже видно не было.

— «Я убивал снова и снова» — так он сказал... — задумчиво проговорил Исидро. — И еще: «Я должен был искупить...» Убийство других вампиров может быть квалифицировано как вершина убийства. Кстати, вы не планируете что-либо подобное, если представится случай?

Эшер посмотрел на спутника и встретил спокойный взгляд холодных странных глаз. Оставив вопрос без ответа, он сказал:

— Если бы он хотел уничтожить себе подобных, то начал бы отсюда, не утруждая себя поездками в Лондон. А если убийца — его ровесник, обладающий такими же способностями,

то брат Антоний — единственная надежда в наших поисках.

— Если он согласится, — заметил Исидро. Они пересекли улицу. Эшер уловил легкое движение в темном переулке справа и приглушенное взволнованное бормотание. Видимо, местные хулиганы, посовещавшись, приняли мудрое решение не приставать к этой паре прохожих. — И потом, где гарантия, что, даже если уговорить его выбраться из-под земли, он примкнет к нам, а не к убийце?

Эшер содрогнулся, вспомнив возникновение из тьмы маленького монаха, холодные щекочущие пальчики, их страшную силу. Он вспомнил свою реакцию при первом столкновении с вампирами и в чем-то понял Исидро. Может быть, и вправду не стоило будить спящего зверя.

Они миновали темную площадь с фонтанами, шумящими особенно громко в ночной тишине, и повернули к бульвару Сен-Мишель. Даже эта артерия Парижа была совершенно пуста. Темные каштаны шелестели над их головами, палая листва лежала влажными пригорками вдоль стен больших госпиталей, столпившихся в этом районе. Яркость электрических уличных фонарей делала окружающий мрак еще гуще. Временами угрюмое молчание нарушалось грохотом колес фиакра и цоканьем копыт. Экипаж проезжал, и все смолкало вновь. Ночь была тихой и холодной; Эшер затянул поплотнее шарф и запахнул полы своего широкого пальто.

Немного времени спустя он спросил:

— Если в Лондоне орудует необычный вампир — будь то Шотландец, или сам Райс, или кто-то другой, — не могли бы мы выследить его по необъясненным убийствам? Вообще, как часто должен убивать древний вампир?

— Любой город на земле, — сказал дон Симон, — сам по себе порождает такое количество необъясненных убийств, связанных с истощением, холодом, грязью, беспечностью, что вы не сможете выследить таким образом даже обыкновенного вампира. Что же касается вашего предположения, что с возрастом вампиру требуется меньше крови (или точнее — агонии жертв, которая, собственно, и питает наши способности) — не знаю, не замечал.

Он приостановился посреди мостовой. Ночной ветерок вздул его темный плащ, смел бледные волосы с воротника. На секунду показалось, что сейчас его самого подхватит и унесет, как огромный серый лист. Затем он двинулся дальше.

— Дело ведь тут не только в питании, Джеймс. Некоторые из нас предаются излишествам. Лотта, например, воздерживалась от облюбованного убийства сколько могла, чтобы сделать его потом еще слаще, но это опасная практика. После долгого поста жажда крови доводит некоторых до безумия. Это часто приводит к торопливости и беспечности, а во всем, что касается нас, беспечность губительна.

Они уже были рядом с миниатюрным лабиринтом улочек у реки, где стоял отель «Шамбор»; от Сены веяло холодом; в конце мощеного переулочка появился первый молочник. Эшер изучал искоса изящный профиль испанца: нос с горбинкой, бесцветные нежные волосы.

— И вы ни разу не расслабились за триста пятьдесят лет? — тихо спросил он.

— Нет.

— Отдыхаете, только когда спите?

Вампир не глядел на него.

— Не знаю. Мы все слишком поздно понимаем, что наши сны — совсем не то, что мы о них думаем.

— Вы видите сны?

Исидро помедлил, и Эшеру вновь показалось, что ветер подхватит его сейчас и унесет. Исидро улыбнулся. Легкая складка смяла белый шелк кожи и снова разгладилась.

— Да, — сказал дон Симон. — Я вижу сны. Но к человеческим снам они отношения не имеют.

Эшер хотел бы знать, не приснится ли сегодня Исидро брат Антоний, раскладывающий

кости во мраке.

Затем он внезапно оказался в одиночестве. На секунду ему показалось, что впереди, в белесом тумане, окутавшем берега Сены, мелькнул темный плащ, но, скорее всего, только показалось.

ВАРВАРСКИЕ УБИЙСТВА В ЛОНДОНЕ!

ПОТРОШИТЕЛЬ СНОВА ВЫХОДИТ НА ОХОТУ?

Серия ужасных убийств потрясла Лондон вчера, когда девять человек — шесть женщин и трое мужчин — были зверски умерщвлены в районах Уайтчепел и Лаймхаус между часом ночи и четырьмя часами утра. Первое тело, принадлежащее актрисе варьете Салли Шор, было найдено мусорищиком в аллее позади Лаймхаус-роуд. Оно было избито и изрезано так зверски, что, когда его нашли, оно было фактически обескровлено. Восемь других жертв были найдены в различных местах неподалеку в очень похожем состоянии. Полиция обратила внимание, что, хотя тела были почти полностью лишены крови, крайне мало фактов указывает на то, что убийства были совершены где-то в другом месте, после чего тела были перенесены туда, где они были найдены.

Эшер отложил газету на столик рядом с чашкой кофе, чувствуя, как озноб пробирает его до костей. Девять!

Что говорил дон Симон? «После долгого поста жажда крови доводит некоторых до безумия...»

Эшер почувствовал легкую дурноту.

Насколько он мог судить, это не было похоже на почерк лондонских вампиров. Они бы не действовали столь опрометчиво — Гриппен, Фаррены, Хлоя. Нет, убийства были несомненно совершены тем, кого они искали с доном Симоном. Вампир тайлся сколько мог, убивая быстро и тихо, но затем...

Эшер взглянул на дату. Утренняя газета. Убийца вышел на охоту вчерашней ночью, в то самое время, когда они вдвоем с Исидро выслеживали отца Антония во мраке катакомб. Только на этот раз жертвами были не вампиры, а люди.

«Положим, — размышлял он, пробежав статью до конца, — личности не слишком заметные». Актрисы варьете, портнихи или просто «молодые особы». Судя по району и часу убийства, настоящая их профессия сомнений не вызывала. Однако это не делало случившееся менее чудовищным; отныне уже никто из жителей Лондона не мог чувствовать себя в безопасности.

Они не кричали. Он снова вспомнил лицо той женщины в поезде, вспомнил, как растерянно пыталась она застегнуть пуговицы на груди, взгляд сомнамбулических глаз... И рыжие волосы Лидии, мерцающие в свете газового рожка. У него похолодели руки.

«Нет, — твердо сказал он себе. — Она предупреждена об опасности, она достаточно разумна, чтобы оставаться ночами дома, среди людей...» Облегчения это не принесло. Он поднял голову, слепо глядя на уличный поток, льющийся мимо кафе. Тонкий туман раннего утра кристаллически сверкал в ломком солнечном свете на фоне коричневых зданий и голых деревьев, словно выведенных китайской тушью. Бульвары были полны гуляющих, привлеченных последними погожими деньками осени. Экипажи с откинутым верхом катили в сторону Буа дю Булонь.

Ничего этого Эшер не видел. Он думал о том, где сейчас можно найти дона Симона. Особняк Элизы де Монтадор, по его расчетам, находился где-то в районе Маре, но это бы отняло целый день — изучать списки владельцев домов. Да и где гарантия, что Исидро спит именно там! Честно говоря, Эшер сильно сомневался в том, чтобы этот стройный загадочный идальго доверился Элизе и ее чичисбеем. Кроме того, визит к Эрнчестерам показал ему со всей ясностью, сколь легкомысленно приходить в гости к вампирам в одиночку. А самое главное — он все равно не сможет ни с кем из них встретиться, пока солнце еще на небе.

Эшер задумчиво ощупал восковые пластины в кармане и прикинул, когда у стража катакомб должен быть обеденный перерыв.

Одно из преимуществ работы на министерство иностранных дел заключалось в знакомстве с закулисной жизнью доброй дюжины больших городов Европы. Оксфордские коллеги Эшера были бы поражены, узнав, с какой легкостью их скромный лектор филологии выходит на весьма странных людей — от взломщиков до содержателей притонов, большинство из которых, впрочем, носили вполне приличные имена, да еще и с латинскими довесками. Несмотря на тот факт, что Англия и Франция состояли в теснейшем союзе, Эшеру уже приходилось заказывать в Париже дубликаты ключей от некоторых кабинетов, так что он знал, к кому обратиться.

Поскольку сегодня была не первая и не третья пятница месяца, Эшер не слишком опасался, что столкнется в катакомбах с толпой туристов или с пасущими их охранниками. Сейчас в катакомбах несли службу от силы два государственных пенсионера, и, хотя час обеда давно миновал, Эшер прибыл в Маре с надеждой на удачу и беспечность сторожей, наверняка болтающих о том о сем вместо того, чтобы охранять оба входа.

Да и зачем их, собственно, охранять? Двери заперты, и кому придет в голову проскользнуть тайком в Царство Смерти?

Удача и человеческая беспечность были сегодня полностью на стороне Эшера. Вскоре он уже стоял у служебного входа, через который они проникли в катакомбы прошлой ночью. Дверь была закрыта. Хотя табличка на ней рекомендовала обратиться за информацией на плас Денфер-Рошери в нескольких кварталах отсюда, Эшер некоторое время упорно стучал в дверь кулаком.

Ответом ему была тишина, на что он, собственно, и рассчитывал. Ключи, изготовленные для него сегодня Жаком ля Пюсом, подходили безукоризненно; следить за Эшером в этой тихой улочке было некому. Он проскользнул внутрь, присвоил еще один жестяной фонарь и, спустившись по лестнице, замкнул за собой решетку. Шел четвертый час пополудни, а темнота в это время года наступает около шести... По крайней мере удастся выяснить, спят ли вампиры столь почтенного возраста в дневное время. И если не спят...

А с другой стороны, смешно даже и думать, что он, смертный человек, сможет найти брата Антония в этом лабиринте. Остается рассчитывать, что его одинокое появление заинтригует старого монаха и побудит вступить в разговор...

После долгих колебаний он оставил свою серебряную цепочку в отеле: вряд ли бы она защитила его от брата Антония, и скорее вызвала бы раздражение. При первой встрече (во всяком случае, так сказал Исидро) цепочка могла быть еще истолкована как дань традиции (существует же обычай охранять с ружьем спальню новобрачных), и Эшер был бы не прочь такую традицию продолжить. Но он не знал, как отнесется к этому брат Антоний, а то, что он хотел сказать старику, было жизненно необходимо.

«Шестьсот лет...» — размышлял он, осветив первую меловую стрелку, начерченную вчера Исидро. На троне был последний из династии Капетов, когда Антоний променял спасение души на бессмертие. Эшер хотел бы знать, прятался ли монах под землей все это время или же безумие одолевало его постепенно, век за веком.

Его дыхание клубилось в свете лампы; в бесконечных галереях было весьма холодно. Единственными звуками были шуршание влажного галечника под ногой да потрескивание раскаленной жести фонаря. Вчера, под защитой Исидро, идти было куда спокойнее. Тьма впереди пугала. Странно, но Эшер боялся не столько вампира, сколько того, что свод коридора может внезапно рухнуть и похоронить его заживо.

Достигнув ворот, он вздохнул с облегчением, ибо уже начал подозревать, что пропустил одну из меловых стрелок. Насыпи коричневых костей и скалящихся черепов казались ему менее опасными, чем сами коридоры.

Путь к подземельям, где обитал Антоний, оказался длиннее, чем представлялось Эшеру. Где-то он все-таки сбился с дороги, долго плутал среди костей, пытаясь высмотреть в глинистой хляби изящные отпечатки туфель Исидро, пока не набрел наконец на одну из

стрелок. Неудивительно, что служители избегали этих мест. Вполне возможно, что они о них просто не знали.

Он миновал хаос рассыпанных костей, груды черепов и прочего, готовые хоть сейчас встретить Судный день. Видимо, причиной тому была вся эта мрачная средневековая символика, но Эшер подумал вдруг о застреленном им человеке, а потом о тех, что неминуемо погибнут в грядущей войне, для которой он копировал карты и выкрадывал планы в Австрии, Китае, Германии, вывозя их среди своих филологических заметок.

Он припомнил все известное ему об этих планах и был поражен неприятной мыслью, что он виноват гораздо больше, чем бедняга Антоний, убивавший лишь для того, чтобы продлить свое существование.

Перед ступенями алтаря, усыпанными костяными обломками, Эшер остановился, вслушиваясь в жуткую тишину. Черепа у стен печально глядели на него издали пустыми глазницами.

Его шепот скользнул среди костей и сгинул во мраке: — *Frater Antonius...* Ответом было лишь шелестящее эхо. — *In nomine Patris, Antonius...*

Может быть, он спал вовсе не здесь. Эшер присел на каменную ступеньку, поставив фонарь рядом. Огляделся, прикидывая с отчаянием, сколько времени ему придется потратить, чтобы найти место ночлега Антония. Если, конечно, старый вампир вообще имел обыкновение спать днем. Эшер поплотнее закутался в пальто, положил подбородок на высоко поднятые колени и стал ждать.

В абсолютной тишине тихо свистела раскаленная жечь фонаря. Эшер вслушивался напряженно, но различал лишь писк и возню крыс среди груд костей. В неподвижном состоянии было гораздо холоднее, и он потер руки возле пышущего жаром фонаря, жалея, что не захватил перчатки. Красные крысиные глазки сверкнули на краю лужицы смутного света и вновь пропали. Исидро говорил, что вампиры способны приманивать животных не хуже, чем людей. Когда, интересно, у брата Антония наступает время обеда?

Затем пришла убийственная мысль: а не приманил ли брат Антоний его самого? Могут ли вампиры зачаровывать жертву, не поглядев ей при этом в глаза? По своей ли воле он пришел сюда? «Я бы мог вызвать ее откуда угодно, — сказал когда-то Исидро, нежно освобождая от шарфа шею бедной женщины. — И поверьте мне, Джеймс: она бы заняла денег и приехала».

Эшер, правда, не чувствовал той дремоты, с которой он боролся когда-то в купе вагона, но это могло свидетельствовать и о великом искусстве брата Антония.

«После долгого поста жажда крови доводит до безумия...»

Он вспомнил газетный заголовок и содрогнулся.

Керосин в жестяном резервуаре выгорел уже почти полностью. Эшер представил, как ему придется пробираться назад в полной темноте, и проклял себя за то, что не догадался подбирать по дороге брошенные туристами свечные огарки. Он выпрямился, напряженно всматриваясь во мрак.

— Антоний, — шепотом произнес он по-латыни. — Я пришел поговорить с тобой. Я знаю, что ты там.

Ответа не было. Пустые глазницы черепов; сотни поколений парижан, чьи аккуратно рассортированные кости ждали здесь трубного гласа.

Чувствуя, что ведет себя глупо, Эшер снова заговорил в пустую темноту. По крайней мере, если Исидро и Забияка Джо Дэвис сказали правду, Антоний услышит его с любого расстояния.

— Мое имя — Джеймс Эшер. Я ишу вместе с доном Симоном Исидро лондонского вампира-убийцу. Мы думаем, что он может охотиться днем точно так же как и ночью. Он убивает людей и вампиров, для него не существует даже тех законов, которым повинуетесь вы. Ты поможешь нам?

Ничего не шевельнулось во мраке, эхо умолкло, упала мягкая, как пыль, тишина.

— Антоний, мы нуждаемся в твоей помощи, люди и вампиры. Он, должно быть, твой

ровесник или даже старше. Только ты способен выследить его. Ты поможешь нам?

Напевные рифмы закружились в его сознании, завораживая, как детская считалочка:

...Прошептал — и эхо снова возвратило это слово, это имя, что на свете для меня святей всего, — и не более того. «Эдгар По...» — подумал он, понимая до конца, что это такое — стоять перед лицом бездонной черноты, не совсем пустой и не совсем мертвой.

«И не более того... и не более того...»

Он достал из кармана газету и развернул ее на ступени алтаря, сложив так, чтобы бросалась в глаза статья об убийствах. Поднял почти пустой фонарь; тени шевельнулись, и черепа словно бы оскалились насмешливо.

— Я должен идти, — сказал он в темноту. — Я вернусь завтрашней ночью и послезавтрашней тоже, пока не поговорю с тобой. Девять людей и четыре вампира уже убиты, и теперь ты знаешь, что жертв будет еще больше. Нам нужна твоя помощь.

Тьма смыкалась за ним, как занавес, когда он шел по коридорам. Может быть, за ним и наблюдали, но он этого не знал.

Глава 14

Как можно вообще уничтожить вампира, неуязвимого для солнечного света? А также, предположительно, для серебра, чеснока и прочего... Эшер много бы отдал, чтобы потолковать сейчас об этом с Лидией. Если Антоний им не поможет...

Может быть, мутация с течением времени открывает иные уязвимые точки — чувствительность к холоду, например? Дон Симон, помнится, упоминал, что холод особенно нестерпим именно для древних вампиров. Однако что делать с такого рода информацией, окажись она даже правдой, Эшер не знал. Разве что попробовать заманить убийцу в огромный холодильник. Он криво усмехнулся, представив, как вдвоем с Исидро, оба одетые на эскимосский манер, они вгоняют в сердце неуловимого вампира большую сосульку и, отрезав голову, набивают ему рот снежками.

Если предположение Лидии о том, что вампиризм — всего-навсего болезнь крови, справедливо, то достаточно найти некую сыворотку, способную бороться с этой заразой. «Самое время обратиться к фольклору», — с усмешкой подумал он. Скажем, экстракт чего-то такого, содержащегося в чесноке, впрыснутый с помощью шприца непосредственно в вену вампира...

«А кто будет впрыскивать? Ты?»

Да и потом, вампиризм — это далеко не просто болезнь. Вместе с возрастающими возможностями меняется и психика. Так, может быть, уязвимая точка именно здесь?

Идя по темной пустой улице в направлении огней бульвара, он содрогнулся при мысли о тех страшных возможностях, которых со временем может достичь вампир, как пешка, прошедшая до последней горизонтали и ставшая ферзем...

В темноте пустой улицы далеко впереди возникла из тумана человеческая фигура. Смутное лицо маячило бледным пятнышком, обрамленное черной массой распущенных волос. Маленькие нежные руки потянулись к нему, и Эшер похолодел от ужаса. Конечно, следовало покинуть катакомбы, не дожидаясь темноты!

Она двинулась к нему все с той же ленивой, замедленной грацией, с какой пересекала гостиную Элизы, словно влекомая слабым сквозняком. Однако он знал: стоит ему на секунду отвести глаза — и она мгновенно окажется рядом. Ее тихий, вкрадчивый шепот был внятен и отчетлив, несмотря на разделявшее их расстояние:

— Ну что ты, Джеймс, зачем бежать? Я же только хочу поговорить с тобой...

Несмотря на замедленную плавность движений, она приближалась поразительно быстро, он уже различал ее смеющиеся порочные глаза. Чувствуя себя обнаженным, он попятился, по-прежнему не сводя с нее глаз...

Холодные каменные руки схватили его сзади, завернули локти за спину и, жестоко зажав рот, запрокинули ему голову. Смерд старой крови ударил в ноздри; еще кто-то схватил

его поперек туловища, и Эшера поволокли в глубь темной аллеи. Он бился, как форель на крючке, но понимал уже, что обречен.

Они толпились вокруг него, их белые лица плыли во мраке совсем рядом. Он бил их ногами, но ботинок каждый раз уходил в пустоту, и он слышал нежный журчащий смех. Он почувствовал, как кто-то разрывает ему ворот, хотел крикнуть: «Нет!», но зажимающая рот ледяная ладонь отогнула голову еще сильнее, чуть не сломав позвонки. В разорванный воротник хлынул ночной воздух — такой же холодный, как эти руки...

Режущая боль, затем волна слабости. Колени его подогнулись, и он наконец был отпущен. Эшеру показалось, что он узнает хрипловатый смех Гиацинты. Маленькие женские руки надорвали рукав, и Эшер почувствовал, как она прокусывает ему вену. Мрак пульсировал в его мозгу; потом возникло смутное видение светлых холодных язычков пламени, колеблющихся в ужасающей бездне; на секунду ему почудилось, что он уже видел эти бледные лица — то ли когда стрелял в Жана ван дер Плаца в Претории, то ли когда играл с Лидией в крокет на лугу, принадлежащем ее отцу.

Женские руки обвили его, и, открыв глаза, он увидел оскаленную Элизу, за плечом которой стоял Гриппен; кровь была на его грубых усмехающихся губах. Все они были тут — Хлоя, Серж, темноволосый мальчуган и другие, — нежными прерывистыми голосами умолявшие уступить им место. Он снова попытался шепнуть: «Нет...», но у него не хватило на это дыхания. Алая мгла поглотила его и стала черной.

— Простите, дорогая. — Миссис Шелтон вышла из узкой двери под лестницей, вытирая руки о фартук, и Лидия вскинула глаза от небольшой кипы писем на столике в холле. — Боюсь, что для вас ничего нет.

В ответ на такую заботливость Лидия лишь улыбнулась через силу и, неловко сунув книжную сумку под мышку, пошла вверх по лестнице, свободной рукой вытаскивая шпильку, скрепляющую шляпу с волосами. Миссис Шелдон поднялась с ней до половины полета и обеспокоено взяла за руку.

— Вам тяжело, дорогая, — участливо сказала хозяйка. — Какой-нибудь молодой человек?

Лидия кивнула. Хозяйка отпустила ее, и Лидия двинулась дальше. «Я задушу его, — думала она. — Он же написал, что вернется скоро!» Возможные причины — одна страшнее другой — лезли в голову. Лидия отбросила их прочь, оставив одну-единственную мысль: «Я должна как-то с ним связаться... Я должна рассказать ему...»

Предназначенная для уборщицы записка по-прежнему висела на двери, приколотая чертежной булавкой с синей головкой: «**БЕСПОРЯДОК — РАБОЧИЙ. ПРОСЬБА НЕ УБИРАТЬ**». Лидия всю свою жизнь боролась с многими женщинами — от няни до Элен — за неприкосновенность своего рабочего места. Однако Долли — уборщица, нанятая миссис Шелдон, — явно больше уважала собственную лень, нежели любовь к порядку. Судя по всему, уборщица даже не переступала порог комнаты.

Лидия бросила сумку на пол рядом со стопкой журналов, сняла шляпу и зажгла свет. Хотя она знала, что, оказавшись Джеймс в Лондоне, он бы обязательно дал ей знать об этом, но все же прошла в спальню и, припав к стеклу, всмотрелась в глубь грязного переулочка.

Колоннада Принца Уэльского, 6. Обе половины портьеры задернуты. Света в окне не было.

«Черт тебя побери, Джейми, — подумала она, вернувшись в комнату и чувствуя, как сжимается сердце. — Прах тебя побери, прах тебя побери, напиши мне! Возвращайся. Я должна сказать тебе об этом».

Она прислонилась к косяку в проеме между двумя комнатами, забыв о головной боли, мучившей ее вот уже с трех часов, и о том, что она с самого завтрака фактически ничего не ела. Взгляд ее был слепо устремлен на конторку, заваленную журналами, выписками и книгами: «Источники психических возможностей» Питеркина, «Химия мозга и седьмое чувство» Фрейборга, «Патологические изменения» Мэйзона. Сверху лежала записка Джеймса, где он извинялся за необходимость ехать вместе с Исидро в Париж. Здесь же было

и его парижское письмо, сообщавшее, что добрались они благополучно и собираются нанести визит вампирам.

Корсет показался ей вдруг ужасающе тесным. Она прекрасно понимало, что, опасаясь дневного вампира, Джеймс не мог зайти к ней попрощаться. Сердиться на него было бесполезно, как, впрочем, и на нынешнее положение вещей; в конце концов, ситуация могла стать куда отчаяннее. Одному богу известно, почему ой не может ей сейчас написать. Если она начнет визжать и пинать стены, то это не принесет пользы ни ему, ни ей, ни уборщице миссис Шелдон.

«Но я же знаю ответ, — подумала она, и стальная пружина понимания, страха и опасности свилась в ее груди еще туже. — Я знаю, как мы можем найти их. Джейми, возвращайся и скажи, что моя догадка правильна! Джейми, возвращайся, пожалуйста...»

Механически она повесила пальто и шляпу и принялась вынимать заколки из волос, тут же развившихся с сухим шелковым шорохом. Остановилась перед охапкой газет со статьями о повышенной чувствительности к свету, о чуме, о вампирах (две из них были написаны Джеймсом), о телепатии. Она просиживала все дни в библиотеках над медицинскими и фольклорными журналами, а ночами изучала собственные выписки.

Лидия подняла из бумаг по-особому сплетенный в одном из магазинов, специализирующихся на подобных вещах, сухой и мягкий локон нечеловеческих волос Лотты.

«Я должна проверить все это вместе с Джеймсом, — подумала она, понимая, что ей просто не к кому с этим обратиться. — Но ответ — здесь. Я знаю, что это так».

В конце концов, она обещала Джеймсу разобраться.

Сколько еще ждать? Она должна поговорить с ним, должна рассказать...

Лидия подошла к окну и задернула штору, но вскоре от этого стало еще хуже. Первые две ночи, мечась на постели в беспокойном полусне, она слышала низкий бормочущий голос, зовущий ее по имени где-то совсем рядом. Но что-то в этом голосе ужасало ее, и она прятала голову под подушку, готовая позвать на помощь Джеймса, точно при этом зная, что не осмелится произнести ни звука... И просыпалась, пытаясь выбраться из постели. Она прикупила керосина, и теперь лампа горела в ее спальне всю ночь. Лидия стыдилась своих детских страхов, но ничего с собой поделать не могла.

Он должен возвратиться.

Она присела за конторку и развернула одну из статей, хотя знала, что ничего нового это ей не принесет — лишь подтвердит уже возникшую догадку. Но единственное, что оставалось ей сейчас, пока Джеймс не вернулся из Парижа, — это работа.

Со вздохом она углубилась в чтение, старательно отгоняя вопрос: а что ей останется делать, если он не вернется?

Эшер очнулся, чувствуя, что умирает от жажды. Кто-то дал ему напиться (почему-то апельсинового сока), и он снова провалился в сон.

Так уже случалось три или четыре раза. Но у него просто не было сил открыть глаза. Он чувствовал запах воды, гнили и подземной сырости. Тишина была полной. Потом он засыпал.

Когда же ему наконец удалось разомкнуть веки, свет единственной свечи, горящей в вычурном золоченом подсвечнике у противоположной стены, показался невыносимо ярким. Чтобы повернуть голову, Эшеру пришлось собрать все силы. Он лежал на узкой кровати в маленьком подвале, где громоздились полдюжины ящиков с винными бутылками, покрытыми слоем пыли. Открытый арочный проем вел в довольно обширное помещение, но был забран запертой на замок решеткой. По ту сторону прутьев стояли Гриппен, Элиза, Хлоя и Гиацинта.

— Я думала, ты можешь касаться серебра... — по-ребячьи обиженно протянула Хлоя.

— Если человек может завязать кочергу узлом, то это еще не значит, что он сделает то же самое с раскаленной кочергой, — огрызнулся Гриппен. — Не прикидывайся глупее, чем ты есть.

«Решетка, должно быть, серебряная...» — подумал Эшер, смутно догадываясь, что спор, как проникнуть в подвал, завершился тем, с чего начался. Машинально он отметил, что произношение Гриппена куда более архаично, нежели произношение Исидро, и слегка напоминает акцент американцев, живущих в предгорьях Аппалачей. Он чувствовал, что горло его и кисти рук забинтованы, а щеки покрыты жесткой щетиной.

— Может, он сам подойдет и откроет? — Прищулив темные глаза. Гиацинта задумчиво разглядывала Эшера. Что-то изменилось в ее голосе, и она проворковала нежно: — Ты ведь откроешь мне, милый?

Секунду такое решение казалось Эшеру вполне логичным, он только хотел бы знать, куда мог Исидро спрятать ключ. Потом спохватился и покачал головой.

Темные глаза вспыхнули, и все окружающее Эшера словно померкло.

— Ну, пожалуйста... Я не трону тебя и другим не позволю. Я войду — и ты сразу закроешь дверь.

И он опять несколько секунд верил в это — верил, несмотря на случившееся в темной аллее, несмотря на глубокую убежденность в том, что это ложь. Возможно, Исидро имел в виду нечто подобное, когда называл Лотту «хорошим вампиром».

— Ба! — сказал Гриппен. — Я не сомневаюсь, что он бы уже встал, если бы мог.

Гиацинта засмеялась...

— Забавляетесь, детвора?

Гриппен резко обернулся чуть ли не раньше, чем прозвучали эти слова. Женщины сделали это с небольшим запозданием. Казалось, что лица их дрогнули, но это качнулось и затрепетало пламя свечи, тронутое легким сквозняком. Секундой позже из темноты шагнул Исидро — изящный, слегка утомленный, и Эшер обратил внимание, что вампир на этот раз не торопится подойти к остальным вплотную.

— Вынужден предположить, что ты подкрадываешься по сточным трубам, как твои родственники — испанские крысы, — прорычал Гриппен.

— Коль скоро французское правительство проложило эти трубы, грешно было бы не воспользоваться ими. Ты знал когда-либо Туллоча Шотландца? Или Иоганна Магнуса?

— Шотландец давно мертв, и, я смотрю, этот проклятый писака научил тебя задавать иезуитские вопросы! Мертвые не имеют дел с живыми, испанец. Их заботы перестали быть нашими с того момента, как мы прекратили дышать и проснулись со вкусом крови во рту и голодом в сердце!

— Однако живые могут то, чего не могут мертвые.

— Это верно! Умирать и быть добычей! И если твой драгоценный доктор еще раз сунется в Лондон, то это первое, что он сможет!

— Или ты собираешься держать его здесь вечно? — насмешливо спросила Элиза. — Ты его нежно любишь, Симон? Никогда бы в тебе этого не заподозрила.

Хлоя серебристо рассмеялась.

— Мертвый может умереть еще раз, — негромко сказал дон Симон. — Лотта рассказала бы тебе об этом, если бы смогла. И Кальвар, и Недди...

— Лотта была неумна, а Кальвар и вовсе дурак, — отрезал Гриппен. — Кальвар был хвастун и разбалтывал встречным и поперечным, кто он и что он. Да какой смертный в здравом уме захочет нас защищать, узнав, кто мы такие? Я всегда думал, что у испанцев дерьмо вместо мозгов, а теперь убедился полностью.

— Из чего бы ни состояли мои мозги, — сказал дон Симон, — но Лотта, Недди, Кальвар и Дэнни — убиты, и мы не можем выследить того, кто их убил. Только другой вампир мог подкрасться к ним незаметно, причем вампир очень древний, очень искусный, способный оставаться невидимым даже для нас. Более древний, чем ты или я...

— Это небылица!

— Нет никаких древних вампиров, — добавила Элиза. — Ты впадаешь в...

— Она быстро взглянула на Гриппена, сообразив, что они с доном Симоном ровесники и что слова «впадаешь в детство» могут быть обидны и для того, и для другого.

— Он охотится днем, Лайонел, — сказал дон Симон. — Когда-нибудь ты проснешься, разбуженный солнечным светом.

— А тебя когда-нибудь разбудит осиновым колом твой профессор! — зло парировал Гриппен. — Мы имеем дело лишь друг с другом. Ты объясни это своему болтуну. А когда он вернется в Лондон, получше за ним приглядывай.

И, грубо схватив Хлою за запястье, он потащил ее за собой из подвала. Их причудливые чудовищные тени скользнули, трепеща, по стене.

— Ты глупец, Симон, — мягко произнесла Элиза и, двинувшись вслед за ними, пропала из виду.

Гиацинта задержалась, лениво окинув испанца взглядом темно-карих глаз.

— Ты нашел его? — спросила она в своей приторно-тягучей манере. — Того, что охотится на кладбище, Самого Древнего Вампира? — Она скользнула к Исидро и взялась пальчиками за отвороты короткого воротника, словно намереваясь соблазнить испанца.

— Когда я оттаскивал тебя, Гриппена и других от Джеймса, — тихо ответил дон Симон, — ты видела, кто его оттуда унес?

Гиацинта отступила, и вид у ней был растерянный. «Как у человека, — подумал Эшер, — впервые познакоившегося с неуловимостью вампиров...»

— Вот и я не видел, — без улыбки закончил дон Симон.

Х Смущенная, Гиацинта исчезла для Эшера, но не для Исидро. Судя по еле заметному повороту головы, испанец проводил ее взглядом.

В молчании он долго стоял перед решеткой, внимательно оглядывая темный подвал. Глаза Эшера постепенно привыкали к скудному освещению, и он уже различал позади Исидро металлическую крышку, явно имеющую отношение к парижской канализации. Хотя другие вампиры удалились из подвала в другом направлении — видимо, по лестнице, ведущей на первый этаж какого-то здания. «Один из старых особняков в Маре или в предместье Сен-Жермен, — предположил Эшер, — до которого не добрались пруссаки? Или просто один из бесчисленных домов, перекупленных вампирами в качестве запасного укрытия?»

Затем Исидро позвал, причем так тихо, что Эшер еле смог расслышать:

— Антоний?

Ответа из пыльной темноты не было. Вампир достал из кармана ключ и, обернув руку полый своего шотландского плаща, осторожно отпер решетчатую дверь. Затем взял из темного угла маленькую сумку, которую, надо полагать, оставил там перед тем, как вмешаться в разговор, и шагнул в маленький подвал.

— Как вы себя чувствуете?

— Приблизительно как лангуст в ресторане Максима.

Легкая улыбка скользнула и исчезла.

— Примите мои извинения, — сказал Исидро. — У меня не было уверенности, что я доберусь до вас раньше, чем они. — Он устался на что-то рядом с ложем Эшера. Затем поднял этот предмет, оказавшийся старым фарфоровым кувшином с остатками воды.

— Он был здесь?

— Антоний? — Эшер покачал головой. Его хриплый голос был настолько слаб, что, пожалуй, никто, кроме вампира, не смог бы его расслышать. — Я не знаю. Кто-то был...

Обрывки сна или галлюцинации — костлявые пальцы, ласкающие серебряную щеколду, — смутно всплывали в его сознании и никак не могли проясниться окончательно.

— Я оставил это в другой половине подвала. — Вампир достал из сумки широкогорлую фляжку и картонную коробку, издающую слабый аромат свежего хлеба.

— Не кровь, надеюсь? — осведомился Эшер, когда Исидро налил густого бульона в чашку, и вампир снова улыбнулся.

— В романах — в частности, у мистера Стокера — обычное дело, если друзья выручают жертву вампира, предложив ему свою кровь, но обращаться с подобной просьбой к случайным прохожим, согласитесь, не совсем удобно.

— «Спустишься со мной в подвал, я лишь возьму часть твоей крови и сразу же отпущу тебя...» У Гиацинты это прозвучало бы убедительно. Но, насколько я знаю от Лидии, случайный прохожий здесь вряд ли бы помог. Человеческая кровь имеет разные группы.

— А вы думаете, вампиры не интересовались этим после того, как были опубликованы статьи мистера Харви? — Исидро помог ему сесть. — Мы знакомы и с аппаратами для переливания крови, и с полыми иглами. Я слышал, что венские вампиры впрыскивали жертвам в кровь кокаин. Когда сосуды Дюара получили распространение в прошлом году, Дэнни пытался сделать запас свежей крови, но оказалось, что она при этом утрачивает вкус, да и не в одной крови дело. Полагаю, представься нам такая возможность, — добавил он, не повышая голоса, — многие из нас изменили бы образ жизни.

Эшер поставил чашку на колени, руки тряслись от слабости. Пальцы Исидро обжигали холодом.

— Не будьте наивны... Убивали бы, как убиваете...

Вампир приподнял брови.

— Возможно, вы правы. — Он забрал пустую чашку, и каждое движение его было изящно и экономно, как сонет. — Насчет Гриппена не беспокойтесь. В данный момент он и Хлоя возвращаются в Лондон...

— Дон Симон...

Он оглянулся — демон и убийца, спасший жизнь Эшеру.

— Спасибо...

— Вы у меня на службе, — сказал вампир — бесстрастный ответ аристократа, для которого долг столь же свят, как и права. — И мы еще не ликвидировали убийцу... Я, кстати, до сих пор не убежден полностью, — продолжил он, аккуратно убирая в сумку чашку, флягу и ложку, — что убийца не сам Гриппен. Здесь я полагаюсь на вашу версию, что вампиризм — чисто медицинская патология. За триста пятьдесят лет изменения могли накопиться в таком количестве...

— Тогда они должны были накопиться и у вас.

— Необязательно. — Он обернулся, указав плавным жестом на свои бледно-пепельные волосы. — Хотя в юности я был белокурым, но волосы у меня были гораздо темнее, чем сейчас, а глаза и вовсе темными. Такая бледность глаз и волос для нас не совсем обычна. Может быть, это как раз то, что называется мутацией вируса, если, конечно, вирусы имеют к этому отношение. Старейший вампир, которого я знал, мой мастер Райс, тоже был бледным в отличие от своих птенцов... Так вот, с возрастом изменения могли накопиться, а коль скоро Кальвар покинул Париж по тем же самым причинам, которые восстановили против него Гриппена в Лондоне...

— Нет. — Эшер откинулся на подушку, настолько обессиленный от своих попыток выпрямить спину, что сейчас ему хотелось только спать. — Вы не читали газеты? У меня в кармане... — Он засомневался. — А, нет, я ее оставил в катакомбах. Перепечатка из лондонской «Тайме». Гриппену потребовались бы сутки, чтобы сюда добраться, а за день до того, как на меня напали, в Лондоне вампиром было в одну ночь убито девять человек. Полиция сбита с толку тем, что тела жертв обескровлены, но...

— Девять?!

Впервые Эшер видел дона Симона ошеломленным. Или, может быть, он просто научился тоньше различать проявления чувств Исидро?

— Я не думаю, что это дело рук какого-нибудь известного нам лондонского вампира. Гриппен, конечно, зверь, но он бы не уцелел в течение трехсот пятидесяти лет, совершая он такие безумства. Теперь я знаю, что Гриппен и Хлоя здесь ни при чем, да и на Фарренов это не слишком похоже. Такое впечатление, что некий вампир, долго сдерживавший свои желания, дал себе наконец волю.

— На эту роль Гриппен как раз вполне подходит, — пробормотал дон Симон. — Но девять жертв...

— Во всяком случае, это означает, — сказал Эшер, — что мы имеем дело с

неизвестным нам вампиром.

Исидро кивнул.

— Да, — сказал он. — И такое впечатление, что с сумасшедшим. Эшер вздохнул.

— Моя няня говаривала: «День ото дня дела идут все лучше и лучше». Мне было бы спокойнее думать, что она права. — Он уронил голову на подушку, набитую соломой, и вновь провалился в сон.

Глава 15

ВОСЕМЬ ЧЕЛОВЕК ПОГИБЛИ ПРИ ПОЖАРЕ ТОВАРНОГО СКЛАДА! ПОДОЗРЕВАЕТСЯ, ЧТО ДЕЛО НЕЧИСТО

(Из «Манчестер герольд») Огонь опустошил товарный склад, принадлежащий Мойлу и компании, на Ливерпуль-стрит прошлой ночью, унеся жизни восьмерых бродяг, надеявшихся найти на складе убежище от холода. Тем не менее полиция сообщила, что обнаруженные в прилегающей к складу аллее пятна крови наводят на мысль о том, что дело здесь нечисто, хотя все тела были слишком жестоко обожжены, чтобы дать повод к конкретным подозрениям. Все восемь тел были найдены в глубине склада, близко к тому месту, откуда начался пожар. Нет никаких свидетельств, что бродяги пытались погасить пламя, и полиция уверена, что все они были мертвы еще до возникновения пожара. Огонь уже разгорелся, когда его увидел ночной сторож Лоуренс Бевингтон, уверяющий, что не заметил во время предыдущего обхода ни дыма, ни суматохи на складе.

«Конечно, не заметил, — подумала Лидия. — Будь я на месте убийцы, я бы не стала стаскивать трупы и поджигать склад, не убедившись, что сторож уснул».

Дрогнувшей рукой она отложила газету.

Манчестер. Безликие массы фабричных рабочих, слуг, угольщиков... Она взглянула на исписанный до половины листок, лежащий поверх журнала «Сравнительный фольклор», и в который раз спросила себя, сколько ей еще ждать.

Она обещала Джеймсу ничего не предпринимать до его возвращения и не подвергать себя опасности. Она понимала, что, начав действовать самостоятельно, она оказалась бы в положении ребенка, заблудившегося в болотах и не умеющего отличить надежной кочки от предательского зеленого бугорка, прикрывающего гибельную трясику. Понимала она и то, что вампиры затаились где-то совсем рядом. Со страхом Лидия вспомнила гортанный голос, зовущий ее во сне, и ужас сгущающейся темноты в холодном туманном дворе, где она пыталась выследить вампира. Чтение не приносило облегчения и лишь усиливало страх.

Сколько ей еще ждать? В последнем письме Джеймс сообщал, что намерен нанести визит парижским вампирам под сомнительной защитой дона Симона Исидро. Тщетно она запрещала себе связывать это известие с последующим долгим молчанием. Сердце подсказывало ей, что им не было никакого смысла сохранить жизнь Джеймсу. Кроме того, у друзей Кальвара могли быть секреты, оберегаемые не только от людей, но и от других вампиров.

«Подожду еще один день, — решила она, пытаясь унять отчаяние. — Через Оксфорд письма идут медленно... могла быть задержка...»

Она вновь взглянула на список, который начала составлять прошлой ночью, и на лежащую рядом газету. Обезумевший вампир уничтожил за последние трое суток семнадцать человек.

Непослушными пальцами она сняла и отложила очки, потом уронила лицо в ладони и заплакала.

Проснувшись, Эшер почувствовал себя немного получше, хотя изнеможение и угнетенное состояние духа все еще давали себя знать. Сны его были отравлены сознанием какой-то страшной ошибки, хотя он еще не мог понять, в чем она заключалась. Ему снилось, что он ищет что-то в доме ван дер Плаца в Претории — ищет торопливо, потому что вот-вот

должно вернуться семейство, искренне привязанное к своему гостю — симпатичному и чудаковатому баварскому профессору, увлеченному одной своей лингвистикой.

Но он забыл, за чем он охотится. Он помнит только, что это жизненно необходимо, причем не только для Англии, ведущей войну с непокорными колониями, но и для его собственной безопасности, а также безопасности близкого ему человека. Он предполагает, что это должны быть какие-то заметки, скорее всего список его собственных статей, до которых ему необходимо добраться первым... Страх и торопливость нарастают, потому что, во-первых, ван дер Плацы хотя и буры, но связаны с германской разведкой в Претории и немедленно выдадут его, если узнают, кто он такой. А во-вторых, он точно знает, что в одном из шкафов, дверцы которых он открывает и закрывает в спешке, окажется Жан, его друг — семнадцатилетний сын хозяина, со снесенной выстрелом половиной лица...

— Я убил его, — выговорил он, открыв глаза.

Холодные хрупкие пальцы коснулись его лица. На фоне низкого смутного потолка он различал это истощенное белое лицо, плывущее в облачке бледных волос, пылающие странным пламенем нечеловеческие глаза. Фразу он выговорил на английском, и тихий шепчущий голос по-английски ответил ему:

— Убил ты этого отрока во гневе или ради выгоды? Он знал, что брат Антоний может читать его сновидения, хотя до конца уверен в этом не был.

— Мне не оставалось ничего другого, — так же тихо проговорил Эшер. — Он мог понять, кто я такой. Хотя нет... — Рот его горько скривился. — Я убил его по политическим соображениям... чтобы сохранить собранную информацию, с которой мне надо было вернуться в Англию. Я боялся... — Он помедлил, подбирая слово, потому что термин «подорваться» мог быть незнаком старому монаху. — Я боялся, что меня изобличат как шпиона.

«Каков эвфемизм», — подумал он, сожалея о том, сколь многое теряется при переводе мыслей и чувств в слова. Да, он боялся быть изобличенным перед этими людьми как шпион, воспользовавшийся их доверием, как мог воспользоваться для бегства краденым велосипедом, чтобы оставить его потом ржаветь на обочине.

— У меня давно уже нет права отпустить тебе твои грехи. — Хрупкие ледяные пальцы погладили руку Эшера; всматривающиеся в его лицо зеленые глаза были безумны и полны боли, но Эшер не боялся, что вампир не устоит перед соблазном крови. Затем шепот возник снова: — Я, обличавший алчных священников, продажных священников, священников, берущих взятки и оправдывающих грехи своих господ, — как я могу надеяться, что Бог прислушается к словам священника-убийцы, священника-вампира! Хотя Святой Августин говорит, что солдату позволено убивать в бою, и грех этот может быть ему прощен.

— Я не был солдатом, — тихо сказал Эшер. — В бою один стреляет в другого, но и тот стреляет в ответ. Он просто пытается сохранить собственную жизнь.

— Сохранить собственную жизнь, — усталым эхом отозвался вампир. Похожее на череп лицо его не изменилось, лишь дрогнули веки зеленых запавших глаз. — Сколь многим пришлось умереть, чтобы сохранить мою жизнь — мое бессмертие? Я не должен был делать этого выбора, но я его сделал. Я сделал его, когда вампир, отведав моей крови, поднес свое кровоточащее запястье к моим губам и приказал пить его кровь, приказал войти в его разум, в котором тьма горела, как пламя. Я выбрал вечную жизнь и выбираю ее с тех пор ежедневно.

Изнemoжение давило Эшера, как свинцовое одеяло; временами ему казалось, что сон продолжается.

— А другие причины — были?

— Нет. — Холодные пальцы маленького монаха лежали на руке Эшера неподвижно. Свеча отбрасывала огромную чудовищную тень на низкий потолок; свет мерцал на острых, как иглы, клыках. — Просто я любил жизнь. Я был грешен этим изначально, еще когда жил с миноритами, маленькими братьями Святого Франциска. Я щадил себя, я любил свое тело, которое должен был презирать, любил маленькие удобства жизни — все, против чего

предостерегал наш Учитель. Мне говорили, что, спасая тело, губишь душу. Так оно и вышло... Может быть, я просто не хотел предстать пред Богом, отягощенный этими грехами. Не помню... А теперь я отягощен убийствами, которые даже не могу сосчитать. В кипящее озеро крови, которое видел в Аду Данте Итальянец, меня следует погрузить целиком, до последнего волоска на темени. Вот участь, достойная того, кто пил горячую кровь из жил, чтобы продлить свое существование! Но мне даже этого не суждено!

Горестно шепчущий голос последовал за Эшером во сны. На этот раз ему привиделся каменистый берег дымящегося бурлящего озера под черным небом. Запах крови останавливал дыхание, клочкотание оглушало. Взглянув вниз, он увидел запекшиеся оставленные отливом лужицы, заставляющие вспомнить анатомичку, где практиковались студенты-медики. Все они были в этом озере: Гриппен, Гиацинта, Элиза, Антея Фаррен — обнаженные, корчащиеся, кричащие от боли... По берегу адского озера в кремовом вечернем костюме шла Лидия с колбочкой в руке; волосы ее вились, отброшенные за спину; стекла очков запотевали от жара, когда она наклонялась, чтобы взять на пробу кровь из кипящего Флегетона. Эшер пытался позвать ее, но она уходила все дальше, разглядывая колбочку на просвет, и была поглощена лишь этим. Он хотел бежать за ней, но тут же обнаружил, что не может сдвинуться с места; его ноги, казалось, пустили корни в застывшей лаве. Оглянувшись, он понял, что начинается прилив, — кипящая кровь уже напознала, подбиралась к нему, готовясь поглотить за все его грехи.

Он открыл глаза и увидел Исидро, сидящего возле свечи и читающего лондонскую «Тайме». Стало быть, снаружи была ночь.

— Интересно, — негромко проговорил вампир, когда Эшер передал ему разговор со старым священником. — Получается, что он приходил в дневные часы, то есть, думаю, солнечный свет для него все-таки не препятствие. И серебряный замок на двери явно был открыт и закрыт.

— Он мог прийти и другой дорогой.

Исидро свернул и отбросил газету.

— Он мог явиться через сточные трубы. Возможно, он все эти годы знал, что этот дом принадлежит мне, а может быть, просто следил за мной, когда мы возвращались из катакомб. И, увидев, как я пытаюсь спасти вам жизнь, несомненно сообразил, куда вас следует доставить. В любом случае резиденцию мне надо искать новую, поскольку об этой уже знают и Гришин, и Элиза... Вы уже можете держаться на ногах?

Эшер заставил себя встать, хотя даже попытка умыться из принесенного доном Симоном резинового тазика вымотала его до такой степени, что он счастлив был вернуться на свое ложе: Чуть позже, отдохнув, он попросил конверт и бумагу. В течение следующего дня он написал два письма Лидии: одно — в Оксфорд на ее настоящее имя, другое было адресовано мисс Присцилле Мерридю и вложено в конверт с запиской для студента-посредника. Эшер заверял Лидию, что находится в относительной безопасности, но сам он прекрасно понимал всю мрачную иронию этой фразы. Быть заключенным в подвале под опекой двух вампиров — ситуация, прямо скажем, оптимизма не вызывающая. Исидро без возражений согласился отправить оба письма, и Эшеру оставалось только надеяться, что простенький его камуфляж сработает, а там уж он постарается найти для Лидии новое убежище.

Он пробыл в подвале еще два дня: большей частью спал, читал приносимые доном Симоном газеты и книги и с чисто научным удовлетворением слушал, как вампир читает вслух Шекспира с произношением, принятым в шекспировские времена. Силы постепенно возвращались. Брат Антоний больше не появлялся, разве что в странных запутанных снах Эшера, однако фарфоровый кувшин он, проснувшись, всегда находил полным свежей воды.

В полдень второго дня Эшер нашел подложенные под подсвечник два железнодорожных билета, а в ногах постели стоял аккуратно собранный багаж. К билетам была приложена записка на прекрасной, вполне современной бумаге, но почерком середины семнадцатого столетия: «Сможете ли вы отправиться в Лондон сегодня вечером?»

Здесь же был сложенный в несколько раз номер лондонской «Тайме» с крупным заголовком: «РЕЗНЯ В ЛАЙМХАУСЕ».

Еще семь человек (в основном докеры-китайцы) расстались с жизнью.

Дрожа от слабости, Эшер слез со своего ложа и, спотыкаясь, побрел к решетке. Прутья были массивные, явно рассчитанные на сверхчеловеческую силу вампиров, серебряный замок был закрыт на ключ. Эшер прижался к холодному металлу и негромко позвал в темноту:

— Антоний! Брат Антоний, послушайте. Вы нам нужны в Лондоне. Нам нужна ваша помощь. Мы можем совершить это путешествие в течение одной ночи, кроме того, у нас есть с собой укрытие от дневного света. Вы должны ехать с нами — вы единственный, кто может нам помочь, единственный, кто может выследить дневного убийцу. Помогите нам. Пожалуйста.

В ответ из темноты — ни звука.

— Я не удивлен, — заметил дон Симон, выслушав рассказ Эшера, когда поезд отошел от Гар дю Нор в тонком вечернем тумане. — Трудно сказать, насколько он осведомлен и много ли понимает в том, что происходит. Вполне возможно, что он тайком следует за нами, слушая издали наши разговоры, как это, кстати, часто делают вампиры. Не исключено, что он приветствует смерть вампиров или просто не желает назвать имя убийцы, потому что хорошо с ним знаком. Дружба среди вампиров бывает, хотя и редко.

Он развернул на костлявых коленях только что купленную газету, равнодушно пробежал заголовки.

— Мне это не нравится, Джеймс, — сообщил он, и Эшер наклонился посмотреть.

«ВАМПИР ЛАЙМХАУСА! — кричал заголовок. — ПОЛИЦИЯ ОЗАДАЧЕНА». — Еще одна серия убийств позавчерашней ночью — в Манчестере (лондонские газеты перепечатали сообщение на следующий день). Наш вампир, видимо, пользуется обычным транспортом... Выпить кровь из девяти человек — да после этого ни один нормальный вампир в течение недели как минимум даже глядеть на людей не сможет! Если кому-то требуются две жертвы в течение одной ночи, то это редчайший случай. А это... — Тонкие брови озабоченно сдвинулись.

— Это меня сильно беспокоит.

— Случалось такое раньше?

Изящные руки свернули газету в несколько раз и отложили в сторону.

— При мне — нет. Но Райс рассказывал, что нечто подобное случилось во время Чумы.

«Он стал вампиром еще до пришествия Черной Смерти...»

— С теми, кто пил кровь заразившихся чумой? Исидро обхватил руками колено. На Эшера он не смотрел.

— Да все мы это делали, — сказал он спокойно. — Райс делал это во время Великой Чумы — и не заболел. Гриппен и я поступали так же в шестьдесят пятом, когда чума в последний раз пришла в Лондон. Да и кто мог тогда отличить здорового человека от зараженного, да еще ночью! Однажды я выпил кровь одной женщины, а потом отбросил простыню и увидел у нее под мышками и в паху черные нарывы — чума в последней стадии. Я выбежал на улицу, меня жестоко рвало, и Туллоч Шотландец, найдя меня в таком состоянии, удивился, что меня напугало. «Мы уже мертвые, — сказал он. — Что за девичьи страхи?»

Голос вампира был ровным, желтые глаза — бесстрастны, но, глядя на этот бледный благородный профиль, Эшер ощутил вдруг, какая пропасть времени разделяет его и Исидро.

— Потом, много лет спустя, Райс пристрастился к путешествиям — странная привычка для вампира. Он исчезал на годы, бывало, и на десятилетия, но я его видел последний раз в Лондоне — за неделю до Большого Пожара. Так вот, он рассказывал мне однажды, что вампиры в Париже и в Баварии во время чумы, случалось, испытывали странные приступы, убивая по несколько человек за одну ночь. Хотя было ли это связано с чумой — сказать трудно. Вполне возможно, что причиной срыва был царящий вокруг ужас. Интересно, что

такое, по его словам, могло случиться спустя долгое время после мора. Элизабет Белокурая, насколько мне известно, проникала в зачумленные дома и убивала там целые семьи. После одного такого безрассудства ее убили, но раньше с ней подобных приступов не было, а она была вампиром уже несколько столетий.

— А с вами такое случилось?

Вампир так и не взглянул в его сторону.

— Пока еще нет.

Они прибыли в Лондон перед рассветом. На этот раз Исидро не исчез, как он это делал раньше, стоило поезду подойти к платформе. Вместо этого он кликнул кэб и, лишь сопроводив Эшера домой, сгинул в опасно бледнеющей мгле. Хотя вампир объяснял такую свою заботу обязанностями перед тем, кого он нанял, Эшер все равно был благодарен ему. Большую часть путешествия он отсыпался, и все же, когда они достигли Колоннады Принца Уэльского, вид у Эшера, как частенько выражалась миссис Граймс, был такой, словно его пропустили сквозь жернова.

Спустя несколько часов он был разбужен солнцем. Хозяйка, ужаснувшаяся его бледности, принесла ему завтрак на подносе и спросила, не нуждается ли он в помощи.

— Если вы больны, сэр, — обеспокоено сказала она, — можно нанять человека, чтобы он за вами ухаживал. Я рада бы заняться этим сама, но у меня просто не хватит времени, у нас ведь еще четыре постояльца.

— Нет-нет, — успокоил ее Эшер. — Но я весьма благодарен вам за заботу. У меня есть в Лондоне младшая сестра, и, если вы будете столь добры, чтобы направить вашего посыльного на телеграф, ее можно было бы известить и она бы обо мне позаботилась.

Это был весьма неуклюжий маневр, но просто послать записку на Брутон-Плейс означало бы рассекретить убежище Лидии. Набрасывая еще подрагивающей от слабости рукой послание, он решил с сожалением, что разумнее все-таки не встречаться, а продолжать обмен данными информацией через гардероб музея. Закончив, задернул половину портьеры, чтобы предупредить Лидию о том, что послание отправлено. Он жаждал видеть ее, прикоснуться к ней, услышать ее голос и, самое главное, удостовериться, что с ней все в порядке, но, зная об убийце то, что он знал сейчас, он бы не решился даже встретиться с ней в парке при свете дня.

Уже то, что он однажды решился на такую встречу, заставляло его сердце сжиматься в предчувствии опасности. Убийца, по словам Исидро, вполне мог подглядывать и подслушивать на расстоянии, различая каждое произнесенное ими слово, — дневной охотник, безумный, пораженный древней чумой. Лицо Забияки Джо Дэвиса всплыло внезапно в его памяти — искаженные бледные черты, сальные волосы, отчаянный шепот: «У меня как будто мозг высасывают от голода...» — и безумие в глазах.

Эшер почувствовал горькое раскаяние. «Богopodobный Деннис Блейдон, — злобно подумал он, — Х никогда бы не позволил втянуть Лидию в такую историю».

Телеграмму он послал с оплаченным ответом и около двух часов излагал на бумаге свои парижские приключения. Это вымотало его и расстроило окончательно. Он нуждался в отдыхе точно так же, как нуждался в воде, когда лежал первые несколько дней в парижском подвале Исидро. Как бы он хотел вывести Лидию из этой игры, выйти из нее самому и хоть на малое время снова оказаться на зеленых лугах Оксфорда! Ему нужен был отдых — и вовсе не для того, чтобы иметь возможность поразмыслить о предполагаемых вампирах из фольклора или — того хуже — о реальных ночных созданиях, крадущихся лондонскими мостовыми, вслушивающихся в голоса прохожих и провожающих их алчными взглядами.

Но возможности для отдыха не было. Он вытер пот с лица и продолжал водить пером по бумаге, вслушиваясь, на раздастся ли у дверей стук почтальона.

Он так и не дождался ответа. Через силу одевшись, Эшер послал за кэбом — отчасти чтобы создать впечатление предстоящей ему долгой поездки, отчасти надеясь увидеть Лидию возле библиотеки, а отчасти и потому, что пройти два квартала было вряд ли ему сейчас под силу.

— Мисс Мерридю, сэр? — переспросила хозяйка на Брутон-Плейс, выговаривая звук «и» в манере, свойственной выходцам из восточного Ланкашира. — Благослови вас Господь, сэр, а то мы уж гадали, к кому обратиться, — ведь бедная девочка не знает в Лондоне ни души...

— Что? — Эшер почувствовал, как кровь отлила от лица. Видя, что гость ее — и без того бледный — побледнел еще больше, хозяйка поспешила усадить его в кресло посреди тесной, заставленной вещами прихожей.

— Мы просто не знали, что делать, мой муж и я. Он говорит, что люди останавливаются у нас для того, чтобы никто не совал нос в их дела, и, вы уж простите меня, сэр, сказал, что как раз такие красотики и разгуливают по ночам... Но я-то видела, что она не из таких...

— Что случилось? — Голос Эшера был тих.

— Да Господь с вами, сэр, мисс Мерридю ушла еще позавчера, и, что бы там ни говорил мой муж, а я уже хотела звонить в полицию.

Глава 16

Обе комнаты, где жила Лидия (как, впрочем, любое помещение, где она поселялась хотя бы на день), завалены были газетами, журналами, книгами и прочими свидетельствами ее последних изысканий: аккуратно скопированными записями газовой компании, счетами за электричество, газетными вырезками. Эшера прошиб озноб, когда среди прочего он обнаружил две выписки по делу об убийстве в Лаймхаусе. Имена и адреса прилагались отдельно. Лидия явно тщательнейшим образом просеяла приходские архивы, дарственные и завещания, прежде чем составила этот небольшой, но неоспоримый список персон, пренебрегших обязанностью умереть в должный срок.

Проглядев его, Эшер поразился, каким образом граф Эрнчестер не попал на подозрение раньше. Несуразности и несовпадения в передаче собственности прослеживались ясно, как кровавый след на ковре. Дома продавались или дарились лицам, которые затем не проявляли ни малейших признаков жизни (и смерти), забывая даже составить завещание. Были отмечены и другие, более мелкие несообразности. На стене, приколотая к зеленоватым обоям с похожими на капустные кочаны розами, висела топографическая карта Лондона и окрестностей, утыканная чертежными булавками с красными, зелеными и голубыми головками. Списки адресов. Списки имен. На двух из них он нашел Антею Фаррен, Лотту Харшоу, Эдварда Хаммерсмита. То и дело попадалось имя Лайонела Гриппена. Рядом были приколоты фотографии Берти Уэстморленда, его брата почтенного Эвелина — улыбающегося мамонта в футбольной форме Глостер-колледжа — рука об руку с сияющим Деннисом Блейдоном, Томасом Гоби, Полом Фаррингтоном и дюжиной прочих; а также заплетенный в узел белокурый женский локон, надо полагать, принадлежавший когда-то самой Лотте.

Канторка Лидии подобно той, что стояла дома, была засыпана бумагами, среди которых он нашел нескрытое письмо, отправленное по его просьбе доном Симоном из Парижа. Здесь же лежала и телеграмма, отправленная им сегодня, а под ней — выписки из лондонской «Стандард» о второй резне в Лаймхаусе.

Выписки, сделанные ею в ночь перед уходом.

Желудок сжался от страха, тоскливое чувство, испытанное им в Претории в день провала, овладело Эшером, и еще — холодный смертельный гнев.

ГРИППЕН!

Эшер не говорил ей о нем, но она вычислила его сама.

«Лидия, нет!..» — подумал он, ужаснувшись. Трудно было представить, что она могла предпринять такую вылазку одна, и все же...

Она обещала ему — да, но до того, как он исчез. До того, как началось безумие, связанное с «вампиром Лаймхауса». Она знала одно: Джеймс вполне мог быть убит в

Париже, и, видит бог, она была права. Прекрасно понимая, что безмозглые газетчики с Флит-стрит по обыкновению хотели гиперболизировать ситуацию, она твердо знала, что на этот раз они нечаянно попали в точку.

Подобно большинству исследователей, Лидия отличалась хладнокровием и практичностью, свойственными, кстати, многим мягкосердечным альтруистам. Кроме того, она готова была к самопожертвованию, лишь бы открыть новое поле медицинских исследований. Эшер не помнил случая, чтобы Лидия нарушила когда-нибудь данное слово, но ведь он сам внушил ей, что дневные исследования относительно безопасны!

Что там говорил Исидро? Что вампиры, как правило, знают, когда по их следу идет человек? Гриппену было достаточно второй раз обратить на нее внимание в толпе...

Эшер еще раз произвел осмотр комнаты.

В ящике конторки он нашел несколько предметов, ранее Лидии не принадлежавших: маленький серебряный нож, револьвер, заряженный (он проверил) пулями с серебряными наконечниками. В спальне обнаружили химические приборы, микроскоп, солидное количество чеснока и бутыл без этикетки, которая, впрочем, оказалась не нужна — достаточно было вынуть пробку. Экстракт чеснока.

Даже работая на известный департамент, Эшер прежде всего оставался ученым; точно так же выслеживал он и вампиров — используя научные знания. Лидия, будучи врачом, пыталась защититься от вампиров с помощью медицины.

Медицинские журналы лежали грудой на ночном столике (Эшеру в свое время пришлось долго привыкать к обыкновению Лидии ложиться в постель с книгой). Из журналов торчали закладки; все отмеченные статьи касались либо патологии крови, либо источников легенд о вампирах, либо болезненно повышенных психических способностей. На полочке он нашел медицинский шприц и коричневый бархатный футляр с десятью ампулами нитрата серебра.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы вникнуть в смысл случившегося.

Она не взяла с собой ничего из приготовленных ею же средств защиты.

Медленным шагом Эшер вернулся в комнату. Там стояла хозяйка, испуганно оглядывая бумажный шторм и карту Лондона, похожую на карту боевых действий. Это была маленькая смуглая женщина несколькими годами старше самого Эшера. Взглянув на него, она сказала:

— Я принесу вам немного шерри, сэр.

— Благодарю вас. — Эшер присел на стул перед конторкой. Если и была в нем остаточная слабость, то он уже этого не чувствовал.

Много лет назад (после Претории) он пытался поправить свою жизнь, пытался снова связать воедино клочья своей истрепанной души. У него была девушка в Вене, куда он приезжал раз двенадцать ради сбора информации, и он бросил ее, фактически предал. Сделать это было далеко не просто, но он решил начать все сначала — ожить, воскреснуть...

Если Лидия мертва, то у него просто не хватит сил пройти этот путь снова.

Губы его дрогнули в горькой улыбке — он вспомнил слова Исидро в салоне Элизы: «Не бойтесь, госпожа. Законы я помню». И пальцы вампира сомкнулись, как наручник, на запястье Эшера...

«Бойтесь, — подумал Эшер с тихой страшной решимостью. — Если вы прикоснулись к ней хоть пальцем...»

Внимательно и неторопливо он перечитал записи Лидии.

Некоторые из адресов были помечены звездочкой и только два адреса — двумя. Первый — Эрнчестер-Хаус.

Второй — старый дом возле Грэйт-Портленд-стрит; район, смутно ассоциирующийся с тусклыми георгианскими строениями, выдавшими лучшие дни. Судя по записям, дом был приобретен в 1754 году шестым графом Эрнчестерским и передан в дар доктору Лайонелу Гриппену.

Солнце висело над Харроу-Хилл смутным оранжевым диском в заводской дымке, когда

он отпустил кэб. Еще немного — и оно коснется крыш. «Бездна времени», — подумал Эшер. Ему бы очень хотелось знать, не было ли у Лидии запасного серебряного ножа. Ушла ли она из дому совсем безоружной, да и уходила ли? Гриппен мог просто ворваться и увести ее с собой.

Но откуда он мог узнать, кто она такая и где ее искать?

«Прекрати, — приказал он себе, потому что прогулка в Гайд-Парке снова проступила в его памяти, как кровавое пятно на ковре. — Об этом ты подумаешь позже». И с той же решимостью запретил себе размышлять, чем это «позже» может обернуться для них обоих.

Дом номер семнадцать по Монк-Серкл выглядел, как и окружающие его дома, весьма древним строением. Это были высокие здания из коричневого камня, двери для слуг располагались у них с тыла — это Эшер отметил, еще расплачиваясь с возницей.

«Хорошо, — подумал он. — То есть взлом можно обставить весьма интимно».

Неторопливо проходя мимо, он осмотрел забранные плотными ставнями окна и поискал обязательный вход в конюшни. Когда-то здесь были ворота, теперь от них остались ржавые столбы, привинченные к кирпичным стенам. В узком проходе стоял экипаж — коляска, на каких обычно раскатывают доктора. Отметив все возможные пути и препятствия на случай стремительного бегства, миновал коляску, поигрывая отмычкой в кармане. Хотел бы он знать, может ли Гриппен следить за ним во сне.

Если Гриппен вообще был здесь. Чарльз Фаррен упоминал о здании неподалеку от Эрнчестер-Хаус. А упорные поиски Лидии выявили еще несколько домов, принадлежащих вымышленным лицам, а проще говоря — все той же супружеской паре. Из рассказов Исидро следовало, что испанец довольно часто менял место ночлега — утомительное занятие, это Эшер знал еще по своим заграничным приключениям. Может быть, вампиры становятся самоубийственно беспечными, потому что устают быть похожими на людей?

«За некоторым исключением, — подумал он. — Минорит брат Антоний просто тихо сошел с ума».

Кто еще? Тулloch Шотландец, призрак церковного кладбища Сен-Жермен? Элизабет Белокурая, пившая порченую кровь больных чумой? Непредсказуемый Райс, которого никто не видел с 1666 года? Или еще более древний вампир, о котором даже легенды забылись, затаившийся в Лондоне...

Пока его не пробудил к действию Кальвар?

Эшер неслышно двинулся мимо почти пустых конюшен, контор, каретных дворов. Во многих строениях давно уже не было ни лошадей, ни экипажей; они были переоборудованы в склады или сдавались внаем за несколько шиллингов. Строение, примыкавшее к дому номер семнадцать, было особенно ветхим и грязным, двери висели на полуоторванных петлях, окна были выбиты. Дверь во двор стояла приоткрытой.

Эшер подошел поближе и почувствовал озноб. На внутренней стороне ворот он заметил две крепкие щеколды. Дальше начинался крохотный дворик, заставленный старыми ящиками и полусгнившей мебелью, и вел он прямо к дому. Мох рос на камнях мостовой, на утопленных в землю ступенях и вокруг дома. Слуги не пользовались кухней лет десять. Над кухней зияли, мрачные и черные, французские высокие окна; остальные были забраны ставнями.

Рациональный человек, англичанин двадцатого столетия, испытал бы чувство протеста при виде такой замкнутости. Эшер теперь не сомневался: это место посещали вампиры.

А ворота — открыты. Он оглянулся на коляску, стоящую неприметно в переулке и ждущую...

Кого?

Как бы желая усилить подозрения, мерин в оглоблях кашлянул, тряхнул гривой и задумчиво пожевал железо мундштука. Последний луч солнца вспыхнул на медных частях упряжи.

Вампиры выезжают в коляске днем?

Тот, о котором он сейчас думал, вполне мог.

Что-то стеснилось в груди, когда Эшер скользнул в разваленный, заросший сорняком дворик. Коль скоро он и Лидия нашли это место, кто-то мог сделать то же самое. Хотя если предположение Исидро справедливо, то Гриппен сам может разъезжать при свете дня.

Во всяком случае, очень возможно, что Лидия находится в этом доме.

Он осторожно пересек дворик. Если здесь и впрямь дневной охотник (будь это Гриппен, Туллоч Шотландец или же некто древний и безымянный), он все равно услышит шаги человека. А их ведь двое — дневных, если считать брата Антония... И, как минимум, один из них сумасшедший...

Эшер ступил на маленькую террасу слева от лестницы и вскрыл одно из окон, скрипнув зубами, когда щеколда сорвалась с хрустом и скрежетом. Отпрянув от проема, он выжидал довольно долгое время, вслушиваясь. В глубине дома что-то упало, затем послышался панический топот пары ног.

«Бежит к коляске, — подумал он. — На вампира не похоже... Соучастник из смертных?»

Если вспомнить манеру Кальвара откровенничать с будущей жертвой, вполне логичное предположение. Может быть, в одной из верхних комнат испепеленное тело Гриппена еще дымится в тусклом, льющемся сквозь сорванные ставни полусвете?...

Эшер от души надеялся, что так оно и есть, и в то же время напряженно вслушивался в кочующий по дому человеческий топот. Ступеньки скрипели уже в передней. Если сейчас проскользнуть в полуоткрытое окно, то он может перехватить убийцу у парадного выхода...

Однако Эшер испугался столь дерзкой мысли; возможно, именно это и сохранило ему жизнь. Он двинулся от окна, надеясь перехватить беглеца возле коляски, но тут из темного окна протянулась рука. Все произошло с невероятной быстротой; Эшер был схвачен за предплечье с такой силой, что затрещали кости. В меркнувшем свете он успел увидеть белую, как пораженную проказой, лапу: вздувшиеся мышцы, узловатые костяшки пальцев, острые мощные ногти. Создание маячило смутным белым пятном в темном окне. Вторая белесая лапа схватила его сзади за шею, и в этот миг Эшер, выхватив из кармана пальто один из серебряных ножей, полоснул наотмашь.

Кровь ударила из запястья, словно он продырявил кипящий чайник. Нечеловеческий вопль из темного окна и впрямь был скорее похож на рев раненого зверя. Эшер вывернулся из ослабевшей на секунду руки, по опыту зная, что иначе его сейчас отшвырнут; как это сделал когда-то Гриппен. В следующий миг Эшер уже вырвал из кармана пальто револьвер и открыл пальбу по смутному силуэту, вылетевшему из двери черного хода.

Размывчатый, изменчивый, силуэт этот двигался с неуловимой быстротой, точнее сказать, он просто пропал, и Эшер, почувствовав его сзади, обернулся, все еще держа в левой руке серебряный нож. Последний лучик солнца осветил черепообразное лицо невиданного вампира. Клыки, торчащие из-под вывернутых распяленных губ, были похожи на обломанные бивни, они упирались в изрезанный ими подбородок. Вампир отпрянул, держась за запястье и уставив на Эшера огромные голубые глаза с раздувшимися от нечеловеческой ненависти зрачками.

Мысленная атака была страшна. Эшер почувствовал, что теряет сознание. Он пытался раздвинуть наваливающуюся на него черноту, а создание уже схватило его за руку. Вновь затрещали кости, Эшер вскрикнул, выпуская револьвер, и тут вопль вампира повторился...

«Серебро, — подумал Эшер. — Серебряная цепь». И, ловя момент, ударил ножом снова. Еще один крик боли и ярости; ухваченный за рукав Эшер все-таки был брошен об стену; он успел вжать подбородок в грудь, но бросок был настолько силен, что голова откинулась назад и затылок вцепился в кирпичи. В глазах померкло.

Голос провыл что-то. Удар повторился. Боль и серая волна небытия. Боль была единственным, что теперь связывало Эшера с жизнью...

Имя. Вампир провыл какое-то имя.

Дальше сохранилось смутное ощущение влажного камня под щекой и запаха прелой листвы.

Воздух прорезали свистки, послышался приближающийся топот. Спину разламывало, левая кисть болела не хуже правой, но хотя бы слушалась. В памяти всплыло газетное описание зверского массового убийства.

— Эй, что тут стряслось?

— С вами все в порядке, сэр?

Он заставил себя приподняться на локте. Над ним стояли, возникнув из сумерек, два гиганта в голубой форме. «Краса и гордость Лондона», — подумал он. Солнце ушло за Харроу-Хилл. Холод пробирал до костей.

— Нет, — ответил он, когда один из бобби помог ему сесть. — Кажется, у меня сломано запястье.

— Боже, сэр, какого черта...

— Я пришел с визитом к другу, который живет в этом доме, и, видимо, потревожил взломщиков. Один из них напал на меня, но их было двое, и уехали они в коляске...

Полицейские переглянулись — оба большие, розовощекие; один, судя по произношению, из Йоркшира, другой — коренной лондонец. Эшер представил, с каким интересом разглядывал бы их Исидро.

— Держу пари, это та коляска, что попалась нам навстречу!

— Серый мерин в яблоках, передние ноги в белых чулках, — машинально сообщил Эшер.

— Смотри-ка, что он обронил, Чарли, — сказал уроженец Лондона, поднимая револьвер Эшера. Йоркширец взглянул, затем уставился на окровавленный нож в руке Эшера.

— Вы всегда ходите в гости вооруженным, сэр?

— Необязательно. — Губы тряслись, но он попробовал улыбнуться. — Мой друг доктор Гриппен коллекционирует старое оружие. Нож этот я купил у антиквара и хотел показать... — Он поморщился; правая кисть уже начинала распухать, боль пульсировала, рука чернела. Левая, впрочем, выглядела не лучше.

— Пошли-ка за доктором. Боб, — сказал йоркширец. — Пройдите в дом, сэр, — добавил он, в то время как Боб заторопился прочь. — Наверное, они знали, что дома никого не будет.

Эшер взглянул на него (они уже вошли в переднюю).

— Я в этом не уверен.

Громоздкая мебель семнадцатого столетия вырисовывалась в полумраке; здесь и там мерцали стекло и металл. Чарли направил Эшера к массивному дубовому стулу.

— Подождите лучше здесь, сэр, — сказал он. — Вы выглядите так, словно прошли через жернова.

Чистосердечного сочувствия, однако, в голосе его не слышалось — бобби явно не верил его истории. Впрочем, это было несущественно. А существенно было то, что сейчас обыщут дом и, может быть, найдут Лидию. Ах, если бы дневной вампир убил Гриппена, а Лидию не заметил... Если она, конечно, здесь...

— Как, вы говорите, зовут вашего друга, сэр?

— Дом принадлежит доктору Гриппену, — сказал Эшер. — А я — профессор Джеймс Эшер, лектор Нового колледжа, Оксфорд. — Он прижал распухшую руку к груди, пытаясь унять дергающую боль. Визитную карточку он достал левой. — Я надеялся застать его во второй половине дня.

Чарли изучил карточку, спрятал, и голос его заметно смягчился:

— Хорошо, сэр. Посидите пока здесь. А я тем временем осмотрю дом.

Эшер откинулся на спинку стула, стараясь не потерять сознания. Полисмен покинул темную комнату. Лицо дневного вампира вдвигалось в сознание: бледное, как у Исидро, но без свойственной испанцу утонченности, скорее вздутое, даже одутловатое. Пряди белокурых волос, прилепившиеся ко лбу. Эшер постарался вспомнить, какие у вампира были надбровные дуги, — и не смог. Запомнились в основном чудовищные, несоразмерно

большие клыки да еще пристальная ненависть голубых глаз.

Сделав над собой усилие, Эшер извлек отмычку (доставать ее пришлось левой рукой из правого кармана) и, проковыляв к стоящему возле двери буфету, пристроил ее в глубине полки. Он и так находился под подозрением, и лишняя улика была ему ни к чему. Вернувшись на место, начал мысленно перебирать детали: коричневая куртка, кажется, твидовая, еле охватывающая массивный торс; уши с маленькими мочками, почти не деформированные в отличие от прочих черт. Эшер взглянул на свою левую руку. Прорванный ногтями рукав пальто был испятнан кровью.

Господи боже, неужели вампиры становятся такими, прожив достаточно долго? Или это все-таки последствия чумы в сочетании с бог знает какими вирусами в теле вампира? Тогда стоило выследить и убить Исидро, чтобы не дать ему стать таким...

Он начинал понимать, что остался жив лишь чудом.

«Имя, — думал он. — Вампир провыл какое-то имя». Но какое — Эшер не понял, потому что именно в этот миг его бросили об стену, и боль заслонила все. Потом смутно вспомнились бряцанье сбруи и грохот торопливо удаляющихся колес...

— Ты?!

Мощная рука схватила его и вновь бросила на сиденье. Зрение прояснилось, и Эшер увидел Гриппена, склоняющегося к нему из мрака неосвещенной комнаты.

Еще прижимая распухшую руку к груди, Эшер проговорил через силу:

— Оставь меня, Лайонел. Убийца был здесь... Гриппен!!! — Ибо вампир резко повернулся, и, если бы Эшер не успел ухватить его за край плаща, он бы уже оказался на середине лестницы. Обернулся в ярости; изуродованное шрамами лицо — темное от недобрых предчувствий. Эшер произнес тихо и внятно:

— Рыжеволосая девушка.

— Какая рыжеволосая девушка? Иди за мной, человеке!

Край плаща вырвался из пальцев; удержать его было невозможно даже левой — несломанной — рукой. Эшер поднялся на ноги и, преодолевая головокружение, двинулся за вампиром вверх по ступеням.

Он нашел Гриппена в одной из верхних спаленок, где когда-то обитали служанки. Прежде чем подняться по чердачной лестнице, Эшер зажег одну из свеч — нелегкое деяние для однорукого. Ставни на чердаке были плотно закрыты, и темно было, как в могиле. Шагов полицейского Чарли внизу слышно не было. Предположительно, он лежал где-нибудь в одной из спален, погруженный в транс мастером вампиров. Неестественная сонливость нахлынула и на Эшера, когда он взбирался по лесенке, но поддаться ей не дала боль в сломанной руке.

В темноте он услышал, как Гриппен шепнул: «Чрево Христово...» — безголосо, как ветер. Сияние свечи тронуло бархат его плаща и отразилось в золоченых щегольских наугольниках.

На чердаке стоял гроб.

Эшер шагнул в комнату и тут же споткнулся о валяющийся на полу ломик. Гриппен стоял на коленях перед гробом и в ужасе смотрел на то, что лежало в нем. Эшер оглядел окно. Ставни были исцарапаны, но целы. Должно быть, убийца только начал их выламывать, когда его встревожили шаги Эшера.

Гриппен прошептал снова:

— Боже милосердный...

Эшер молча подошел и взглянул.

В гробу лежала Хлоя Уинтердон; голова ее была откинута набок среди вьющейся массы золотых волос, рот приоткрыт, клыки и бесцветные десны обнажены; в глазах застыл ужас. Она явно была мертва; плоть, казалось, еще сильнее облегла ее кости.

Единственное кровавое пятнышко виднелось там, где между грудей торчал конец осинового колышка. Рядом с горлом виднелись рваные белые раны.

Гриппен проговорил еле слышно:

— Из нее выпили всю кровь.

Глава 17

«В конце концов, — с мрачной иронией отметил Эшер, когда ему наконец было разрешено покинуть помещение при вокзале Чаринг-Кросс, — хорошо уже то, что на меня не повесили убийство Хлои Уинтердон». Он, однако, понимал, что это была целиком заслуга Гриппена, бережно взявшего на руки тело девушки и исчезнувшего вместе с ним через какой-то чердачный лаз, оставив Эшера объясняться с полицией, сочинять на ходу историю, которой заведомо не поверят, отвечать на вопросы и морщиться от боли, пока полицейский сержант будет накладывать шину на сломанную кисть. Ему впрыснули новокаин и порекомендовали утром обратиться к врачу. От веронала и прочих успокаивающих средств Эшер отказался, точно зная, что этой ночью ему не спать.

На вопросы он отвечал в том смысле, что, будучи другом доктора Гриппена, оказался у его дома, полагая, что у доктора нашла пристанище мисс Мерридю, их общая знакомая, исчезнувшая несколько дней назад. Нет, он еще не обращался в полицию — он только что вернулся из Парижа и вот обнаружил ее отсутствие... Нет, он не знает, где сейчас можно застать доктора Гриппена... Нет, он не представляет, почему грабитель зарядил свой револьвер пулями с серебряными наконечниками... О следах укусов на горле и запястьях вопросов ему не задали — и на том спасибо.

Было около десяти часов, когда Эшер оказался на улице. Сеял мелкий унылый дождь. Усталость и холод пробирали до костей, когда он спускался по станционным ступеням; широкое пальто наброшено было на манер плаща — забинтованная рука висела на перевязи. Даже после новокаина болела она адски. Прошло полвечера, а он еще ни на шаг не продвинулся в своих поисках.

В конце улицы стоял кэб. Эшер двинулся было к нему, но тут рядом возникла темная фигура, словно материализовавшись из мелких капель. Тяжелая рука взяла за локоть.

— Пойдешь со мной.

Это был Гриппен.

— Хорошо, — устало сказал Эшер. — Я хочу поговорить с вами.

После той твари, что атаковала его сегодня, Гриппен особого впечатления не производил. Исидро ждал их в экипаже неподалеку.

— Вы что-то долго, — заметил он, и Эшер с трудом сдержался, чтобы его не ударить.

— Завернул пообедать в кафе «Ройял», а потом еще вздремнул часика два, — огрызнулся он. — Появись вы чуть раньше, могли бы составить мне компанию. Официанты там удивительно приятные. — Кэб двинулся, ободья мягко свистнули по мокрой мостовой. Руку на перевязи дергало. — Пропала Лидия. А я встретил убийцу.

— Лидия? — озадаченно переспросил Гриппен.

— Моя жена. — Прищуренные карие глаза Эшера были устремлены на массивного вампира в орошенном дождем вечернем плаще, но квадратное тупое лицо того было затенено полями шелковой шляпы. — Рыжеволосая девушка, о которой я уже спрашивал, ради безопасности которой я и согласился на это расследование!

Холодная злость захлестнула его — на Исидро, на Гриппена, на себя самого — за то, что позволил ей влезть в эту историю.

— А-а, — мягко сказал мастер вампиров, и его жесткие серые глаза на секунду обратились к Исидро. — А я-то удивлялся...

— Она все это время была в Лондоне и помогала мне в розысках, — сказал Эшер, и светлые ресницы Исидро чуть дрогнули.

— Я, конечно, знал, что она покинула Оксфорд. Но я не предполагал, что вы возьмете ее сюда.

— Когда-то это казалось хорошей мыслью, — резко ответил Эшер. — Перед тем, как исчезнуть, она вычислила большинство ваших укрытий и все ваши псевдонимы. Если это не

ваших рук дело, — добавил он, снова пристально глядя на Гриппена, чье лицо теперь было красным еще и от гнева, а не только оттого, что он успел где-то нахлестаться крови сегодняшним вечером, — тогда я подозреваю, что она вышла на самого убийцу. А теперь скажите мне правду, потому что от этого зависит, каким путем идти мне дальше в этих поисках. Вы ее похитили? Она мертва?

— Побереги дыхание, — медленно проговорил хозяин Лондона. — Стоит мне ответить «да» на оба твоих вопроса — и ты становишься нашим врагом. Я это знаю, и ты это знаешь и не поверишь мне, когда я скажу: «Нет». Тем не менее это так. Никакой рыжеволосой я не видел. Клянусь верой.

Эшер глубоко и прерывисто вздохнул. Его еще слегка била дрожь — обычная реакция на злость, изнеможение, боль. Шляпу он потерял в одном из последних своих приключений и теперь, бледный, с падающими на лоб каштановыми мокрыми волосами, менее обычного походил на клерка.

Из угла кэба раздался тихий, почти безразличный голос Исидро:

— Расскажите про убийцу.

Эшер вздохнул, некоторое напряжение почувствовалось во всей его позе.

— Это было... что-то чудовищное, — проговорил он медленно. — Грязное. Нездоровое. Но, вне всякого сомнения, вампир. Блеклый — вроде вас, Исидро, но кожа как будто поражена проказой и шелушится. Выше меня, выше Гриппена — где-то на дюйм; и такой же широкий, может быть, даже шире. Белокурые волосы, но такое впечатление, что они у него вылезают. Голубые глаза. У него есть сообщник-человек: я слышал, как он убегал по лестницам с чердака, а потом отозвал от меня это чудовище, хотя странно, что оно его послушалось; вспомните: семь-восемь жертв в одну ночь! Уехали они вместе. Представить, что оно едет с тобой в закрытой коляске...

— Оно? — мягко спросил Исидро.

— Это не человек.

— Мы тоже.

Кэб остановился в самом начале Савой-Уок. Гриппен расплатился с возницей, и Эшер в окружении двух вампиров двинулся по темному переулку, в конце которого высокой вычурной глыбой маячил Эрнчестер-Хаус. Золотистый свет из прорезей штор воспламенял смешанный с туманом мелкий дождь. Они еще только ступили на мраморное, запятнанное сажей крыльцо, а одна из дверных створок уже открылась и в проеме возникла чета Фарренов. Супруги стояли, взявшись за руки.

— Боюсь, она мертва безнадежно. — Антея пропустила их к длинной лестнице, ведущей в маленькую комнату в дальнем конце дома. Темно-красное платье напоминало цветом старую кровь, оттененное смуглой бледностью плеч и лица миссис Фаррен. Жесткий шелк и низкий вырез корсажа нашептывали что-то об иных временах. Волосы ее были убраны на современный манер, а вот лицо поражало выражением страха и усталости, словно все прожитые годы легли вдруг на ее смуглые плечи. Следующий за ней Эрнчестер выглядел еще хуже. — Разложение зашло недалеко, но уже началось.

— Ерунда, — проворчал Гриппен. — Сначала должно быть окоченение.

— Вы почерпнули это из опытов над человеческими трупами? — спросил Эшер, и вампир грозно нахмурил брови. — Но у вампиров патология может быть совсем иной.

На изящный диванчик времен Регентства Антея набросила свой бархатный плащ. На фоне темно-вишневого бархата золотистые волосы Хлои казались почти белыми. Они лежали завитками и локонами, свешиваясь почти до полу, и Эшеру тут же вспомнилась спящая Лидия в день его первой встречи с Исидро. Глаза и рот Хлои были закрыты. Но восковая, словно истаивающая на глазах плоть производила все то же ужасающее впечатление. «Сногшибательно красива! — вспомнил Эшер. — Этакая карманная Венера...» Окаменелость... Клетка за клеткой плоть становилась нечеловеческой, и нечеловеческим становилось сознание...

Второй плащ был наброшен сверху. За многие годы Антея, должно быть, накопила

тысячи плащей самых различных фасонов. Этот был черный, расшитый бисером. Розовое платье Хлои сияло из-под него, как край облачка на закате. Левой рукой Эшер приоткинул край плаща, чтобы осмотреть чудовищные раны на горле. Затем вылез из рукава и сбросил с плеч свое широкое пальто. Покрутил запястьем и обратился к Антее:

— Засучите рукав, пожалуйста, если вам не трудно. Она выполнила его просьбу, стараясь не коснуться случайно серебряной цепи. Даже вскользь ухватив запястье Эшера, дневной вампир оставил на нем опоясывающий синяк и красные следы пальцев.

Эшер ощупал ряды шрамов на собственном горле. Сувенир из Парижа. Затем опустил на колени перед телом Хлои и сравнил. Его шрамики были раза в три меньше дыр в девичьей коже.

— Огромные клыки, — тихо сказал он. — Какие-то даже гротескные — в таком виде вампира представляли бы на любительской сцене. Выдаются гораздо ниже губ, режут его собственную плоть... — Его палец дважды черкнул вниз от густых коричневых усов, и глаза Исидро пристально сузились. — Такое впечатление, что изменения эти произошли с ним относительно недавно.

— Конечно, недавно! — проворчал Гриппен. — А то мы сами не знаем, что стало бы с вампиром, который пьет кровь вампиров!

— А что бы с ним стало? — спросил Эшер, поднимая глаза от разорванного горла Хлои и обводя взглядом белые нечеловеческие лица в янтарном свете ламп.

Голос Гриппена был жесток:

— Его бы убили другие вампиры.

— Почему?

— А почему люди побивают камнями тех, кто пожирает трупы, насилует детей, режет божьих тварей, чтобы насладиться их воплями? Потому что это отвратительно!

— Нас очень мало, — мягко добавила Антея, и пальцы ее коснулись массивной броши на груди, — и жизнь наша подвержена столь многим опасностям, что предатель может погубить всех нас.

— И еще потому, — шепнул легкий бесстрастный голос Исидро, — что пить агонию вампира — это такое глубокое, такое богатое оттенками наслаждение, дающее столько жизненных сил и новых возможностей, что легко может стать величайшим искушением вообще.

Молчание пало — внезапное, оцепенелое. Шелковый шелест дождя, казалось, стал громче. Затем Гриппен прорычал:

— Это ты так думаешь, шелудивый испанский пес!

Сидя на стуле возле диванчика, небрежно скрестив ноги, но держась по обыкновению очень прямо, Исидро невозмутимо продолжал:

— Но речь идет не об агонии, а всего лишь о крови. Мы можем получать физическое наслаждение от крови животного или человека, и не убивая его при этом, в чем вы, Джеймс, вероятно, уже убедились. — Сказано это было со светской легкостью, как будто не Исидро дрался в Париже с полудюжиной вампиров, пытаясь спасти Эшера, и не защищал его потом, рискуя собственным благополучием. — Но пить кровь вампира — пусть даже в малых количествах — весьма неприятно, если ваша собственная плоть уже перестала быть человеческой. Мне говорили, это даже вызывает приступ дурноты.

— Стало быть, и это было попробовано?

Вампир чуть откинулся на спинку стула, обхватив руками колени. Легкая улыбка коснулась его губ, но светлые глаза, как всегда, оставались сумрачными.

— Все было попробовано.

Остальные собравшиеся у тела Хлои поглядывали на него сконфуженно — все, кроме Эрнчестера, который сутулился в кресле, уставившись на свои белые беспомощные руки так, словно видел их впервые.

— Ну хорошо, значит, если питаться кровью вампира — убивая его при этом или не убивая, — то это не приводит к таким изменениям?

— Не приводит, — ответил Исидро после короткой паузы, — судя по тем, кого я знал.
— И кто же это был? — в гневе спросил Гриппен.
— Поскольку они сейчас мертвы, — отозвался испанский вампир, — это уже не имеет значения.

— А как насчет вампиров, которые были старше, чем сейчас брат Антоний?

Исидро подумал, прикрыв глаза.

— Райсу Менестрелю было около пятисот лет, когда он погиб (если погиб) при Пожаре. Подобно Антонию, он обладал огромными возможностями, подобно Антонию не боялся серебра и, возможно, дневного света, хотя в этом я не уверен. Его видели все меньше и меньше. Я знаю, что питался он регулярно и никаких признаков ненормальности не проявлял. Сколько лет было Иоганну Магнусу — не представляю...

Заговорила Антея:

— Тулloch Шотландец рассказывал мне о вампирах в Китае и Азии, остававшихся такими, какими были, и в течение тысячелетий избегавших смерти.

— И жизни, — шепнул ее муж — почти неслышно.

Исидро повернулся к Эшеру, все еще сидевшему на корточках у тела Хлои.

— Обычно мы стараемся не касаться этого вопроса, и я полагаю, что многие из нас просто боятся задать его себе.

— Какого вопроса? — туповато спросил Гриппен. — А вопроса такого, мой дражайший доктор: не ждет ли нас всех в будущем перерождение и безумие?

— Папистская болтовня!

— Что это? — Эшер поднял руку Хлои, мягкую, без малейших признаков окоченения. Или трупам вампиров вообще не свойственна была стадия окоченения? Вот еще один вопрос, на который хотела бы ответить Лидия... Он решительно прервал эту мысль. Пуговицы на рукаве Хлои были расстегнуты чуть ли не до плеча; на внутренней стороне локтевого сгиба виднелся след от иглы.

— Рукав был расстегнут, когда вы нашли ее, Лайонел?

Тот тяжело покачал головой.

— Кровь Христова, да откуда же я знаю? Только у меня и заботы было, что...

— Да, он был расстегнут, — ответила Антея. — А в чем дело?

— В том, что здесь ранка, смотрите.

Они подошли поближе, Исидро встал, и даже Эрнчестер выбрался из своего кресла и выглянул из-за плеча жены.

— Это сделали, когда она уже была убита, — помолчав, сказал Исидро и тронул ранку длинными пальцами. — У любого из нас столь малое повреждение зажило бы почти мгновенно. Смотрите. — Он вынул из галстука булавку с жемчужной головкой и глубоко воткнул в собственное запястье. Когда он ее выдернул, на стальном кончике висела рубиновая капля крови, которую он аккуратно вытер носовым платком. Эшер видел, как крохотная ранка сомкнулась и исчезла буквально у него на глазах.

— И раньше у нее этого не было, — присовокупил Гриппен, подавшись поближе и обдав Эшера тошнотворным запахом крови. Видимо, мастер вампиров успел подзаправиться в то время, когда Исидро ждал возвращения Эшера из полиции на Чаринг-Кросс. — Я знаю каждый дюйм ее тела, и оно было гладким, как шелк.

Он скосил на Эшера серый мерцающий глаз.

— Мы всегда остаемся такими, какими были в момент превращения, — объяснил он, предъявляя шрам на волосатой руке. — Я заработал это, вскрывая нарыв на ляжке проклятого ломбардца, который все время, будь он неладен, норовил ухватиться за скальпель.

— Подобно грешным душам у Данте, — пробормотал Исидро, — мы вечно исцеляемся, какие бы страшные удары ни наносил нам Ад.

Эрнчестер отвернулся и стал смотреть в сторону.

— Любопытно. — Эшер вновь осмотрел руку покойной. — Такое впечатление, что

кровь из нее не только пили, но и выкачивали иглой.

— Скаредный мерзавец!

— Не такой уж и скаредный, если убивает по девять человек за ночь. — Темные брови Антеи нахмурились.

— Стало быть, это его помощник из смертных?

— А зачем могла понадобиться человеку кровь вампира?

Гриппен пожал плечами.

— Он мог быть алхимик. Я бы дорого заплатил за нее, когда еще был жив...

— Алхимик, — медленно проговорил Эшер, вспоминая сновидение, в котором Лидия шла по берегу озера кипящей крови с пробиркой в руке. Наклонялась, чтобы наполнить ее... «Я хотела бы исследовать их с медицинской точки зрения», — сказала она... Статьи о вирусах крови в ее комнате...

— Или врач. — Эшер снова взглянул на стоящих перед ним Исидро, Гриппена и благородную чету вампиров. — Отведите меня опять в комнату Лидии. Мне нужно там кое-что посмотреть.

— У врача могло быть оборудование для переливания крови и для ее хранения. — Сидя возле конторки Лидии, Эшер терпеливо вникал в бумажный хаос, листал страницы, исписанные почерком жены, откладывал в сторону и обнаруживал под ними новые кипы. И хотя тело его разламывало болью, он уже чувствовал, как это часто случалось с ним за границей, легкое возбуждение, зная, что идет по верному пути.

— Поневоле придешь в замешательство, — заметил Исидро, разглядывая утыканную булавами карту. — Я и не предполагал, что у вас, Лайонел, такие обширные уголья.

— А ты бы хотел, чтобы я сваливал все трупы в одном переулке? — огрызнулся Гриппен, поднимая газетную вырезку. — Ну конечно! «Убийца из Бермондси».

— Я думаю, что это была Лотта. — Исидро подошел к Эшеру, который к тому времени занялся кипой медицинских журналов, лежащих на кровати: открывал отмеченные закладками статьи и пробегал глазами заголовки: «Некоторые аспекты патологии крови», «Психические феномены: наследственность или шарлатанство?», «Улучшение британского генофонда». — Что могло понадобиться доктору от вампира?

— Знания, — коротко ответил Эшер. — Вы должны понять научный склад ума: если бы Лидия встретилась с вами, то первое, о чем бы она попросила, — это немножко вашей крови на анализ.

— Совсем как Гиацинта, — заметил Исидро. — Это, однако, не объясняет, как могло случиться, чтобы вампир разрешил такое человеку, пусть даже доктору...

— Не объясняет? — Эшер поднял глаза от журнальной страницы. — Я думаю, единственная причина, из-за которой вампир мог войти в контакт с доктором и открыть ему, кто он такой, — это та же самая причина, что привела вас ко мне. В данном случае ему понадобились услуги врача.

— Галиматъя! — прорычал Гриппен. — Нас не трогают хвори смертных...

— А как насчет хворей бессмертных? — перебил Эшер. — Если вирус, являющийся причиной вампиризма, начинает мутировать — то ли из-за давнего контакта с чумой, то ли по какой-то другой причине...

— Да уж воистину вирус! Хворь коренится в жизненных соках тела...

— Хорошо. Если что-то не в порядке с жизненными соками в теле вампира, — спокойно продолжил Эшер, — что ему делать? Он чувствует, что перерождается, что он на пороге безумия, и он должен скрывать это от других вампиров. По-моему, в этом случае для него будет логично искать помощь там, где он может ее найти.

Гриппен выглядел смущенным и рассерженным. Лицо Исидро было по обыкновению непроницаемым.

— Он мог пожаловаться на вновь возникшую чувствительность к серебру, — предположил испанец. — Или на то, что слишком длинные клыки причиняют ему вред... И вы думаете, Джеймс, что вампир — кем бы он там ни был — нашел себе лечащего врача тем

же способом, каким я нашел вас — по журнальным статьям?

— Вполне возможно, — сказал Эшер. — И он мог принудить врача к сотрудничеству, как вы принудили меня: скажем, угрожая жизни близкого человека. А может быть, в этом не возникло и необходимости. Некоторые доктора приветствуют любую возможность описать неизвестный вирус, даже если им при этом придется работать на убийцу. Или, — прибавил он, пристально взглянув в глаза Исидро, — подобно смертным друзьям Кальвара, доктор мог вообразить, что у него есть шансы на победу и что партнер не убьет его, когда лечение закончится.

Исидро ответил ему невозмутимым холодным взглядом. — Уверен, что, пока он работает на вампира, ему ничего не грозит. — Испанец отвернулся и принялся раскладывать разбросанные на постели бумаги. — Тогда выходит, что и миссис Лидия обнаружила этого врача точно таким же способом? Через журналы?

— Думаю, так. — Эшер вернулся к прерванному занятию, листая страницы неповрежденной рукой. — У нее мог быть список подозреваемых, и она, скорее всего, стала наносить им визиты по очереди. Тогда понятно, почему она не взяла с собой оружие: серебряный нож, револьвер, нитрат серебра...

— Нитрат серебра? — Исидро вскинул глаза от подобранного с пола листка. — Ужас, — добавил он мягко. — Я смотрю, всем нам придется снова заняться этим утомительным делом — сменой резиденций. Вы действительно приобрели местечко в Касуэл-Корт под именем Боуфинча, Лайонел?

— Это мое дело, что я там приобрел!

— В любом случае, соседство там ужасное. Кругом лавки, торгующие джином, поневоле приходится пить кровь, насыщенную этой дрянью. А этого адреса я что-то не припомню...

— Это одно из убежищ Дэнни.

— Удивляюсь, как он там не нахватался блох. А что касается этого дома в Хокстоне, я бы не согласился там спать и дня... Где она достала нитрат серебра?

Эшер кивнул на маленький бархатный футляр. Исидро извлек из него шприц, но к мерцающим ампулам не прикоснулся.

— Лидия врач, — пояснил Эшер, — и имеет к нему доступ. Кажется, нитрат серебра употребляется как антисептик. Многие доктора носят его с собой в небольших количествах.

— Ну, это не назовешь небольшим количеством, — заметил вампир, отправляя шприц на место. — И, должно быть, порядочно стоит.

— Полагаю, да, — сказал Эшер. — Но Лидия — наследница, и всегда сама контролировала свои капиталы. Хотя подозреваю, что ее отец не допустил бы такого, выйди она замуж за более уважаемого человека, нежели безденежный преподаватель из дядиного колледжа... Видимо, она надеялась ввести нитрат серебра в вену. Человека бы это убило несомненно, вампира — тем более. Наивно с ее стороны, — добавил он тихо. — Одно лишь психическое поле вампира уже не позволило бы ей это сделать, и она явно не представляла, с какой быстротой вампир может нанести удар...

— Да тут еще больше чертовщины! — взорвался Гриппен, потрясая связкой журналов, которую он взял с бюро.

Эшер пролистал загнутые страницы. «Вирусные мутации», «Взаимодействие вирусов и среды», «Патология психических феноменов», «Евгеника на службе национальной обороны», «Физические источники так называемых психических возможностей», «Изолирующий вирусный комплекс в сыворотке». Эшер помолчал и снова пролистал статьи. Все они принадлежали перу Хориса Блейдона. Наконец он произнес тихо:

— Деннис Блейдон был другом покойного Берти Уэстморленда. Он должен был знать Лотту. И через него Кальвар и тот, кто был с Кальваром связан, могли выйти на Блейдона-старшего.

Глава 18

Было около трех часов ночи, и окна высокого кирпичного дома на Куин-Энн-стрит, принадлежащего Хорису Блейдону, были темны.

— Вы что-нибудь слышите? — шепнул Эшер, укрывшись за углом Харли-стрит. — Есть кто-нибудь внутри?

Исидро наклонил голову; бесцветные волосы упали, скрыв бледное лицо от света уличного фонаря; тяжелые веки вампира были полуприкрыты. Тишина в этой части Уэст-Энда стояла глубочайшая. Приличные, рассудительные обитатели района спали, зная не зная и ведать не ведая ни о вампирах, обитающих, как известно, лишь под крикливо раскрашенными обложками, ни о том, какими, допустим, способами их правительство добывает информацию из Германии. Дождь прекратился. В аллее два кота выясняли отношения на почве любви и ревности. Исидро чутко вслушивался в ночь, улавливая и безошибочно опознавая все, в том числе и неслышные Эшеру звуки.

Наконец он прошептал:

— Трудно сказать что-либо определенное. Слишком большое расстояние. Во всяком случае, верхние этажи пусты, хотя слуги иногда живут и в подвалах.

— Это должно быть здесь, — выдохнул Эшер. — Его загородный дом пустует уже несколько лет, и до него от города добрых тридцать миль. Сам он — исследователь, пациенты его не беспокоят. Жена у него умерла несколько лет назад, сын — в лейб-гвардии и вряд ли что-нибудь заподозрит, а если заподозрит, то старик легко заморочит ему голову.

— Нужно быть исключительным тупицей, — пробормотал Исидро, — чтобы не заметить, как отца втягивают в историю подобную вашей.

Эшер выглянул из-за угла и оглядел пустую темную улицу.

— Сосредоточьте ваше внимание на более важных вещах.

В ответ Исидро издал невнятный, еле слышный звук, который вполне мог быть смехом.

— Вы знали этого Блейдона, — мягко сказал он чуть погодя. — Есть вероятность, что мы можем склонить его на нашу сторону — «перевербовать», как выражаются в вашем министерстве иностранных дел?

— Все зависит от того, что ему сказал его партнер. — Улица перед ними была тиха. Свет лампы металлически блестел в залитых водой канавах. Если уж Исидро, раскинувший чуткую паутину своего слуха, не улавливал ни малейшего в ней дрожания, то что уж там было говорить об Эшере! И тем не менее он тоже напряженно вслушивался в ночь. — Я никогда не был близок с Блейдоном: посещал вместе с Лидией некоторые его лекции и был пару раз в Пиках, его загородном доме. Думаю, он был уязвлен тем, что мое сватовство к Виллоуби было более удачно, чем сватовство его сына, но, скорее всего, это Деннис настраивал его против меня. Хорис — упрямый и самоуверенный старый фанатик, но он честен. Он был единственным преподавателем, заступившимся за Лидию, когда ее отец любой ценой хотел убрать ее из колледжа, хотя, возможно, преследовал при этом какую-то свою выгоду... На его месте (я имею в виду вампира) я бы убедил старика, что зверство в Лаймхаусе — дело рук других вампиров, которых они с ним отслеживают.

— И вы думаете, старик бы поверил?

— Если бы Деннису грозила опасность (а вампир вполне мог пригрозить, что расправится с ним, как вы пригрозили мне расправиться с Лидией), ему бы пришлось поверить. Мы проделывали в департаменте нечто подобное сплошь и рядом. Обычная политика кнута и пряника: с одной стороны — в опасности жизнь Денниса, с другой — Хорис может исследовать вирусы в крови вампира и в придачу поздравить себя с уничтожением других вампиров Лондона. Возможно, он и понятия не имеет о похищении Лидии или знает, что у них есть пленник, но не знает, что это именно Лидия. Поразительно, насколько подчас бывает невежественна правая рука относительно того, что делает левая.

Они вышли из-за угла и скользнули, как призраки, сквозь влажную черноту лондонской октябрьской ночи.

— Каретный двор — на следующей улице. — Голос Исидро был еле слышен даже в

полной тишины спящих кварталов. — Стало быть, вы собираетесь поговорить с этим Блейдоном?

— Если смогу, — ответил Эшер, когда они проникли в мощный, пахнувший лошадыми каньон. — После того как я заберу отсюда Лидию и прошупаю почву — если получится, конечно. В Хорисе (как и в Лидии, как и в любом медике) есть что-то от блаженного, да еще и в упрямом шотландском варианте. На этом, кстати, вампир тоже вполне мог сыграть.

— Дорого бы отдал, чтобы узнать, кто он такой. — Легкое прикосновение к локтю направило Эшера в обход каких-то незаметных в темноте препятствий. Рассеянный свет фонарей, проникавший сюда с улицы, блесков в лужицах по центру переулков, оставляя обочины утопленными в густой бархатной тени. В воздухе витали запахи сена и лошадиного помета. — Подозреваю, что Кальвар явился в Лондон, надеясь достичь власти с помощью дневного охотника, но мне кажется странным, что он услышал о нем раньше, чем я.

— Может быть, брат Антоний рассказал о нем Кальвару и объяснил, где его искать.

— Может быть. — Голос Исидро был абсолютно спокоен, но Эшер, привыкший улавливать тончайшие нюансы этой речи, чувствовал, что вампир недоволен. — Мне непонятно многое, в том числе — почему появление на сцене Кальвара вызвало все эти убийства, если оно их, конечно, вызвало, а не явилось простым совпадением. Возможно, миссис Лидия может нас в этом отношении просветить, когда мы найдем ее или Блейдона. Помнится, Туллоч Шотландец тоже был массивен, но не настолько, как вы описываете. Ваш рост, но грузнее...

— Нет, — сказал Эшер. — Этот гораздо выше, он буквально нависал надо мной.

Они двинулись дальше в темноту конюшен, осматривая высокие правильные утесы домов поверх стойл и сараев для экипажей. Эшер продолжал:

— Но этот вирус, вернее, эта мутация могла бы вызвать все эти отклонения. А те, в свою очередь...

Тонкая рука коснулась его локтя, и Эшер, быстро оглянувшись, встретил тревожное мерцание светлых глаз.

— Что там?

Вампир предостерегающе поднял палец. Какое-то время он вслушивался, похожий на охотника, знающего, что дичь — рядом. Затем покачал головой, хотя глаза его остались настороженными.

— Ничего. — Слово прозвучало скорее в мозгу Эшера, нежели в ушах. В стойлах заржала, переминаясь спросонья, лошадь. — Я, да и все мы, привыкли к мысли, что вампир, если не подвергнется расправе, вечен и что, следовательно, кроме расправы, нам опасаться нечего. Подобно Лемюэлю Гулливеру мы наивно верили, что вечный и неизменный — это одно и то же. Убеждаться в обратном крайне неприятно.

Эшер нашарил в кармане широкого пальто второй из припасенных Лидией револьверов. Как и тот, конфискованный полицией, он был заряжен пулями с серебряными наконечниками — кто-то из оружейников Уэст-Энда, видимо, неплохо заработал на этом заказе. Эшер прихватил также оба серебряных клинка и даже набор ампул с нитратом серебра и шприц. Обыскивая в который раз комнату Лидии, он нашел счет от Ламберта за серебряные цепочки и нож для разрезания книг из того же материала. Следовательно, дом она покинула не совсем безоружной. Его собственные цепочки холодили не совсем зажившие раны на горле и левом запястье. На правую он цепочку надеть не смог, поскольку была она в шинах и висела на перевязи, увеличившись по объему раза в два.

Самый беглый осмотр конюшни Блейдона принес результаты сразу же: они наткнулись и на коляску, и на серого в яблоках мерина с белыми чулками на передних ногах. Прислушавшись на секунду, Исидро пробормотал:

— В верхних комнатах никого, но в одной из них недавно жили — примерно месяца два назад.

— Он уволил слуг, — выдохнул в ответ Эшер.

Из задних ворот стойла сквозь голые сучья и облетевшие кустарники тесного

городского сада высокий дом был виден с тыла.

— В подвале никого не слышно?

Дон Симон не смотрел в сторону дома, но Эшер мог точно сказать, что ни малейший звук в округе не ускользнет от этого нечеловечески чуткого слуха. Все время казалось, что кто-то еще таится в этой ночи. Волосы Эшера шевельнулись при мысли, что кто-то сейчас наблюдает за ними (может быть, совсем рядом), вслушиваясь, подобно Исидро, и различая каждый вздох, каждое биение сердца. По молчаливому согласию они снова отступили в переулок, где крик и суматоха могли бы по крайней мере разбудить конюхов и собак.

— Я пойду в дом. — Эшер шевельнул плечом, освобождаясь от пальто, которое тут же было подхвачено Исидро и брошено на охапку сена. Левой рукой Эшер выудил из карманов пальто револьвер и серебряный нож. Револьвер он положил в карман куртки, а нож (поскольку был на этот раз в туфлях, а не в ботинках) сунул за перевязь. — Вы не откажетесь прикрыть меня сзади?

— Не будьте глупцом. — Исидро скинул шотландский плащ, с мягким шорохом легший на ту же охапку сена, и вынул револьвер из кармана Эшера. Несколько раз тронул барабан, словно удостовераясь, не слишком ли сильно металл раскален изнутри. Удовлетворенный проверкой, опустил оружие в карман своей собственной куртки. — Я буду удивлен, если окажется, что с того времени, как мы покинули Кале, вы спали больше четырех часов. Нет, уж лучше оставайтесь здесь. Если он до вас доберется — кричите, это поднимет на ноги всю округу, и вампиру придется уже спасаться самому.

Он исчез, затуманив на секунду сознание Эшера, и тот проклял собственную беспомощность.

Впрочем, он знал, что вампир прав. Что-то в ночи заставляло в это поверить. Даже не будь Эшер так истощен последствиями атаки парижских вампиров и увечьями, полученными в схватке у дома Гриппена, все равно рассчитывать ему здесь было не на что. Вдобавок действие новокаина кончалось и каждый шаг отзывался болью в сломанной руке. Одно только это могло отвлечь внимание от бесшумного приближения древнего вампира.

Он прекрасно понимал, чем он обязан Исидро. На протяжении всего пути от Брутон-Плейс до Куин-Энн-стрит, насколько Эшер мог судить об Исидро (или насколько Исидро позволил судить о себе), вампир ни разу не попытался уклониться от этого рискованного предприятия. Возможно, он поступил так, потому что понимал, насколько решительно настроен Эшер в своем стремлении найти Лидию и как мало шансов на успех будет у него, встретиться он при этом с главным врагом. Видимо, несмотря на эту мягкую циничную усмешку, древние понятия о чести аристократа все еще были крепки в изящном испанце. Он мог быть надменным и заносчивым, мог быть тысячу раз убийцей, но снять с себя ответственность за судьбу жены своего союзника он не мог. В отличие от Гриппена и Фарренов, тактично давших понять, что поиск нового укрытия для них куда важнее, чем судьба Лидии.

И это — учитывая всю ироничность того факта, что сам Исидро даже не имел возможности прибегнуть к сомнительной защите в виде серебряной цепочки.

«Если Лидия смогла обнаружить все — или почти все — их тайные убежища, — размышлял Эшер, снова направляясь к охапкам сена и неуклюже влезая в широкое пальто, — то Блейдон и вампир, с которым он связан, вполне могли сделать то же самое, да и Кальвар наверняка выболтал массу подробностей тому, с чьей помощью собирался достичь власти...» Эшер не знал, окажется ли способен (в порядке ответной любезности) нести дневную стражу у рассекреченного убежища Исидро, поскольку был изможден до последней степени, да и, честно говоря, сомневался, разрешит ли ему дон Симон в это убежище войти...

Лающий мужской кашель заставил его очнуться от полудремы с холодным потом на лбу. Повернувшись и судорожно шаря в кармане в поисках револьвера, взятого Исидро, о чем он в эту секунду просто забыл, Эшер увидел с облегчением, что это всего-навсего конюх, ковыляющий к коттеджу в конце переулочка. Залаял пес. В комнатах над дальними

стойлами уже горело несколько окон. Дело близилось к рассвету.

С бьющимся сердцем и учащенным после прерванного сна дыханием Эшер взглянул на часы.

В слабом полусвете, исходящем от недавно вспыхнувших окон конторы, ему удалось различить, что стрелки показывают почти пять часов. Позади него на охапке сена черный плащ Исидро лежал, как спящее животное.

Сердце болезненно сжалось.

Конечно, вампир мог просто бросить Эшера и свой плащ, спеша найти укрытие в преддверии приближающегося дня.

Эшер ни на секунду не мог в это поверить. Ужас расплзался в нем, как глоток яда. Рассвет был близок.

За годы научных и прочих изысканий Эшер собрал неплохую коллекцию проклятий на двенадцати живых и четырех мертвых наречиях, включая баскское и угро-финское. Он вспомнил их все, пока выбирался из пальто, и, оставив его лежать в сене подобно труп, скользнул сквозь теплую темноту стойла в сад Блейдона.

Изнеможение было настолько велико, что он приостановился по колено в мокрых сорняках, всматриваясь в тихий дом. Возможно, это была лишь игра воображения, но ему показалось, что небо над домом посветлело, а пристройки, широкое окно кухни и голые деревья стали яснее, отчетливей. Он замер, пытаясь увидеть невидимое, услышать шаги, неслышные даже вампирам, и понять, в самом ли деле мелькнула какая-то смутная тень позади него, возле стойла.

Какое количество солнечного света сможет выдержать вампир возраста Исидро? Сколько времени потребуется ему, чтобы превратиться в пылающий факел?

С серебряным ножом в левой руке он скользнул к темной стене дома.

Слабого, профильтрованного мраком света отдаленных фонарей хватило ему, чтобы установить, что кухня пуста, как и гостиная, чьи окна тоже выходили в сад. Окна подвала, располагающиеся на уровне земли, оба были закрыты, но не заперты. Озноб пробрал Эшера при одной только мысли, что сейчас придется проникнуть внутрь этим путем.

Он отступил во двор, осматривая окна первого этажа. Насколько он мог судить на таком расстоянии, одно из тех, что над кухней, было зарешечено.

Вновь он почувствовал озноб; предрассветная мгла, казалось, нашептывала ему что-то о таящейся в доме опасности. Вспомнилась Гиацинта, просившая впустить ее, и то, что он готов был сделать это, хотя здравая часть сознания подсказывала, что стоит открыть дверь — и вампирша убьет его. Но теперь ему просто ничего больше не оставалось.

Пустые ящики, темные от влаги, украшенные трафаретными наименованиями какого-то научного оборудования, были свалены возле кухонной двери. Ругаясь на славянских наречиях, Эшер обхватил здоровой рукой водосточную трубу и, взобравшись на один из ящиков, добрался до следующего ряда окон.

Ближайшее из них было незаперто; за стеклом угадывались очертания лабораторного стола, мерцание пробирок; запах химикатов, смешанный со смрадом гниющей органики, был отвратителен. К зарешеченному окну вел декоративный карнизик. Чтобы прижаться потеснее спиной к стене, Эшер освободил сломанную руку из перевязи, обронив пару односложных англосаксонских слов, когда нечаянно зацепил вздувшимся пальцем кирпичную кладку. «По крайней мере, — кисло подумал он, — это единственное место, где этот чумной вампир не сможет подкрасться ко мне хотя бы сзади».

Комната за решеткой была совсем маленькая, как, видимо, и кухня под ней, и совершенно пустая, если не считать стоящего в центре гроба. В тусклом свете, проникавшем в окно со стороны конюшен, было видно, что крышка плотно закрыта. Эшер не мог быть уверен в этом до конца (все-таки между ним и решеткой было еще стекло), но ему показалось, что металлические прутья отсвечивают в предрассветных сумерках серебром.

Еще минут двадцать, и делать что-либо будет поздно.

Обессиленный, он прислонился лбом к мокрому стеклу. Даже больше, чем тогда, в

темноте парижской аллеи с клыками Гриппена на горле, ему захотелось вдруг оказаться в Оксфорде: утром, в постели, и чтобы рядом была Лидия, и не думать о будущем — разве что о яйцах с маслом на завтрак да о завтрашних занятиях со старшекурсниками... Хорис Блейдон вполне мог оказаться дома, не говоря уже о вампире...

Занятый такими мыслями, Эшер пустился в обратный путь по карнизу к приоткрытому окну лаборатории. Во всяком случае, он мог встретить тварь серебряным клинком — возможность, которой по иронии судьбы был лишен Исидро. Собственно, это и была одна из причин, по которой он нанял Эшера.

Сердце забило сильнее, стоило подумать о Лидии. «Судьба заложников зависит теперь от вашей удачливости», — сказал Исидро о рыжеволосой девчонке, лежащей почти без признаков жизни в тихом доме. Окно лаборатории уступило мягкому нажатию здоровой руки. Оставался ли древний вампир днем дома? Судя по серебряным решеткам, защищающим комнату от других вампиров, это был его гроб. Но в таком случае зачем ему вообще избегать дневного света?

Эшер перелез через подоконник, размышляя о том, насколько мог быть информирован о происходящем Деннис. Почему бы не попробовать привлечь энергичного молодого человека на свою сторону! В конце концов, Деннис был когда-то влюблен в Лидию... Непохоже, чтобы партнер Блейдона тоже держал его где-нибудь в заложниках — это требует большого времени, сил, заботы и энергии. Проще всего Денниса можно было бы найти в Клубе лейб-гвардейцев... Мысль возникла и сгинула, как рябь на поверхности лужицы. Вряд ли Блейдон рассказал что-либо своему сыну, но причиной тому, несомненно, была тупая импульсивность Денниса, делающая его весьма неудобным союзником.

Смрад в лаборатории стоял нестерпимый. Скрипя зубами, Эшер левой рукой снова повесил правую на мокрую грязную перевязь и двинулся вдоль стены, где пол должен был не так сильно скрипеть. Пальцы его при этом легко касались столов, стульев, конторок. Дверь в дальнем конце комнаты открылась бесшумно.

«Чем дальше — тем лучше». Если вампир здесь, то все эти предосторожности, конечно, бессмысленны; сердце колотилось так сильно, что его удары мог бы слышать и смертный. Но пока точно не известно, здесь ли вампир, от осторожности Эшера зависела и его жизнь, и жизнь Исидро.

«Сколько нужно времени? — гадал он. — И какое количество света?»

Дверь комнатки над кухней была закрыта на массивный стальной засов снаружи. С тихим щелчком он скользнул в сторону, стоило к нему прикоснуться. Перед Эшером в слабом отсвете фонарей обозначилась пустая и голая комната, в центре которой стоял закрытый гроб.

«Аризонский ландшафт с индейцами племени апачи», — подумал он, вспомнив рисунок старого охотника. Вдохнул и в несколько тихих быстрых шагов оказался у окна.

Небо за серебряной решеткой было явно светлее, чем раньше. Вампиры наверняка давно забились в укрытия — за триста пятьдесят лет Исидро должен был изучить все лазейки в Лондоне...

Неужели это Исидро, а не дневной охотник, лежит здесь в гробу?

Крышка была тяжела и плотно пригнана. Вдобавок поднимать ее пришлось одной рукой. Когда Эшеру все-таки удалось ее приподнять, Исидро отпрянул и заморгал, пытаясь заслонить лицо руками; бледные нежные волосы разметались по темной обивке гроба. — Нет...

Эшер услышал, как сзади прикрылась дверь и засов скользнул на место. У него не хватило сил даже выругаться. Он пошел на риск — и проиграл.

— Закройте! — Длинные пальцы, прикрывающие глаза вампира, тряслись; сквозь них Эшер видел болезненно зажмуренные глаза. Дрожащий, еле слышный голос был полон отчаяния: — Пожалуйста, закройте. Мы уже ничего здесь не сможем сделать.

Понимая, что Исидро прав, Эшер подчинился. Привели сюда дона Симона силой или же заманили, но после того, как он оказался в ловушке, вампиру оставалось одно — искать

укрытие от дневного света. Эшер привалился к гробу спиной, понимая, что, как бы он ни запрещал себе спать, долго ему не продержаться.

Он провалился в сон еще до того, как солнце заглянуло в комнату.

Глава 19

Эшер медленно выплывал на поверхность из темных пучин сна, чувствуя уже, как кто-то обшаривает его, расстегивает воротник, чтобы отстегнуть защищающую горло серебряную цепочку, стягивает куртку и роется в карманах. Странно, но главным ощущением при этом был звук человеческого дыхания — хриплого и старческого. Потом в сломанной руке проснулась боль и запустила корни в каждый нерв. Эшер невольно застонал и, открыв глаза, увидел отпрянувшего Хориса Блейдона, одной рукой наводящего револьвер, а другой запикивающего себе в карман серебряную цепочку и нож.

— Не вздумайте кричать, — быстро предупредил ученый. — Стена на этой стороне капитальная, а дом напротив пустует вот уже месяц.

Наступило долгое молчание. Эшер лежал, обессилено опершись спиной на гроб, и моргал от холодноватого дневного света, наполнявшего комнату; распухшую руку он прижимал к груди; одежда — в пятнах грязи и дождя; глаза, глядящие из-под падающих на лоб влажных от пота волос, не были глазами оксфордского преподавателя.

— Джеймс, поверьте, я огорчен, что вижу вас здесь. — Блейдон пытался заговорить своим обычным грубовато-лающим голосом, но именно лишь пытался.

— Должен сказать, что я удивлен вашим появлением, удивлен и растерян.

— Вы... удивлены... мне? — Эшер попытался сесть прямо, но Блейдон отполз, не вставая с колен, примерно на ярд; револьвер — выставлен вперед; и Эшер снова осел, скрипнув зубами. Новокаин отработался полностью. По руке как будто гвоздили молотом; после схватки во дворе Гриппена каждая мышца болела.

И хотя Эшер понимал, что выглядит, как ободранный кот, он не мог не отметить, что Блейдон выглядит еще хуже.

Хорис Блейдон всегда был здоровым мужчиной, презирающим изучаемые им болезни, грубоватым и деятельным, несмотря на свои шестьдесят лет. Он был почти так же высок, как его атлетически сложенный сынок, и лицо его по контрасту с гривой седых волос казалось юношески румяным. Теперь румянец исчез, да и волосы потускнели, не было и в помине жизнелюбивой напористости. Эшеру даже пришлось в голову: а не пьет ли вампир кровь самого Блейдона?

Но нет, здесь было что-то другое.

Врач облизнул пересохшие губы.

— Во всяком случае, то, что я делал, я делал с благими намерениями. — Револьвер дрожал в его влажной ладони, на сером лице блестели капли пота.

Будь у Эшера две здоровые руки и побольше сил, он бы попробовал обезоружить старика, но сейчас не стоило и пытаться — нервозность Блейдона подсказывала, что выстрел последует немедленно. — Делал то, что должен был делать. Для общего блага...

— Двадцать четыре человека были убиты вашим дружкой-вампиром тоже для общего блага? — Эшер поразился, как тихо звучал его голос.

— Это были бесполезные люди — действительно бесполезные — уличные подонки, проститутки, китайцы. Я говорил ему, я специально его инструктировал: бери ненужных, тех, от кого один вред, — дурных, порочных.

— Даже если не уточнять, насколько он квалифицирован в таких вопросах, это как-нибудь меняет дело?

— Нет-нет, конечно нет. — Блейдон стал вдруг чем-то похож на Денниса, горячо убеждавшего приятелей в Клубе, что, конечно, нельзя сжигать фермы буров, но, в конце концов, знаете, на войне как на войне... — Но нам нужно было что-то делать. Вампиры попрятались, жажда крови становилась нестерпимой. Он мог воздерживаться неделями... но

потом это стало прогрессировать. Я уже выжал все данные, какие мог, из бумаг Кальвара и Хаммерсмита...

— И благословили вашего партнера на массовые убийства в Манчестере и Лондоне?

— Он мог умереть. — В голосе старика Эшер услышал боль и отчаяние. — Когда жажда крови одолевает его, он уже не способен отвечать за свои поступки. Я... я не знал про Манчестер, я узнал об этом совсем недавно... В течение месяца он терпел адские мучения и терпит еще большие — по вашей милости.

— По моей?

— Вы его ранили, — отрывисто и хрипло сказал Блейдон, и револьвер в руках его дрогнул. — Вы ударили его серебряным ножом. Теперь началось что-то вроде гангрены, и я не могу это остановить. Болезнь обострилась. Чтобы хотя бы приостановить ее, ему нужно все больше и больше крови. Да, я понимаю, вы были напуганы его появлением, но...

— Вы забыли упомянуть, — сухо добавил Эшер, — что я еще боролся за собственную жизнь.

— Я сожалею, Джеймс, в самом деле, я...

Позади него открылась дверь. В проеме стоял вампир.

«Блейдон прав», — подумал Эшер. Впечатление болезненности усилилось, и все равно от создания веяло чудовищной злобой силой. Теперь, при свете дня, оно напоминало человека куда меньше. Влажная белая кожа была испятнана глянцевыми язвами, сквозь вылезающие белесые волосы просвечивала кожа черепа. Порезанный клыками подбородок был влажен от слюны и сукровицы. Создание вынуло из кармана твидовой куртки носовой платок и аккуратно промокнуло сочащиеся порезы. Огромные мерцающие голубые глаза смотрели на Эшера с едкой злобой.

Не опуская револьвера, Блейдон спросил через плечо:

— Больше никого нет?

Создание покачало головой. Еще одна прядь жидких волос отделилась от скальпа, опустившись, как пух одуванчика, на твидовое плечо.

— Во всяком случае, не при свете дня, — заметил Эшер.

— Я не о вампирах, — сказал Блейдон. — Но они могли нанять еще кого-нибудь из людей, кроме вас, Джеймс. Хотя как мог приличный человек связаться с убийцами...

— Мне кажется, в вашем собственном доме достаточно много стекла, чтобы швыряться в нем камнями, — вернул поговорку Эшер, и рот Блейдона гневно сжался.

— Это совсем другое дело! — Чувствовалось, что старик на грани истерики, но Эшер был слишком утомлен, чтобы учитывать еще и это. — Так говорят всегда. Блейдон повысил голос.

— Да что вы об этом знаете? — Он заставил себя замолчать; вампир за его спиной не двигался, но Эшер чувствовал его алчный злобный взгляд на своем незащищенном горле. Блейдон передохнул и заговорил спокойнее, хотя голос его все еще дрожал: — Он ни в чем не виноват. Это моя вина, мой эксперимент...

Эшер приподнялся на локте, глаза его сузились.

— Ваш — что?

Вампир шагнул вперед и стал рядом с Блейдоном. Старик поднялся на ноги и оказался, несмотря на свой высокий рост, ниже твари на несколько дюймов. Вдобавок вампир был гораздо мощнее, шире — плоть его буквально распирала твидовую куртку и фланелевые брюки. Когтистые лапы свисали из рукавов, и Эшер заметил, что выше кистей они обе перебинтованы.

— Ты не узнаешь его, Джеймс? — тихо спросил Блейдон. — Это Деннис.

— Боже милосердный! — Эшер еще не договорил, а уже пришло понимание, откуда ему знаком этот прямой короткий нос. Только это да еще, пожалуй, уши с маленькими мочками — вот и все, что осталось от красоты богоподобного Денниса. Оглушенный, Эшер молчал, не зная что сказать и чувствуя на себе неотрывный взгляд страдальческих ненавидящих глаз.

— Рады, не правда ли? — Клыки мешали Деннису говорить, и речь его была почти нечленораздельной. Испятнанным носовым платком он снова вытер подбородок. — Рады, что видите меня таким? И надеетесь, что Лидия тоже увидит меня таким, не правда ли? Но она меня таким не увидит. Она не увидит меня, пока мне не станет лучше.

— Конечно, не увидит, Деннис, — ободряюще сказал Блейдон. — И скоро тебе станет лучше. Я найду сыворотку, от которой тебе полегчает...

Кровь ударила в виски, прокатилась по венам, едва не взорвав их изнутри.

— Где она?

— Это не ваше дело, — проговорил вампир. — Вы ее никогда не увидите.

Преодолевая боль, Эшер приподнялся, пытаясь ухватить Блейдона за лацкан.

— Где она?!

Эшера швырнуло на пол, удар был подобен падению наковальни, хотя момента удара он так и не уловил. В глазах потемнело, рот наполнился кровью. Где-то далеко Блейдон крикнул резко: «Деннис, нет!» — словно старая дева, пытающаяся унять злобного пса. Потом он почувствовал, как сознание его меркнет, сокрушаемое злобным разумом Денниса. Пятнышки мрака заплясали перед глазами, и отрывистый старческий голос прокричал:

— Он же беспокоится о ней, естественно, он...

— Я хочу его.

Эшер боролся с накатывающей волной небытия; надвинулся смрад разлагающейся плоти — тварь наклонилась над ним.

— Ты получишь его, конечно, получишь... — Странно было слышать страх в голосе Блейдона — того самого Блейдона, готового плюнуть в глаза и Сатане, и Богу. — Но сейчас он мне нужен, Деннис, пожалуйста, оставь его...

— Он скажет нам, где остальные, — прорычал Деннис, и что-то капнуло на шею Эшера — слюна или гной. — Ты говорил, нам нужно запереть его, чтобы он сказал...

— Да, но у нас теперь есть живой вампир, Деннис...

— Когда ты мне его отдашь? — Невнятный голос прервался. — Мне плохо, папа, жажда убивает меня. Той девчонки прошлой ночью мне было мало, а ты еще взял из нее так много крови... Папа, я чувствую его сквозь гроб, чувствую кровь их обоих...

— Пожалуйста, мальчик! Потерпи, пожалуйста!.. — Голос Блейдона приблизился, старик явно пытался увести вампира. — У меня есть план, хороший план, но для этого нужно, чтобы они были живы — по крайней мере, сегодня. Я... я... Делай что хочешь, все, что тебе нужно, но, пожалуйста, не трогай этих двоих.

Голоса удалялись, меркли — Эшер проваливался в темноту. Он успел еще расслышать имя Лидии.

— ...В целостности и сохранности, ты же знаешь, я никогда не причиню ей вреда. А теперь принеси, пожалуйста, немного бренди. Я уверен, оно сейчас необходимо Джеймсу.

Теряющий сознание Эшер тоже был уверен, что Джеймсу оно сейчас необходимо.

Глоток бренди действительно оживил его и заставил закашляться. Эшер вновь сел, опираясь на гроб. Блейдон со стаканом в руке присматривался к красным следам от зубов на горле Эшера. Деннис стоял у закрытой двери с графинчиком бренди в узловатых пальцах. Судя по их пристальному вниманию, оба они явно переоценивали возможности Эшера.

Блейдон молча взял Эшера за кисть левой руки и, сдвинув рукав, принялся изучать затягивающиеся раны среди оставленных Деннисом синяков.

— Что они с вами делали?

Эшер вздохнул и, освободив руку, вытер струящуюся из носа и пропитавшую усы кровь. — Это было недоразумение.

— Что они с вами делали? — Блейдон снова схватил его руку и настойчиво затряс ее. — Только пили кровь или было что-нибудь еще?

Подбородок его дрожал. Эшер, прищурившись, посмотрел на старика.

— Если бы было что-нибудь еще, я бы сейчас был мертв.

— В самом деле? — Голос Блейдона упал, но старый ученый даже и не пытался скрыть

нетерпение. — Вы специализировались на сравнительном фольклоре, Джеймс. Вы должны знать о таких вещах. Если вашу кровь пьет вампир — настоящий вампир, — сами вы становитесь после смерти вампиром? Так это делается?

Жадный блеск, возникший в его глазах, бросил Эшера в легкую дрожь.

— Думаю, Деннис мог бы рассказать вам об этом подробнее, — медленно проговорил он. — Кого вы называете настоящими вампирами? — Глаза его переключались на чудовищно изменившегося Денниса. — И почему вы сказали, что сами сделали его таким?

Краска набежала на серые щеки Блейдона, маленькие голубые глаза метнулись в сторону.

Понизив голос, Эшер продолжал:

— Для чего вам кровь вампира? Зачем вы выкачивали ее с помощью иглы, пока Деннис насыщался? Почему Деннис не похож на других вампиров? Это Кальвар (или кто там из него сделал вампира) внес в его кровь такую инфекцию? Или...

— Все дело в крови, не так ли? — сказал Блейдон, все еще глядя в сторону. — Организм или плеяда организмов, вирус, или сыворотка, или химическое вещество, являющееся причиной вампиризма? Так или нет? — Голос его внезапно взвился чуть ли не до крика. — Так или нет?

— Лидия полагает, что так.

При упоминании Лидии рот Блейдона захлопнулся, как капкан, а глаза дрогнули под пристальным взглядом Эшера.

— Она... она меня узнала. В офисе «Дейли мейл», когда я искал новые данные. Я пытался выяснить, где скрываются другие вампиры. Это было необходимо. А она читала мои статьи. Она уже знала, что искать следует врача. Она предупредила меня, чтобы я был готов поверить в вампиров как в медицинский феномен. А Деннис сказал, что видел ее в Лондоне, когда выслеживал Кальварова птенца. Он не последовал за ней тогда, но, когда она пришла разносить сюда... Деннис схватил ее... — Он издал каркающий смех.

— Девчонка, школьница, а соображает получше, чем многие из нас. Она сразу поняла, что я сделал.

— Вы сотворили искусственного вампира.

Это было утверждение, а не вопрос, и Блейдон только выдохнул, как бы почувствовав облегчение, что таить это больше не надо.

— Я не ставил себе такой цели. — Голос его был утомленным, почти умоляющим. — Клянусь, не ставил. Вы же знаете, Джеймс — конечно, вы знаете, — что война с Германией и ее союзниками — это только вопрос времени. Кайзер лезет в драку. О да, до меня доходили слухи, где и как вы проводите свои долгие каникулы. Вы знаете положение дел. Так что нечего изображать из себя праведника, если сами занимались тем же самым, чем и я, только на свой манер! Я осмелюсь предположить, что на вашей совести куда больше двадцати четырех жизней, и это в лучшем случае.

Блейдон передохнул, вертя в пальцах стакан, до половины наполненный бренди.

— Вы знаете — а может быть, и нет, — что, кроме моей основной работы с вирусами, я еще интересовался физическими причинами так называемых психических феноменов. Со временем (и я в это верю вместе с Петеркином и Фрейборгом) носителей таких способностей можно будет выводить искусственно. Одному богу известно, скольких медиумов и столовращателей я проверил за эти годы! И я пришел к выводу, что определенные изменения химии мозга приводят к обострению чувств, проявлениям экстрасенсорики и невероятной способности подчинять разум другого человека... Теперь вы можете понять, насколько сейчас важно овладеть всем этим. Вы работали на «Интеллидженс сервис», Джеймс. Представьте себе, что способен сделать корпус таких людей, целиком и полностью преданных Англии, в этой надвигающейся войне! Сомневаюсь, что такой фактор не показался бы вам важным. А потом Деннис познакомил меня с Валентином Кальваром. Сам он вышел на него через общую знакомую...

— ...Которую вы потом убили.

— Да перестаньте вы, Джеймс! — нетерпеливо вскричал Блейдон. — Женщина ее класса! Да я поклясться готов, что смерть Альберта Уэстморленда целиком на ее совести, — недаром же его родственники подкупили врача, чтобы тот удостоверил гибель в транспортном происшествии. Кроме того, к тому времени у нас просто не осталось других адресов. Ее кровь была мне необходима для продолжения опытов, а Деннису — чтобы просто остаться в живых.

— Так вы, стало быть, знали, что Кальвар — вампир?

— О да. Он не делал из этого секрета — казалось, ему доставляло удовольствие наблюдать мое изумление, когда он справлялся с труднейшими тестами, которые я предлагал ему. Он наслаждался своей властью. А Деннис был очарован — нет, клянусь вам, не злом, присущим Кальвару, а его способностями. Кальвар тоже был к нам привязан, но, осмелюсь предположить, преследовал при этом свои цели. Он позволил мне взять образцы его крови (причем довольно значительное количество), чтобы я попытался изолировать факторы, влияющие на работу психических центров мозга, от факторов, вызывающих мутации клеток, ведущие к повышенной светочувствительности псевдоплоти и необходимости питаться лишь кровью живых существ. И я бы добился успеха, может быть, даже смог изменить способности Кальвара. Я знаю, я смог бы...

— Ничего бы вы не смогли. — Эшер смотрел на неуклюжее, злобно глядящее существо возле двери, уже догадываясь, как это все произошло. Жалость и отвращение смешались в нем, как вкус крови и бренди у него во рту.

— Если верить самим вампирам, их способности усиливаются тем, что они, образно выражаясь, пьют агонию своих жертв. А без этого их способности слабеют.

— Вздор, — резко сказал Блейдон. — Этого не может быть. Приведите хотя бы один довод. Да и потом, что об этом могут знать вампиры? Они безграмотны! И Кальвар никогда не упоминал...

— Вряд ли Кальвар хоть раз надолго прекращал убивать людей, чтобы проверить это на опыте. — Тут Эшер подумал, что Исидро и Антея просто были вынуждены это проверить и вряд ли бы согласились повторить такой опыт. — Кальвар рвался к власти. Он сообщал вам только то, что считал для этой цели необходимым.

— Уверен, что все не так. — Блейдон упрямо затряс головой, раздосадованный одним только предположением, что старался зря и что был, по сути дела, одурачен Кальваром. — Психические феномены всегда имеют физические причины. Это могут быть неизвестные микроорганизмы или изменение химии мозга. Во всяком случае, я выделил весьма многообещающую сыворотку. Я... я сделал ошибку, рассказав о ней Деннису. Он потребовал, чтобы я провел опыт на нем. Я, естественно, отказался...

— И, естественно, — сухо сказал Эшер, — Деннис взломал вашу лабораторию и ввел себе сыворотку сам.

«Между прочим, — с горечью подумал он, — очень похоже на Денниса. Подлинный книжный герой, подлинный Секстон Блейк, которому ничего не стоит осушить графин неизвестного зелья и увидеть в пророческих галлюцинациях зреющий заговор». Бедный Деннис, бедный глупый Деннис. Глаза Денниса сузились недобро, словно он, подобно брату Антонию, сумел прочесть мысли Эшера.

— Что бы ты там раньше ни делал, — проговорил он почти нечленораздельно и так низко, словно у него были повреждены связки, — ты уютно устроился потом со своими учеными занятиями, предоставив рисковать другим. Но что ты будешь делать, когда эти проклятые колбасники вынудят нас воевать? Что ты ей наврал про меня? Что ты ей сказал такого? Почему она предпочла хитрого старика тому, кто действительно любил бы ее и защищал? Ты позволил ей делать твою работу, ты втянул ее в опасность. Да я бы никогда не разрешил ей явиться в Лондон.

«И не предупредил бы ее о грозящей опасности в Оксфорде? — подумал Эшер. — Сказал бы, что это не ее дело?» Насколько он знал Лидию, это был самый верный способ ввергнуть ее в куда более опасные приключения, да еще и без понимания происходящего.

Деннис шагнул вперед, воздев руки. Рукава сдвинулись, и Эшер теперь мог видеть выглядывающую из-под бинтов черно-зеленую плоть, словно расплзшееся по снежно-белой коже пятно грязи.

— Я был здоров, пока ты не сделал это, — низко проговорил Деннис. — Мне доставит огромное удовольствие высосать тебя, как мандариновую дольку.

И он исчез.

Дрогнувшим голосом Блейдон произнес: — Нет, он не был... я имею в виду — здоров. Его состояние ухудшалось, просто инфекция, внесенная серебром, ускорила процесс. Я не смог выделить этот фактор — я уже говорил, вакцина была далека от совершенства. И ему нужна кровь вампиров, как обычным вампирам нужна кровь людей. Ему казалось, что это приостановит болезнь. Тогда он убил Кальвара. Я был рассержен, Кальвар мог нам очень пригодиться. Но Денниса... обуяла жажда. Обострившиеся возможности вводили его в заблуждение, сводили с ума, да и сейчас тоже, в определенной степени... Я был поставлен перед фактом...

Эшер хотел бы знать, пытался ли Кальвар урезонить Денниса на своем чердаке в Ламбете, как самому Эшеру удалось урезонить когда-то Забияку Джо Дэвиса.

Блейдон снова облизнул пересохшие губы и бросил быстрый нервный взгляд через плечо на закрытую дверь.

— После этого мы обыскали комнату Кальвара, нам нужны были его заметки о других вампирах. Деннис знал кое-что об охотничьих местах Лотты и следил за ней, пока не вышел на особняк Хаммерсмита на Хаф-Мун-стрит. Я ходил вместе с ним, я отчаянно нуждался в крови вампиров — не только ради моей вакцины, но и ради лекарства для Денниса. В идеале мне нужен был здоровый вампир, но это, можно сказать, невыполнимая задача. Поэтому приходилось уничтожать тела, чтобы другие не заподозрили истинного положения дел и не спрятались. Я набирал крови, сколько мог...

— А Деннис выпивал остальное? — Дрожащими пальцами Эшер забрал из рук Блейдона стакан с виски и осушил его. Золотой жар, обдавший его, напомнил, что после сэндвича, купленного на выходе из полицейского участка в Чаринг-Кросс, у него и маковой росинки во рту не было.

— Ему это было необходимо, — настаивал Блейдон. Потом несколько раздраженно добавил: — Все убитые сами были убийцами — убийцами на протяжении столетий, я бы сказал...

— Китайцы и, как их называли газеты, «молодые особы» — тоже?

— Он боролся за свою жизнь! Да, людей трогать не стоило. Это тут же попало в газеты; стоит такому повториться — и охота пойдет уже за нами. Я говорил ему об этом после Манчестера. Кроме того, людская кровь ему не помогает; сколько бы он человек ни убил, она приносит лишь весьма краткое облегчение...

— Я полагаю. — Эшер приподнялся, опираясь на гроб. Он понимал, что глупо выражать возмущение человеку, явно балансирующему на грани безумия, но устоять перед искушением не смог. — И он, видимо, и дальше намерен «делать что хочет» и «что ему нужно», как вы изволили недавно выразиться...

Блейдон выпрямился, сжимая трясущиеся кулаки. Нездоровый румянец вспыхнул на скулах.

— Мне жаль, что вы так об этом думаете, — с трудом проговорил он, словно не сразу вспомнил, что следует сказать в таком случае. — В данный момент вовсе не требуется людской крови, да и вообще не требуется. Теперь крови вампиров хватит и на то, чтобы поддержать силы Денниса, и на мои эксперименты с антивирусом...

— Деннис убьет его, как только вы отвернетесь, — тихо сказал Эшер. — Вам ведь придется уснуть рано или поздно, Хорис. И если Деннисом вновь овладеет жажда...

— Нет, — сказал Блейдон. — Я контролирую его. Я всегда мог это делать. Да и нет уже здесь никакой проблемы. Видите ли, теперь у меня есть вампир и он может делать других вампиров — сколько нам с Деннисом понадобится. И боюсь, Джеймс, вы будете первым.

Глава 20

— То, о чем вы говорите, невозможно. — В опрокинутом свете керосиновой лампы, поставленной Блейдоном на пол, лицо Исидро казалось странно застывшим, как на рисунках Бердсли. Вздернутые манжеты позволяли видеть его твердые мускулистые руки, а расстегнутый воротник — горло и грудь, белые, как полотно его рубашки. Он сидел в гробу, скрестив ноги, похожий на идола какого-то мрачного культа. Возле гроба лежал связанный Эшер.

Блейдон и Деннис пришли и связали его перед самым заходом солнца. Последнее, что он слышал сегодняшним утром, уже проваливаясь в сон, были приглушенные наставления Блейдона, внушавшего сыну, чтобы тот в его отсутствие оставался в доме, присматривал за пленниками и ни в коем случае не причинял им вреда. «Не ешь их, пока папочка не вернется», — язвительно подумал Эшер. Еще он слышал, как Блейдон упомянул Пики — обширную кирпичную виллу неподалеку от Оксфорда, принадлежавшую его жене, пока та была еще жива и исполняла роль очаровательной хозяйки, когда там собирались на уик-энд коллеги ее мужа или лондонские друзья сына.

«Лидию они, должно быть, держат там», — подумал Эшер, чувствуя странную отрешенность, словно происходящее не имело к нему отношения. Неудивительно, что у Блейдона был измотанный вид. Даже если бы он держал в Пиках прислугу (а Эшер знал, что старик после смерти жены попросту запер виллу), он бы все равно не мог довериться горничной. Захватив Лидию, Блейдон был вынужден сам присматривать и заботиться о пленнице. А это означало полтора часовое путешествие на поезде до станции Принца Райсборо и еще минут сорок в бричке по дороге, ведущей к усадьбе через буковую рощу, а затем обратно — и так ежедневно, а то и дважды в день. А тем временем вампиры закапывались все глубже и глубже, а болезнь Денниса прогрессировала, и держать контроль над ним становилось все труднее. Неудивительно, что Блейдон выглядел так, словно не спал как минимум неделю.

И сам он сказал, что они с Деннисом вот уже месяц испытывают адские муки.

Если бы Лидия не была сейчас в их власти, не лежала бы сейчас, усыпленная лекарствами, беспомощная, в пустом доме, Эшер бы испытал чувство злобного удовлетворения при мысли о сложившейся ситуации. А так он мог лишь благодарить Бога, что Деннис сохранил, пусть в искаженном виде, хоть какие-то чувства по отношению к Лидии и не позволит старику причинить ей вред.

«Хотя, — подумал Эшер, осматривая комнату и безуспешно пытаясь найти путь к бегству или хотя бы что-нибудь, способное сыграть роль оружия, — это еще вопрос, способен ли сам Блейдон убить постороннего человека, чтобы сохранить секрет Денниса. Во всяком случае, — добавил он мысленно с невольной дрожью, — Блейдон мог убить ее еще четыре дня назад, когда она попала им возле дома».

— Однако в ту пору старик еще не знал, что это за хлопотное дело — держать заложника. И оба они тогда — и Блейдон, и Деннис — не были так близки к безумию.

Глядя на них теперь (у Блейдона — грязный воротник, измятый костюм, на щеках — серебристая щетина, в глазах — одержимость маньяка, а громоздкий нескладный Деннис изнывает от голода у него за спиной), Эшер понимал, что оба они близки к критической точке. Захват Лидии обострил ситуацию, а рана Денниса сделала ее и вовсе нестерпимой. У обоих был вид людей, утрачивающих способность рассуждать здраво.

С вымученной мягкостью Блейдон обратился к Исидро:

— Деннису сегодня необходим вампир, мой друг. Не исключено, что этим вампиром окажется вы или, возможно, Джеймс. Что бы вы сами выбрали? — Револьвер, заряженный серебряными пулями, он держал теперь твердо, без дрожи — видимо, машинально отметил Эшер, удалось вздремнуть в поезде. Кроме того, он — врач и всегда имеет возможность взбодриться кокаином.

За плечом Блейдона натянуто улыбался Деннис.

С видом весьма непринужденным Исидро спустил одну ногу на пол и, обхватив колено, принялся разглядывать при мерцающем свете лампы стоящую перед ним парочку.

— Чувствуется, что вы просто не понимаете сути процесса, в результате которого кто-то становится вампиром. Если, выпив крови Джеймса, я заставлю его насильно...

Блейдон резко вскинул руку.

— Деннис! — рявкнул он. — Обойди дом. Посмотри, не пытается ли еще кто-нибудь шпионить.

— Там никого нет. — Глубокий бас Денниса был неразборчив, как рычание. — Ты думаешь, я бы не услышал вампира, если бы он попробовал помочь этим двум? Не почуял бы его кровь? Они все попрятались, папа. Или выясни, где они прячутся, или разреши мне...

— Тем не менее пойдя посмотри, — отрывисто приказал Блейдон. Голые надбровья Денниса угрожающе сдвинулись. — Делай что сказано!

— Я голоден, папа, — шепнул вампир. Он пододвинулся ближе, и его чудовищная тень легла на алебастровый потолок и даже на стены. — Я умираю от голода, у меня болят руки, и жажда все сильнее...

Блейдон нервно сглотнул, но все еще пытался распоряжаться:

— Я понимаю, Деннис. Поверь, все будет хорошо. Но ты будешь делать то, что я тебе сказал.

Последовало опасное молчание. Эшер, лежа у ног Исидро, видел, каких усилий стоит Блейдону твердо глядеть в глаза сына. «Он ускользает, и Блейдон это чувствует, — подумал Эшер, глядя, как проступает пот на изможденном лице старика. — Деннис в конце концов убьет его. Как, впрочем, и меня, и Исидро. И Лидию, — мысленно добавил он, покрываясь холодной испариной. — И Лидию».

Затем Деннис исчез. Эшер знал, что в момент ухода все вампиры затемняют сознание наблюдателя, но очень уж кратким был этот момент — Денниса просто не стало. Эшер даже не услышал, как открылась и закрылась бронированная дверь.

Блейдон нервно отер рот свободной от револьвера рукой. На нем был все тот же твидовый костюм для загородных прогулок, что и утром, что и несколько дней назад — судя по запаху. Эшер и Исидро тоже весьма отдаленно напоминали денди — небритые, в грязной, порванной одежде. По крайней мере, им удалось выспаться, хотя и без особого комфорта. Когда Эшер проснулся после полудня, он обнаружил на полу поднос с едой, несомненно принесенный Деннисом. Подкрепившись, он снова обыскал комнату и снова безрезультатно: все те же прочные кирпичные стены, все та же дверь, все та же посеребренная стальная решетка на окне.

Блейдон направил револьвер на Исидро. — Только не вздумайте делать глупости, мой друг. Вы в безопасности, пока находитесь со мной в этой комнате. Деннис тут же перехватит вас и притащит обратно, как притащил в прошлый раз. Тяжелые веки Исидро надменно дрогнули. Гранд явно был раздражен упоминанием об этом унижении. Тем не менее он смерил Блейдона спокойным взглядом и осведомился:

— Вы в самом деле полагаете, что вам это принесет какую-либо пользу?

— Об этом судить мне, — резко сказал старый ученый. — Продолжите вашу мысль. Если вы заставите Джеймса насильно...

— Пить мою кровь, — нехотя проговорил Исидро; глаза его цвета шампанского были устремлены на Блейдона. — Так это делается — во всяком случае, физическая часть процесса. Но есть еще часть, как бы вы сказали, ментальная, но я предпочитаю говорить — духовная, хотя в нынешние дни этот термин вышел из моды...

— Назовем это психикой, — вставил Блейдон. — Вы ведь говорите об этом, не так ли?

— Возможно. — Знакомая легкая улыбка коснулась губ Исидро. — Во всяком случае, происходит передача духа, сознания и того, что герр Фрейд вежливо именуется бессознательным. Это предельная откровенность, это передача всех, самых глубоких секретов. Даже в любви не достигается такого единства. Но для этого, сами понимаете,

требуется отчаянная воля, всепожирающая страсть к жизни любой ценой. — Тень его руки, повторяя небрежный жест, порхнула по стене. — Не думаю, чтобы Джеймс в его положении согласился сохранить свою жизнь такой ценой, хотя, возможно, при других обстоятельствах...

«Все, кроме меня», — возник в сознании шепот брата Антония, неустанно раскладывающего кости в подземельях Парижа. Эшер покачал головой и тихо сказал:

— Нет.

Исидро повернул к нему голову и взглянул по обыкновению невыразительно.

— А еще говорят, что нет больше веры в Бога! — заметил он и снова повернулся к Блейдону. — Если уж Джеймс не подходит для этой цели, то что говорить о том уличном сбросе, который вы будете ко мне приводить! Когда мастер творит птенца, от птенца зависит столько же, сколько и от мастера. Я сомневаюсь, что смогу сотворить вампира, зная, что творю фуражный корм, как бы я при этом ни старался. Буду удивлен, если из тысячи выживет хотя бы один.

— Вздор, — с беспокойством сказал Блейдон. — Вся это болтовня насчет воли и духа...

— Даже если у вас это и получится, — добавил Эшер, устраиваясь по мере возможности так, чтобы меньше беспокоить больную руку, — что дальше? Вы всерьез собираетесь держать в доме два, три, а то и четыре десятка птенцов-вампиров? Птенцов, которые преданы и подчинены только своему мастеру? Начать с того, что сам Кальвар был выбран весьма неудачно женщиной, которая его сотворила. Вы собираетесь быть более разборчивым? Особенно если учесть ваше наставление Деннису — отбирать лишь ненужных, порочных, вредных для общества.

— Пусть это вас не заботит. — Голос Блейдона был тверд, и в глазах снова появился знакомый упрямый блеск. — Это только временная мера...

— Как подходящий налог?

— В любом случае, выбора у меня нет. Состояние Денниса ухудшается. Вы сами это видите. Ему нужна кровь, кровь вампира, чтобы хотя бы приостановить болезнь. Если вы, Исидро, отказываетесь мне помочь...

— Отказ или согласие здесь ничего не решают.

— Перестаньте лгать.

— Перестаньте и вы лгать себе, профессор. — В бесстрастном голосе Исидро Эшеру послышалась еле различимая и все же вполне человеческая нотка. Блейдон отступил на шаг, грозя револьвером.

— Если вы все-таки сделаете выбор, я постараюсь предоставить...

— Больше людей? — осведомился Эшер. — Тех, кого вы признаете непригодными?

— Это мой сын! — Голос старика сорвался. Так и не справившись с дрожью, Блейдон добавил: — Кроме того, речь идет о благе страны. Если эксперимент удастся взять под контроль...

— Великий боже, вы еще собираетесь его продолжать? — Эшер извернулся и сел, опираясь спиной на стенку гроба. — Ваш собственный сын гниет у вас на глазах из-за вашего эксперимента — и вам все мало?

Блейдон шагнул вперед и ударил Эшера по лицу стволом револьвера. Исидро убрал ногу, чтобы Эшер не задел ее больной рукой, и со слабым проблеском интереса поглядел на взбешенного ученого, который тем временем поднял лампу с пола и отступил к двери.

— Мне жаль, что вы так думаете, — тихо сказал Блейдон, но свет лампы метался по стенам — руки у старика дрожали. — Вас, дон Симон, я намерен держать сытым и здоровым, пока буду изучать вашу кровь до появления более сговорчивого вампира. Что же касается вас и вашей жены, Джеймс, то я надеюсь, что вы укажете мне, по какому адресу она проживала в Лондоне. Сама она мне отказалась это сообщить, а мне нужны результаты ее поисков...

— Не будьте наивным, — сказал Исидро. — Гриппен бросил все бумаги в огонь еще

прошлой ночью, как только мы вышли из ее комнаты.

— Тогда я заставлю сообщить мне об этом саму миссис Эшер, — сказал Блейдон. — Теперь, когда вы здесь, Джеймс, труда, я думаю, это не составит.

Держа револьвер направленным на Исидро, он попятился к выходу.

— Не ушибите вашего сына, когда будете выходить, — напутствовал его вампир, затем дверь заслонила янтарное сияние лампы и засов скользнул на место.

Западный ветер за день разметал облака, и ночное небо за окном было чисто. Белый лунный свет, смешиваясь с сиянием газовых фонарей, лился через стену сада. С обычной своей экономией движений Исидро встал и наклонился над Эшером, намереваясь перекусить веревку на его запястьях. Ледяные губы коснулись вен, скрипнули зубы. Затем путы ослабли. Правую руку разломило болью, когда Исидро бережно вновь водрузил ее на перевязь.

— Вы думаете, он подслушивал?

— Конечно, подслушивал. — Вампир взялся за ослабшую веревку на ногах Эшера и разорвал одним движением. — Он все время был за дверью, он даже и не выходил в сад, хотя вампир с его возможностями мог подслушать наш разговор и оттуда.

Он помог Эшеру присесть на крышку гроба и с кошачьей грацией скользнул к единственному окну, стараясь, однако, держаться подальше от серебряных прутьев.

— Тройное стекло, — коротко сообщил он. — И проложено проволокой. Мы могли бы вывернуть замок, будь у нас подходящий рычаг...

— Вы думаете, он следил за нами еще в переулке?

— Уверен. Я чувствовал... ощущал... не знаю. Он напал на меня сзади, а я даже не знал, что он рядом. — Он склонил голову, прикидывая, что ему делать с замком; горбоносый профиль белел в темноте, как бледная орхидея. — Но я прислушиваюсь к малейшим звукам вот уже много дней и поэтому не был точно уверен, слышу я что-либо или же мне просто показалось. Страх здесь плохой помощник.

Интересно, когда в последний раз дон Симон Исидро признавался, что боится чего-то? Глядя на него сейчас, Эшер не мог отделаться от ощущения, что перед ним настоящий, живой дон Исидро, а не вампир, в которого он превратился три с лишним столетия назад.

— *Merde alors!* — Исидро отступил от решетки, тряся обожженным пальцем. — Забавно, что Блейдон опасался, чтобы его сын не услышал, как делают вампиров. Конечно, разумная предосторожность, так легче держать его под контролем, но... — Исидро замолчал, прислушиваясь. — Он ушел.

Можно было бы и не сообщать — буквально через несколько секунд по лестнице зачастили шаркающие торопливые шаги и раздраженный голос Блейдона позвал:

— Деннис! Деннис...

Эшера обдало ознобом — он все понял.

— Он ушел за Лидией!

Озноб сменился жаром бешенства — сильнее любой боли, изнеможения и отчаяния.

— Вот почему он подслушивал. Он хотел знать, как самому сотворить вампира.

— *Sangre de Dios!* — Неуловимым движением Исидро сорвал серый жилет и обмотал им руку. Эшер, зная уже, что вампир собирается делать, неуклюже снял руку с перевязи и тоже освободился от жилета. Протянул его Исидро, но жилет просто исчез из его руки, прежде чем он заметил движение вампира. Тот уже стоял у окна, укутывая руку поплотнее. Взявшись за прут, напрягся (на обнаженных выше локтя руках прыгнули мышцы), но уже в следующий миг отпрянул от решетки, потирая обожженные места.

— Ничего хорошего. Металлургия далеко ушла с тех пор, когда на решетку хватало силы десятерых человек, а я не могу долго за нее держаться. Если бы мы могли разобрать кладку вокруг прутьев и вынуть их... — Его бледные глаза, обежав тюрьму, остановились на Эшере. — Проклятье, ну почему человек, считающийся джентльменом, должен носить подтяжки, а не пояс с большой и крепкой металлической пряжкой, как это было в мои времена...

— Его бы у вас отобрали. — Эшер стоял на коленях рядом с гробом. — Он об этом

подумал. Даже дверные ручки сняты.

Исидро выругался — бесстрастно, архаично и на нескольких языках. Эшер укладывал руку в перевязь, думая об одиноком большом доме, отдаленном на мили от ближайшего жилья.

— Деннис должен знать, что по-другому он ее не получит...

— Если это вообще сработает, — сказал вампир. Он стоял не шевелясь, но глаза его блуждали по комнате. — Если, как полагаете вы, вампиром становятся, усвоив некий микроорганизм, чему я не верю, то это еще не значит, что передается и его искусственная разновидность. Даже если вампира пытается создать мастер, знающий дело, чего нельзя сказать о нашем друге.

— Это не означает, что он не убьет ее своей попыткой. — Гнев на Блейдона, на Денниса, на Исидро, на других бог знает где прячущихся вампиров переполнял Эшера. — Может быть, я дотянусь до замка... Если бы мы с ним справились, можно было бы позвать на помощь.

— У вас недостаточно сильные пальцы, чтобы вырвать его из рамы.

Эшер выругался, потом сказал:

— Как скоро он туда доберется? До Пиков около сорока миль — он ведь не сможет воспользоваться поездом...

— Он побежит. Вампир способен бежать всю ночь без передышки. *Verdammnis*, есть в этой комнате железка больше, чем пряжка на помочах? Будь вы женщиной, у вас бы, по крайней мере, были ребра от корсета...

— Есть! — Эшер сел на крышку гроба и торопливо принялся разуваться с помощью здоровой руки. Он бросил туфлю вампиру, и тот поймал ее, кажется, даже не шевельнувшись. — Силы десятерых человек хватит, чтобы разорвать подошву? Там есть трехдюймовый стальной стержень, поддерживающий подъем. Так делаются все мужские туфли.

— Стало быть, я служу... — пробормотал сквозь зубы Исидро, в то время как его длинные белые пальцы с ужасающей легкостью обдирали тугую кожу, — делу посрамления чудес механики... Где его усадьба? Что-то я до сих пор не слышал ни о каких пиках на этом острове...

— Нет там никаких пиков. Усадьба находится в меловой низине неподалеку от Оксфорда. Тесть Блейдона построил ее, когда хорошо нагреб денег в сороковых. Блейдон оставался там, пока не умерла жена. У него была квартира в колледже, когда он еще преподавал...

— То есть вы знаете, как туда добраться? — Исидро уже вовсю трудился над окном. Руки его были обмотаны обоими жилетами — на случай нечаянного прикосновения к серебру. Скрежет металла по цементу напоминал визг пилы.

— Конечно. Я бывал там неоднократно, хотя за последние годы — ни разу.

Вампир приостановился, вслушиваясь. Где-то в доме хлопнула дверь. Исидро сказал мягко:

— Он сейчас в саду, зовет сына. Голос испуганный.

Полные ярости глаза Эшера встретились со спокойными глазами Исидро. Эшер изо всех сил напрягал слух, но так ничего и не услышал.

— Все. Ушел. — Исидро вернулся к прерванному занятию, сквозь зубы моля Бога поразить подмышки Блейдона вшами всей корабельной команды, а живот червями — и все это на архаичном пришепетывающем наречии испанских конкистадоров. Резко переключившись на английский, он добавил: — Лошадей мы можем взять в стойлах...

— Мотоциклом быстрее, и не нужны запасные лошади. Он сейчас в сарае рядом с моим домом. Я его основательно перебрал, так что он надежнее, чем все прочее. — С помощью здоровой руки и зубов Эшер затянул бинты потуже; на лбу от боли выступил пот. — Вам нужна моя помощь?

— Все, что мне нужно, так это железный лом, а вовсе не сомнительная помощь

увечного пожилого шпиона. А поскольку вы лишены приятной способности гнуть стальные прутья, стойте где стоите и отдыхайте.

Эшер был рад подчиниться. Рука распухла почти до локтя, он уже чувствовал головокружение и легкий жар. Осторожно свел в кольцо большой и указательный пальцы — что ж, есть надежда, что с рукояткой газа он справится.

Как быстро может бежать вампир? Он сам наблюдал, что Гриппен и Исидро могли двигаться с невероятной скоростью. Неужели они и вправду способны бежать не отдыхая?... Скрежет металла не умолкал ни на секунду. Казалось, он будет продолжаться вечно.

— Dios! — Дон Симон отступил от окна, стряхнул ткань с запястий и принялся растирать руки. Сжимая от боли зубы, он сказал:

— Этот прут свободен, но я не могу взять его. Руки у меня уже ослабли, серебра так много, что жжет даже сквозь материю.

— Сейчас. — Эшер торопливо сбросил вторую туфлю и подошел к окну. Прут свободно ходил в гнезде. Здоровой рукой Эшер раскачал его, подергал и в оконце концов освободил. Исидро снова замотал руки, осторожно потянулся к сложному оконному замку и, вырвав его, поднял стекло.

— Сможете пролезть?

Эшер осмотрел образовавшуюся брешь.

— Думаю, да.

Поизвиваться ему пришлось основательно — с помощью всего одной руки, зная, что единственная опора на той стороне — узенький карнизик. Исидро поддерживал его как мог; один раз он нечаянно коснулся прутьев, и Эшер почувствовал, как по руке вампира прошла судорога боли.

— Все в порядке, я уже на ногах, — сказал он и получил в ответ свистящий болезненный выдох. Холод яростно кусал голые руки и шею. Как можно быстрее Эшер пробрался к приоткрытому окну лаборатории и, пройдя знакомым путем, открыл засов на бронированной двери.

Исидро уже успел надеть свой измятый жилет; тонкие белые руки были покрыты пятнами, действительно напоминающими обширные ожоги. Трясущимися пальцами Эшер перевязал его с помощью носовых платков — своего и Исидро.

— Блейдон должен держать деньги в кабинете, — бросил он. — Возьмем кэб до Блумсбери — а там станция на Харли-стрит...

— Сейчас уже за полночь. — Исидро согнул руки в локтях и содрогнулся.

— Вы увезете вашу леди на мотоцикле. А вот найдется ли там место, где бы я мог укрыться, если нас застанет утро?

Эшер покачал головой.

— Не знаю. Ближайший город — в восьми милях, и он очень маленький.

Исидро помолчал некоторое время, затем нахмурил светлые брови.

— Может быть, сельская церковь. Там всегда бывают сельские церкви. Джеймс...

Он обернулся, когда Эшер прошел мимо него в комнату и поднял лежащий у окна морозно сверкающий в свете луны посеребренный прут. Два с половиной фута длиной, покрытый с помощью гальванизации серебром, тяжелый, как ломик. Эшер взвесил его в руке и взглянул на вампира, неподвижным призраком маячившего у двери.

Подбирая слова, как выбирают, куда наступить, идя через болото, Исидро спросил:

— Деннис привел вас сюда? Или вы пришли сами — из-за меня?

— Я пришел сам — из-за вас.

— Это было глупо с вашей стороны... — Исидро умолк, и лицо его стало совсем человеческим, пока он решался выговорить слово, которое, надо полагать, не произносил в течение нескольких столетий: — Спасибо...

— Я у вас на службе, — напомнил Эшер и пошел к двери, покачивая серебряным прутом. — Кроме того, — добавил он угрюмо, — убийца еще не уничтожен.

Глава 21

— Мог он нас здесь обставить? — Как только они выехали на склон холма, откуда должны были показаться стена, окружающая Пики, и ворота, Эшер выключил передачу, напомнив себе при этом, что, как и у большинства мотоциклов, тормоз у «индианы» слабый. Луна уходила, колеи были почти неразличимы. Вопрос Эшер задал, не понижая голоса. Если Деннис был уже здесь, он бы его услышал так или иначе.

— Не уверен. — Руки Исидро обхватывали поясицу Эшера, как тонкий канат; сквозь кожу куртки он чувствовал спиной это легкое, как скелет, тело. Эшер не был уверен, удержался ли бы на заднем сиденье живой человек, пока они ехали по вьющейся дороге от Уиком-Парвэ. — Как подметил Бюргер, описанный неопенимым мистером Стокером: «Die Todten reiten schnell» — «Смерть путешествует быстро».

Мягко притормаживая, Эшер остановился у железных решеток закрытых ворот. Сквозь них он мог видеть дом — псевдоготическое чудовище из отечественного кирпича и тесаного камня, добытого из разрушенных домов ближе к Оксфорду, темное по контрасту с голыми вязами парка и с огромной возвышенностью позади. Неухоженный луг густо зарос сорняками, а деревья, располагавшиеся к югу и к востоку от дома, уже подверглись первому вторжению осоки и бузины. Усадьба была, судя по всему, поручена заботам сторожа с того самого дня, когда Блейдон съехал отсюда после смерти жены, да и сторож, скорее всего, давно уже здесь не появлялся.

Видимо, он был просто уволен, как только началась эта история с Деннисом, и Эшер вновь почувствовал гнев при мысли об упрямой безответственности Блейдона. Случись что-нибудь в Лондоне — от утечки газа до непритормозившего омнибуса — и Лидии бы никто уже не пришел на помощь. Кроме Денниса, конечно.

— Иными словами, он все-таки может поджидать нас в доме? — Эшер слез с мотоцикла, и Исидро легко спрыгнул следом. Глаза вампира мерцали, и Эшеру подумалось, что путешествие пришлось ему по вкусу.

— Или идти по пятам. — Исидро наклонился, уперев в колени забинтованные руки. Эшер снял очки, прислонил мотоцикл к стене, отвязал от руля посеребренный штырь и сунул его за воротник куртки. Используя спину Исидро в качестве ступеньки, вскарабкался на шестифутовую стену рядом с воротами и чуть не свалился от неожиданности на ту сторону, когда вампир неожиданно возник рядом с ним, а затем бесшумно спрыгнул в сад. У себя дома Эшер задержался лишь для того, чтобы надеть ботинки, очки и кожаную куртку, потому что ночь выдалась холодной. Исидро по-прежнему был в легкой рубашке и, казалось, не слишком горевал по этому поводу.

— Честно говоря, я не предполагал, что мы решимся на поиски.

— Вы что-нибудь можете услышать отсюда? — спросил Эшер.

Вампир прикрыл глаза, вслушиваясь в еле различимый шорох ветра в осеннем лесу.

— Неясно, — пробормотал он наконец. — Но в доме кто-то есть — за это я ручаюсь.

Эшер спрыгнул в сад и достал из-за шиворота посеребренный штырь. Небо начинало затягиваться быстрыми облаками. Дом маячил тусклой серой глыбой, испятнанный чернотой окон, похожий на изуродованный череп чудовища.

— Если он идет за нами по пятам, он может напасть еще до того, как мы проведем разведку, — угрюмо проговорил Эшер, ступая на призрачную полосу подъездной дороги. — А если он уже здесь, то мы все равно не сможем увидеть его или услышать?

Эшер знал расположение комнат в Пиках, хотя с Блейдонами был знаком весьма поверхностно. Просто большинство преподавателей рано или поздно получали приглашения, а у Эшера как у профессионального агента была хорошая память на такие вещи. Каждая клетка его тела сокращалась при одной только мысли, что придется без предварительной проверки самим влезть в эту темную ловушку. Но другого варианта у них просто не было.

Они пересекли по краю луг и, миновав сад, оказались во дворе кухни. Исидро шел впереди по усыпанной листьями брусчатке. Таиться особого смысла не было — как и

шептать: либо они были в безопасности, либо они были обречены. И если Деннис еще не прибыл, если им ничего пока не грозило, то здесь, на открытом пространстве, все-таки можно было надеяться, что Исидро услышит приближение дневного охотника.

Кроме того, в подвалы можно было попасть только через кухню.

Поднимался ветер, тихо постанывая над склонами и шевеля темную кромку леса в сотне футов от дома. Все это очень не нравилось Эшеру. Стойла, занимающие одну сторону двора, все были заперты, как и дверь кухни, но Эшер выбил стекло локтем и дотянулся до щеколды. Исидро стоял рядом, чутко поворачивая голову то в одном направлении, то в другом; порыв ветра раздул его бледные мягкие волосы. Вампир пытался увидеть невидимое и услышать то, что было не громче падения пылинки.

В темноте кухни пахло плесенью и гниющими объедками. Стоило Исидро найти и зажечь лампу, как послышался шорох стремительных быстрых лапок и лоскут света выхватил на секунду хвостики удирающих мышей. Эшер тихо выругался. Открытые консервные банки и грязные тарелки густо заполняли старомодные кухонные столы, как бродяги, спящие под набережной летней ночью. Блейдон, конечно, слишком спешил, чтобы накачать и согреть воды для мытья посуды. Вампир поднял лампу повыше, и Эшер заметил, как дрогнули его изящные ноздри.

— Он может быть здесь, скрывая от нас свое присутствие, но я не думаю, чтобы он приходил и уже ушел. Раны его гниют, и запах должен был остаться в стоячем воздухе.

— Сначала осмотрим подвал, — сказал Эшер, направляясь по каменному полу к узкой двери возле плиты. — Наверх мы всегда сможем проникнуть через окно. — Он толкнул дверь. Темный проем встретил его удушающим запахом пыли, угля и мышей. — Спускайтесь первым. Если он здесь, то, скорее всего, нападет сзади.

Он двинулся вслед за Исидро по ступеням, прижимаясь спиной к панелям и держа наготове серебряный прут. Винный подвал оказался совершенно пуст, если не считать стоек да ямы, наполненной до половины углем и грязью.

— Есть еще один подвал за каморкой дворецкого, — сказал Эшер, когда они вернулись в кухню; тени их пьяно шатались по стенам. — Дверь весьма неприметная. Я никогда не был в этом подвале. Может быть, там всего-то и места, чтобы хранить обувь, а может быть, и нет.

Каморка дворецкого скорее напоминала чулан, нежели жилое помещение, вся уставленная полками с фамильным серебром. Задвинутая буфетом дверь оказалась запертой снаружи.

— Она там, внизу, — пробормотал Исидро, пока Эшер отодвигал засов. — По меньшей мере, кто-то там есть и дышит, как она.

— Лидия! — позвал негромко Эшер в темноту, пропуская Исидро вперед. Лестница, зажатая кирпичными стенами, выглядела прекрасной ловушкой, а внизу их ждала еще одна закрытая дверь. — Лидия, это Джеймс! Не бойся...

Дверь распахнулась, стоило Исидро отодвинуть засов, причем с удивительной силой. В неровном свете лампы Эшер увидел бледное лицо Лидии и вьющуюся массу распущенных волос. Очки ее сверкнули, и еще сверкнула тонкая полоска серебра в ее руке, которой Лидия попыталась полоснуть Исидро по глазам. Вампир уклонился, и она, промахнувшись, вынуждена была схватиться за стену.

— Лидия, это Джеймс! — снова закричал Эшер. Она метнулась было вверх по лестнице, но остановилась испуганно при виде темной фигуры, ожидающей ее наверху. Исидро невозмутимо поднял лампу, чтобы осветить лицо Эшера.

— Джеймс... — всхлипнула Лидия и тут же стремительно обернулась на вампира, неподвижно стоящего с лампой в позе статуи Свободы.

— О... — Секунду Лидия была в замешательстве; серебряная заколка злобно сверкала в ее пальцах. — Извините. Вы, должно быть, дон Симон Исидро... — Она протянула ему другую руку, и он поцеловал ее, склонившись с античной грацией.

— Рад был с вами встретиться, — сказал вампир; она нервно засмеялась, услышав эту лживую банальность, и оба поспешили подняться по лестнице. — К. вашим услугам, мадам.

Наверху Лидия отчаянно обхватила Эшера за талию и уткнулась лицом в жесткое кожаное плечо. На секунду у него пресеклось дыхание. Он чувствовал, как она вся дрожит после неудачной атаки на того, кого сочла своим похитителем. Эшер обнял ее за плечи здоровой рукой, в которой был зажат серебряный прут.

Потом Лидия резко отстранилась, видно, уяснив, что не стоит связывать его единственную вооруженную руку. Исидро уже проскользнул мимо них (Эшер так и не понял, каким образом он это сделал) и выбрался из тесной комнатенки дворецкого. Лидия с чисто медицинской алчностью проводила его взглядом.

— С тобой все в порядке? — спросил Эшер. Она кивнула, одергивая поплотнее джемпер. «Блейдоновский, — отметил он. — Слишком для нее велик».

— Это комната дворецкого? Вы не могли бы накачать хоть немного воды? Ту, что приносил мне профессор Блейдон, я не пила — он наверняка подмешал туда наркотик... — Нет, — коротко сказал Исидро. — Мне не нравится запах этой ночи, неприятное чувство. Что-то здесь...

Эшер хотел возразить, но Лидия сказала:

— Нет, он прав, это отнимет много времени. Что с твоей рукой?

— Деннис.

Они остановились в дверях кухни. В смутном звездном свете двор и лес позади него казались живыми от ветра. Эшеру они были ненавистны, как ненавистна была вся эта усадьба, готовая сжаться вокруг них, как кулак.

— Надо держаться поближе к стене, — выдохнул он. — На открытом месте мы беззащитны. Здесь он сможет нас атаковать хотя бы только с одной стороны.

Он решился и шагнул за порог. Лидия следовала за ним с лампой. Оглянувшись и увидев их вместе, Эшер был поражен тем, что вампир лишь немногим выше Лидии.

— Ты... видел его? — шепнула она. Ветер качнул тесемку сдвинутых на лоб мотоциклетных очков — и Эшер вздрогнул.

— А ты?

Она покачала головой.

— Но я догадываюсь, почему он говорил со мной через дверь. — Лидия взглянула на Исидро и облизала губы. — Сыворотка профессора Блейдона, должно быть, сделала его... таким, как вы?

— Отнюдь, — отозвался вампир, не отрывая взгляда от луга и кустарника за ним. — Деннис на меня никак не похож.

Они вышли к фасаду. До железных прутьев ворот им предстояло пройти семьдесят с лишним футов по исполосованному колеями гравию. Порыв ветра гнал мертвые листья буков, как грешные души у Данте, которым уже не суждено увидеть радости жизни. Мотоцикл ждал по ту сторону стены, и душа Эшера буквально корчилась в этой туманной огромной темноте. Он быстро оглянулся на Исидро. Вампир тревожно вслушивался в ночь.

— Вы сможете вернуться в Лондон пешком?

— До рассвета — нет. Но у меня есть убежище относительно неподалеку — приобретено совсем недавно и, надо полагать, лишь поэтому не попало в ваш список, моя дорогая миссис Лидия. Возвращайтесь в Лондон. Будьте начеку и держитесь людей. В людных местах он не рискнет напасть, иначе уже его собственная жизнь окажется под угрозой. Я приду, как только смогу...

Втроем они отважились оторваться от спасительной стены. Ветер взметнул темную юбку и волосы Лидии, покачнул задрезжавшую лампу, бросившую смутный отсвет на стебли сорняков. Железный мрак подступал отовсюду. Лидия прошептала:

— Может, лучше бегом?

— Это ничего не даст, — пробормотав Эшер. — Кроме того, на бегу и вовсе ничего не заметишь.

Во всяком случае, они бы чувствовали себя поувереннее, продвигаясь медленно и осторожно. Впереди вырастала стена — каменные столбы ворот, запертая сторожка,

железная решетка и качающиеся сорняки.

Рука Исидро коснулась плеча, и Эшер замер. Серая тень мелькнула по ту сторону ворот...

Эшеру удалось увидеть, как Деннис перемахнул стену, хотя мозг не в силах был воспринять все это в подробностях. Нескладный массивный силуэт соскользнул со стремительность пумы с высокого каменного столба ворот, свет лампы отразился во вспыхнувших во мраке глазах. Затем он двинулся к ним. Эшер стоял остолбенев и глядя, как удивительно быстро к ним приближается смерть. Исидро готов был очнуться, поэтому Деннис первым атаковал его. Исидро попытался уклониться и был схвачен, но лишь одной рукой.

Страшась опоздать, Эшер нанес удар по запястью Денниса в тот самый миг, когда тот уже вонзал клыки в горло Исидро. Краем глаза Эшер видел черный блеск крови, хлынувшей из-под клыков Денниса. Зарывав от боли, вампир оглянулся, и Эшер изо всех сил ударил его прутом поперек лица, почувствовав, как хрустнули кости черепа. Деннис закричал. Вязкая горячая кровь брызнула в глаза, ослепила. Затем вампир исчез. Лидия и Исидро, из разорванного плеча которого тоже всю хлестала кровь, потащили спотыкающегося Эшера через луг к деревьям. Позади них полыхнула в луже керосина брошенная лампа.

— Развалины церкви! — выдохнула Лидия. — Укроемся в ней, а запереть он нас там не сможет!

Свитер ее был забрызган кровью, даже стекла очков были покрыты россыпью черных капелек; в кулаке зажаты первые четыре дюйма окровавленной серебряной заколки. Должно быть, она успела ударить Денниса с другой стороны. Плечо Исидро было разворочено чуть ли не до лопатки, черное пятно с устрашающей скоростью расползлось по белой рубашке.

Длинные сорняки цепляли их за ноги, пока они пробирались заросшим садом. Подошвы скользили в грязи и мокрых листьях. Где-то сзади все еще раздавались стоны Денниса, обожженного серебром. Правую руку, за которую Эшера поддерживал Исидро, терзала боль, но сейчас уже было не до этого. Любой ценой они должны были найти какое-либо укрытие, хотя бы стену или склон, способный защитить от нападения с тыла.

Разрушенная церковь стояла в низинке примерно в сотне ярдов от дома, ее оплетенные плющом стены были заслонены целой рощицей молодых буков. Церковь представляла собой, по словам Лидии, идеальное укрытие, где запереть их было невозможно, а возле алтаря под проваленной крышей они были бы защищены с трех сторон, сузив заодно фронт возможной атаки.

— Как насчет усыпальницы? — Исидро, ослабев, оперся на обломок колонны, пока Лидия выламывала выросший в каменной щели росток березы. С видимым усилием вампир выпрямился и поглядел на покрытый мхом алтарь. — Если сюда есть еще один путь, он может...

— Здесь нет усыпальницы. — Лидия освободилась от одной из нижних юбок, влажных от травы, по которой они бежали. Непослушными пальцами Исидро разорвал сухую часть юбки на длинные полосы и, обмотав вокруг выломанного ростка, соорудил факел. Не сводя глаз со склона, отделявшего церковь от луга, Эшер бросил им коробок спичек, который всегда носил в кармане куртки. Зашипела сера, и ткань воспламенилась.

— Дед Денниса переделал эти руины одновременно со строительством дома — специально выписывал для этого архитектора из Бирмингема. Днем все это действительно выглядит весьма живописно. Эта стена, вон те арки и могильные камни на склоне — все это тогда и было сделано.

Исидро засмеялся, в свете факела блеснули клыки. Подошла Лидия со вторым факелом в одной руке и с серебряной заколкой в другой. Рыжие отсветы плясали на заросших сорняками стенах, на ложноготических консолях, на алтаре. За линзами очков лицо Лидии было совершенно мальчишеским, испачканным, забрызганным кровью Денниса. Для Эшера она была прекрасна.

Положила спички в карман его куртки и тихо спросила:

— С тобой все в порядке?

Болезненно-яростные стоны Денниса умолкли, ветер стих. Обнаженные буки и густые заросли бузины и боярышника, окружающие стены, казалось, замерли в ожидании. Но тишина была еще хуже, чем шум ветра.

— Ты имеешь в виду: кроме сломанной руки, различных укусов, контузии, ссадин и вампира-мутанта в пятидесяти футах?

Губы ее покривились.

— Да, кроме этого.

— Да.

— Я беспокоилась. — Голос ее стал еле слышен; Эшер знал, что она хорошо разглядела красные следы полузаживших укусов на его горле. В свете факела ее дыхание клубилось золотым облачком.

— Но не так, как я, поверь мне.

Последовало минутное молчание. Затем:

— А это... то, что мы видели... Это был Деннис? Когда-то она рассказала ему, что Деннис сделал ей предложение первый раз здесь, в Пиках. Деннису никогда и в голову не приходило, что она может не захотеть стать его женой. Это навело Эшера на мысль, что предложение Деннис сделал именно среди этих руин. Более романтического места не нашлось бы на двадцать миль в округе. Да еще и летом, при вечернем освещении... Он вздохнул и сказал:

— Да...

Исидро, высоко держа факел, подошел к ним поближе.

— Вы ничего не чувствуете? — Сквозь прореху в рубашке Эшер видел рану на его плече, еще струящую клейкий ручеек темной крови. Живой человек на месте Исидро давно бы потерял сознание; вампир лишь дрожал, как от сильного холода, да лицо его слегка осунулось. Оттиски пальцев Денниса виднелись и на руке между рукавом сорочки и скрутившейся в жгут перевязкой из носового платка. — Там какое-то движение на лугу, но я не могу различить...

В течение секунды было очень тихо, словно сама ночь затаила дыхание.

Затем в свете факелов появился Деннис — возник с той же пугающей внезапностью, с какой когда-то перед ними во мраке катакомб возник брат Антоний.

Эшер слышал, как сзади тихонько ахнула Лидия — от жалости и ужаса.

Известный ей Деннис Блейдон был сложен как бог — златоволосый Геркулес в белом крикетном костюме. Теперь его размеры показались ей чудовищными; грудная клетка буквально распирала рваную сорочку. Кровь текла по его ребрам из раны, нанесенной серебряной заколкой, и по лицу, разбитому ударом стального посеребренного прута. Гордый прямой нос был проломлен. Слюна и кровь капали с несоразмерно больших клыков; пораженная проказой кожа сверкала, как змеиная спина, в лунном свете. Сияющие голубые глаза не были уже глазами человека.

— Профессор Эшер, — шепнул он; речь его была вязкой, невнятной. — Лидия, отойди от него. Я не причиню тебе вреда, клянусь. Ты знаешь, я никогда не был способен на это, Лидия. Я не позволил папе причинить тебе вред...

— Только потому, что она была нужна тебе самому! — крикнул Эшер в колеблющуюся темноту. — Потому что ты хотел сделать ее такой, как ты сам; хотел заразить мерзостью из твоих вен, чтобы она была твоей вечно.

— Неправда! — Сияющие глаза Денниса яростно расширились. — Папа найдет лекарство, и мне станет лучше! И почему бы ей не быть моей? Она и будет моей — вечно! Я сделаю так, что она полюбит меня!.. Я хочу его — вампира. Он мне нужен. Он нужен мне!

— Нам он тоже нужен, — тихо сказал Эшер. — Мы без него пропадем.

Он моргнул, пытаясь держать Денниса в поле зрения, пытаясь сфокусировать свое сознание только на этом. Но Деннис ускользал, перемещаясь; дрожь движения проходила по зарослям бузины то здесь, то там; казалось, темнота колеблется повсюду.

— Он убийца, профессор Эшер, — выдохнул голос из этой темноты. — Он убивал женщин, убивал маленьких нежных детей, он бы убил и Лидию, если бы вы ему разрешили. Вы же знаете, что он убийца...

— А вы — нет? — спросил Эшер в темноту.

— Это совсем другое. Это с благими намерениями. Я шел на риск — стране были нужны мужчины с моей силой, с моими способностями. И я не убивал тех людей. Их убили сами вампиры. Кальвар и Лотта...

— Кальвар и Лотта были к тому времени мертвы, и вы, Деннис, это знаете.

— Это были они, — настаивал Деннис, напрочь отринув логику. — Это они, а не я, и потом я же делал это с благими... Мне нужна кровь! МНЕ ОНА НУЖНА!

Сознание внезапно затмилось, накатила слабость. Эшеру показалось, что он уловил движение в сорняках, скрывающих поддельные могильные камни слева, но в следующий миг Исидро взмахнул факелом, пытаясь отразить атаку возникшего перед ним Денниса. Эшер кинулся к ним и нанес колющий удар штырем в широкую спину вампира-мутанта, но Деннис исчез вновь. Исидро стоял на коленях, держась за большой мускул между шеей и плечом; сквозь тонкие пальцы снова бежала кровь. Факел лежал, потрескивая, на влажной земле.

— Убийца, — прошелестел голос, когда Эшер, не выпуская прута, помог Исидро подняться. — Вы оба убийцы. Шпионы, доносчики, трусы, убивающие в спину настоящих мужчин.

Исидро все еще держался за плечо, его била дрожь, руки (даже сквозь плотную куртку) казались ледяными; вампир невесомо опирался на плечо Эшера. Нежная белая кожа облегла кости лица, сделав его похожим на череп. Интересно, может ли вампир упасть в обморок?...

— Вы никогда не были достойны Лидии. Вы лгали ей, вы украли ее у меня. Вы сделали так, чтобы она мне отказала. Она бы любила меня, если бы не вы. Но я не буду одинок. Когда я убью вас обоих, она будет моей. Я знаю теперь, как делать вампиров...

Эшер всматривался туда, откуда, как ему казалось, исходил шепот, но не видел там никого. Исидро чуть выпрямился и тут же пошатнулся, пытаясь удержаться на ногах.

— Где он?

Исидро покачал головой.

— Не знаю. — Весьма странно было слышать, что голос его остался таким же бесстрастным, как и раньше. — Я думаю, он был среди надгробий, прежде чем напал на меня...

— Как долго мы сможем продержаться?

— Достаточно долго, чтобы на нем сказалось отравление серебром? — Лидия шагнула к ним с серебряным жалом в руке. Линзы ее очков пылали отраженным светом факела.

— Нет. — Легкая рука вампира сжала плечо Эшера. — Серебро только разъярит его и заставит с большей жадностью желать моей крови. У него еще много сил. Он может продержаться несколько дней, может быть, недель... А если схватит меня или другого вампира, то может продолжить свою жизнь бесконечно. В любом случае, восход уже скоро.

Лидия сдвинула очки поближе к переносице.

— В комнате, где они меня держали, нет окон, — сказала она. — Если мы сможем вернуться к дому, мы попробуем охранять вас...

— Вы даже не увидите, как он наносит удар. — Вампир выпрямился, отпустив Эшера, но по-прежнему держась за свое плечо; на тонких пальцах загустевала клейкая кровь, повязка из носового платка тоже вся вымокла. Исидро произнес равнодушно:

— Рассвет убьет меня, потом настанет ваш черед...

Лидия резко повернулась, воздев факел.

— Что это?

Что-то белое дрожало и двигалось среди надгробий.

Вновь поднимающийся ночной ветерок шевельнул пряди белых волос. Черное рубище трепетало на маленьком скелетоподобном тельце. Воссияли мерцающие огромные глаза вампира.

Эшер выдохнул:

— Антоний...

Белые высохшие ручки взлетели к испятнанному облаками черному небу. Эшер разглядел похожее на череп лицо и тонзуру; ему показалось даже, что ветер добросил до него иступленный, отчаянный шепот:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...

— Antonius, non! — закричал Исидро, когда темный силуэт Денниса вырвался из мрака и пал подобно грозовому облаку на маленькую одинокую фигурку среди надгробий.

Если маленький монах и мог уклониться от нападающего или оказать сопротивление, то, во всяком случае, он не стал этого делать. Деннис схватил его, как змея хватает птицу, и в тот же миг Эшер шагнул из развалин часовни. Споткнулся на неровности почвы, боль отдалась в руке. Он слышал, как окликнула его Лидия, как Исидро крикнул вслед: «Вернитесь, глупец!..» Деннис издал глубокое алчное рычание. Скорее в мозгу, нежели в ушах Эшера прозвучал слабый ускользящий голос: «Предаюсь в твои руки, Господи...» — и два вампира слились в зловещем подобии поцелуя.

Затем Деннис отшвырнул изломанное тельце и обернулся, явив окровавленные клыки, вспухшие губы и изрезанный подбородок. Со звериным рычанием он кинулся навстречу Эшеру.

Зная, что опьянение кровью лишает осторожности, Эшер взмахнул серебряным прутом, вложив в удар все оставшиеся силы. Но Деннис обрушился на него с лету, и Эшер оказался придавленным к земле. Он видел, как все шире и шире раскрывается окровавленная пасть, как увлажняются голубые глаза, но не от злобы, а от изумления и боли. И лишь когда они остекленели окончательно, Эшер понял, что Деннис умер еще в прыжке.

Полузадохнувшийся, оглушенный, со врезающимся в спину обломком фальшивого надгробия, он лежал так некоторое время под зловонной неподвижной массой, которая была когда-то Деннисом, догадываясь уже, что могло убить вампира.

Причиняя себе немилосердную боль, Эшер выбрался из-под трупа. Запрыгало пламя факела, послышался шорох юбки в сорняках, и голос Исидро произнес:

— Джеймс?...

Эшер стоял, пошатываясь, над трупом монстра, бессмысленно сжимая серебряный прут. Потом он бросил его и, спотыкаясь, подошел к телу брата Антония, лежащему, как сломанная марионетка, среди лощеной викторианской готики жульнических надгробий.

Маленький минорит лежал скомканной путаницей тонких костей и истлевшей одежды; к белым волосам прилепились окровавленные четки. Босые ноги были изрезаны и сбиты. Аорта, разорванная клыками Денниса, уже не кровоточила. Но похожее на череп личико хранило выражение странной безмятежности и даже еле уловимый намек на улыбку.

Стоящие сзади Лидия и Исидро молчали. Эшер взял мертвого вампира за левую руку и сдвинул ветхий рукав к плечу. В свете факела ряд следов от иглы в большой вене был виден весьма отчетливо. Эшер встал и двинулся, огибая надгробия, к тому месту, где они заметили первое движение.

Там лежало его широкое пальто с прицепившимися к твиду соломинками из конюшен на Куин-Энн-стрит, где он оставил его рядом с плащом Исидро. А сверху положен был бархатный футляр со шприцем и десятью ампулами нитрата серебра.

Все ампулы были пусты.

Глава 22

— Он был единственным вампиром, который смог это сделать. — Размышляя, как бы ему застегнуть пуговицы на сорочке одной рукой (и это был не первый повод к подобному размышлению), Эшер снова поглядел на коричневый бархатный футляр со шприцем и ампулами, лежащий на краю стола. — Не думаю, чтобы живой человек или вампир помоложе могли дожить хотя бы до второго укола.

Лидия покачала головой.

— Как он узнал? — Сосредоточенно хмурясь, она стояла перед зеркалом для бритья, пытаясь завязать у себя на шее виндзорским узлом галстук мужа. Последние лучи вечернего солнца, проникая сквозь дешевые кружевные занавески в комнату Эшера (Колоннада Принца Уэльского, 6), усеивали теневыми цветами белую блузку Лидии и вплетали золото в ее рыжие волосы.

— Насчет ампул? Если он следовал за нами из Парижа, он легко мог подслушать, как мы говорили об этом с Исидро в твоей комнате. Кстати, Исидро рассказывал, что вампиры могут целыми днями подслушивать разговоры будущих жертв. Антоний был неплохо осведомлен о деятельности и технологии современных людей, просто он старался держаться от всего этого подальше не в пример так называемым «хорошим вампиром». Если он видел, как Деннис атаковал меня во дворе дома Гриппена, он вполне мог решить, что против Денниса годятся лишь такие вот героические меры.

— Бедный Деннис. — Лидия распустила узел, постояла минуту, глядя на Эшера через зеркало. — Он обычно говорил такие ужасные вещи о других девушках в Самервилле — что они ведут себя, как мужчины, потому что не могут найти себе мужчину, — причем говорил совершенно не думая. Когда я делилась с ним своими планами, он напускал на себя такой снисходительный вид, словно я до тех пор в университете, пока не выйду замуж. «У тебя другая стезя» — это его обычные слова... — Она покачала головой. Справившись с узлом, сняла галстук и повернулась, чтобы надеть его на шею Эшера. — Он так хотел быть героем, но все дело в том, что я никогда не принимала его всерьез.

Эшер взял Лидию за запястье здоровой рукой, когда она поправляла ему воротник.

— Ты, однако, должна согласиться, что он никогда не позволил бы тебе рисковать собой, поехав с ним в Лондон.

— Знаю. — Печаль прошла, и Лидия улыбнулась. — Поэтому-то я и не относилась к нему серьезно. Ему представлялось, что с любой ситуацией способен справиться он один. — Она вздохнула, сосредоточила на несколько мгновений все внимание на булавке, затем поправила мужу галстук. — Ужасно, но я уверена: он впрыснул себе вакцину Блейдона, потому что не мог вынести мысли, что власть, подобная власти Кальвара, достанется кому-то другому.

Они сожгли тела брата Антония и Денниса перед рассветом, используя в качестве погребального костра дровяной сарай в Пиках. Пламя было голубым и опаляюще горячим. Эшер видел, что Лидия с интересом приглядывается к необычному оттенку пламени, и, помнится, подумал, что она обязательно возьмет это на заметку. Однако после событий сегодняшней ночи Лидия уже не горела желанием повторить опыты Блейдона, пусть даже в лабораторных условиях.

Исидро покинул их, как только вспыхнул костер. К тому времени, когда в Пики прибыла полиция, извещенная пастухами о пожаре, солнце уже встало, а Эшер и Лидия, чумазные, как жестянщики, шли по дороге к станции Принца Райсборо, поддерживая с двух сторон испорченный Блейдоном мотоцикл; широкого пальто Эшера хватало обоим. О пожаре была маленькая заметка на последней странице вечернего выпуска «Дейли мейл», ни словом не упомянувшая о человеческих останках в пепелище.

— Во всяком случае, — продолжила Лидия, отворачиваясь от окна, где алое солнце опускалось на скопище крыш и печных труб, — если идти от противного, Деннис мог бы просто не говорить мне о том, что происходит. Но это бы тоже ничего не изменило, поскольку убийца, дневной охотник (в данном случае сам Деннис) знал меня и желал. Я попалась ему на глаза, когда он следил за Забиякой Джо Дэвисом. А потом он звал меня — во сне. Конечно, он делал это с другими целями, нежели «хорошие вампиры», но... И потом рано или поздно он бы все равно узнал, как делают вампиров, и пришел бы за мной. — Лидия сняла очки и вытерла глаза. — Так что моя неудачная разведка у дома Блейдона на Куин-Энн-стрит всего лишь ускорила события.

Она подняла с кровати пальто Эшера и помогла ему одеться. Вернувшись из Пиков,

они проспали почти до полудня. Большую часть оставшегося времени они потратили на перевязку сломанной руки в Мидлсексской больнице. Эшеру следовало бы сразу же вернуться в постель, но оставалось еще одно дело.

— Тебе хочется туда идти? — спросила Лидия.

Эшер взглянул на свое отражение в зеркале. Побритый, умытый, он уже не выглядел, как бродяга, но лицо у него было бледным и осунувшимся. Даже из заграничных своих вояжей он никогда не возвращался в таком плачевном состоянии.

— Нет, — сказал он. — Но без Денниса сам он вряд ли представляет какую-либо опасность. И кто-то должен сказать ему. Только, пожалуйста, пообещай мне, что до моего возвращения ты будешь сидеть дома. Хорошо?

Она кивнула. Эшер бросил еще один взгляд на вечернее небо в окне, успокоив себя мыслью, что, когда станет совсем темно, он будет уже далеко отсюда. Гриппен знал о комнатах Лидии на Брутон-Плейс, но, насколько было известно Эшеру, понятия не имел о Колоннаде Принца Уэльского, 6.

Если, конечно, ему не сказал Исидро.

Пока доктора Мидлсексской больницы цокали и качали головами над его рукой, он попросил Лидию сходить к Ламберту и приобрести еще пять серебряных цепочек. Одна из них теперь была на его шее, остальные — на руках и ногах. Эшер двигался в направлении Оксфорд-стрит. Зажглись газовые фонари — мягкие и желтые в сумерках. Он был уверен, что Лидия тоже надела свое серебро, но сильно сомневался в том, что это поможет, если вампиры решат уничтожить свидетелей.

А он уже не работал на Исидро.

И кто-то должен был сообщить о случившемся Блейдону... И кто-то должен был убедиться, что старый фанатик не возобновит опытов «для блага страны».

Другой вещью, купленной Лидией (хотя он и не просил об этом), был револьвер. Однако вряд ли бы он сейчас понадобился ему.

В сумерках дома Куин-Энн-стрит имели весьма мирный вид. Их высокие узкие окна были освещены. В одном из них двое мужчин играли в шахматы, возле другого задумчиво стояла женщина, обняв за плечи подростка. Будь Эшер вампиром, он бы слышал сейчас каждое их слово.

В доме Блейдона был свет — видимо, в кабинете, располагавшемся на одном этаже с лабораторией и маленькой тюрьмой. Эшер сильно стукнул в дверь, и она подалась под костяшками его пальцев.

— Блейдон! — позвал он, почти не повысив голоса.

Имя еще отдавалось на темной лестнице, но, как тогда, в Оксфорде, Эшер понимал, вслушиваясь в опасную тишину, что в доме кто-то есть. Затем голос Исидро шепнул в мозгу:

— Поднимитесь сюда.

Он двинулся по ступенькам, точно зная, что он найдет на втором этаже.

Исидро сидел в кабинете Блейдона за инкрустированной персидской конторкой и сортировал валявшиеся вокруг бумаги. Вампир выглядел так, как и при первой их встрече: изящный, словно изваянный из алебаstra; нежные бесцветные волосы падают почти до плеч, облитых серой тканью костюма, купленного на Бонд-стрит, — заезжий гранд, аристократ из иных веков, танцевавший когда-то с королевой-девственницей; окаменелость с замещенными полностью клетками и душой, запаянной в этих клетках, как муравей в янтаре. Чем же он все-таки коротал вечера этих нескольких столетий?

Бледные глаза цвета шампанского встретились с глазами Эшера.

— Вы найдете его в лаборатории, — тихо сказал вампир. — У него сломана шея. Он как раз работал над очередной сывороткой — из крови, которую он выкачал из Хлои.

— Он узнал про Денниса?

— Там была телеграмма из Букингемширской полиции — о пожаре в Пиках. В золе нашли металлические пуговицы от мужских брюк, потрескавшиеся стеклянные бусины четок, стальное распятие и несколько неопознанных костей.

Эшер молчал. Исидро положил очередную тетрадь на вершину бумажного пригорка перед собой. Пригорок поехал, и брошюра, соскользнув, слетела неуклюжей птицей на пол.

— Вы собирались разобраться с ним сами? Эшер вздохнул. Ему приходилось совершать вещи похуже убийства Блейдона по куда более незначительным поводам. Он знал, что всегда сможет обратиться за защитой в министерство иностранных дел и будет надежно прикрыт друзьями из департамента. Револьвер оттягивал карман пальто.

— Да.

— Я так и думал. — Губы донна Симона тронула кривоватая, но странно мягкая улыбка, придав его лицу, как вчерашней исполненной ужаса ночью, почти человеческое выражение. — Мне хотелось избавить вас от лишних хлопот.

— Вам хотелось избавить меня от разговора с полицией об экспериментах Блейдона.

Легкая циничная улыбка стала отчетливей, холодные глаза Исидро потеплели.

— И это тоже.

Эшер остановился у конторки, приглядываясь к нему. Если нанесенные Деннисом раны и мучили Исидро (рука самого Эшера ныла под новокаиновой блокадой), то это никак не отражалось на его поведении. Тонкие руки вампира были аккуратно забинтованы — не иначе доктором Гриппеном.

— Вы понимаете, — медленно начал Эшер, — что брат Антоний не только был единственным вампиром, способным убить Денниса, способным ввести себе в вены такое количество серебра и прожить после этого еще несколько минут, но и единственным, кто на это отважился. Он был единственным вампиром, который предпочел спасение души бессмертию.

Порыв ветра качнул голые ветви в саду, столкнув их с костяным стуком. Вдали колокол на церкви ударил шесть раз. Тонкие пальцы Исидро неподвижно лежали на исписанных листах. Массивный золотой перстень блестел в свете газового рожка.

— Вы полагаете, он его достиг? — спросил он наконец.

— Вам знакома легенда о Тангейзере?

Вампир усмехнулся.

— Грешник, так напугавший своей исповедью папу Римского, что тот прогнал его, сказав: «Скорее на моем посохе распустятся цветы, нежели Господь простит такие преступления». Тангейзер вернулся к грешной жизни, а через три дня посох расцвел... Да, знакома. — Глубокие глаза Исидро загадочно мерцали. — Но, как говорил сам брат Антоний: «Нам этого не узнать».

Еле слышный звук заставил Эшера обернуться. В дверях стояли Антея Фаррен и Лайонел Гриппен. Графиня выглядела осунувшейся и измученной, доктор, как всегда, был огромен и краснолиц; на фоне налитых краденой кровью губ клыки казались ослепительно белыми.

Исидро продолжал мягко:

— Думаю, никому из нас даже и в голову бы не пришло, что такое самопожертвование возможно. Да и сам брат Антоний наверняка подумал об этом лишь после встречи с вами в катакомбах, когда вы напомнили ему о безграничности милосердия Божьего.

— Каждый вправе дурачить себя, как ему нравится, — проворчал Гриппен.

— А я думаю, если кто-то уходит из-за стола в разгар пира, то, значит, он просто пресытился.

Антея чуть склонила голову к плечу и добавила:

— Это был скорее поступок смертного.

— Ну так он и умер в итоге, — отозвался Гриппен.

Какое-то время Эшер внимательно смотрел в мерцающие карие глаза женщины.

— Да, — сказал он. — Это был скорее поступок человека, чем вампира.

— Во всяком случае, после этого его поступка ваша служба кончилась, — сказал Исидро, не поднимаясь из-за конторки. — Вы свободны.

— Свободен? — Эшер оглянулся на дверь, возле которой стояли Гриппен и графиня

Эрнчестер с лицами, напоминающими в газовом свете посмертные гипсовые маски с живыми мерцающими глазами.

— Да, свободны, — повторил Исидро. — Если хотите, можете начать охоту на вампиров, во всяком случае, на тех, кто вам лично не симпатичен. Или даже на всех, если вы человек принципа. Насколько я понимаю, какие-то принципы у вас еще остались, хотя и в сильно поврежденном виде... Но, боюсь, это окажется бесплодным занятием. Мы знаем теперь, каким образом вы и миссис Лидия нас выследили, и, поверьте, сделали из этого выводы. Отныне наши укрытия будут более, как это у вас называется, законспирированы. Вы можете преследовать нас долго и безуспешно, хотя вам, разумеется, придется вложить в это дело всю свою душу, все силы, все оставшиеся годы. А много ли их у вас осталось?

Эшер смотрел на него не отвечая. В бледных глубоких глазах вампира он не уловил ни тени насмешки. Бедный глупый Деннис убил двадцать четыре человека — слепо, почти бессознательно, в припадке ярости и желания. Исидро убил за три с половиной столетия не менее десятков тысяч — хладнокровно и расчетливо. Долг человека требовал уничтожить их до единого, чтобы они не могли убивать снова и снова, не могли порождать себе подобных.

Но в глубине души Эшер знал, что Исидро прав. Для этого требовалась одержимость во имя идеи, та самая одержимость, ради которой он застрелил когда-то человека, бывшего его другом. Он устал от этого, смертельно устал, он был просто не в силах вести борьбу.

— Мы не тронем ни вас, ни ваших близких, — продолжал вампир. — Чего вам еще желать? Это не плата — это обычная предосторожность. Человек, чей бык не был зарезан волком, редко становится настойчивым охотником. Охотиться за нами — все равно что охотиться за дымом, Джеймс, ибо у нас есть то, чего нет у вас. У нас есть время. Дни и часы счастья драгоценны вам, и вы знаете, как мало их у вас осталось. А в нашем распоряжении все время или, по меньшей мере, — добавил он с иронией, — та его часть, которая нам нужна.

Мгновенное помутнение сознания заставило Эшера обернуться в предчувствии ловушки... Но Гриппен и Антея исчезли.

Он снова повернулся к конторке и обнаружил, что кабинет пуст...

Его шаги отдавались приглушенным эхом в пустом доме. Двинувшись вниз по ночной улице, Эшер увидел язык золотого пламени в окне кабинета и серый клуб дыма, но не остановился. Вокруг поднялась суматоха, люди забегали, закричали. Полный бумаг дом должен был сгореть быстро.

На углу Харли-стрит он взял кэб и направился к дому, где Лидия лежала на кровати и, рассыпав по плечам рыжие волосы, листала медицинские журналы, терпеливо дожидаясь его возвращения.